

**МЕЖПАРЛАМЕНТСКАЯ АССАМБЛЕЯ
ГОСУДАРСТВ — УЧАСТНИКОВ СОДРУЖЕСТВА
НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ**

ЦЕНТР ИСТОРИИ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА

Таврические чтения 2014

**Актуальные проблемы парламентаризма:
история и современность**

Международная научная конференция

Часть вторая

Санкт-Петербург
2015

УДК 328; 94(4)
ББК 67.400.6
Т 13

Научное издание

Печатается по решению оргкомитета
международной научной конференции

Под редакцией доктора исторических наук,
профессора РГПУ им. А.И. Герцена,
члена научно-методического совета
Центра истории парламентаризма
А.Б. Николаева

Рецензенты: д. ист. н., доц., зав. кафедрой истории и философии Санкт-Петербургского государственного университета Л.Ю. Гусман, д. ист. н., профессор Санкт-Петербургского университета С.Л. Фирсов

Т 13

Таврические чтения 2014. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 11—12 декабря 2014 г. Сборник научных статей / Под ред. А.Б. Николаева: В 2-х частях. СПб.: Издательство «ЭлекСис», 2015. Ч. 2. 232 с.

ББК 67.400.6
ISBN 978-5-9906573-6-6

© Центр истории парламентаризма
Межпарламентской Ассамблеи
государств — участников СНГ, 2015.

ISBN 978-5-9906573-6-6

Содержание

Российский парламент и Первая мировая война

АРОНОВ Д.В. Методологические аспекты исследования либерального законотворчества периода Первой мировой войны	5
МИЧУРИН А.Н. Вопрос о подоходном налоге в Государственном совете в годы Первой мировой войны	12
РАСКИН Д.И. Комиссия по военным и морским делам Государственной думы в годы Первой мировой войны	23
КЕЛЬНЕР В.Е. М.М. Винавер и Политическое бюро при еврейских депутатах IV Государственной думы в годы войны 1914—1917 гг.	29
ЗЛАТИНА М.А. Обсуждение «запроса социал-демократической фракции по поводу незаконных действий властей в отношении евреев» в IV Государственной думе в июле-августе 1915 г.: поднятые проблемы, освещение в прессе, итоговый результат	38
ЛУКОЯНОВ И.В. Государственная дума и Первая мировая война: помощь фронту	45
ПЕТРОВА Е.Е. Роль великого князя Николая Михайловича и лидеров думской оппозиции в «ноябрьском штурме власти» 1916 года	51
ХОЛЯЕВ С.В. Планы лидеров либеральной оппозиции накануне февраля 1917 года	56
ГОРДЕЕВ П.Н. Императорские театры и Государственная дума в дни Февральской революции	65
НИКОЛАЕВ А.Б. Частные совещания членов Государственной думы в апреле 1917 года	75

Парламентская биографика

ФРУМЕНКОВА Т.Г. Член Государственного совета В.В. фон Валь — почетный опекун Ксениинского института в Петербурге (конец XIX — начало XX вв.)	84
СОКОЛОВ А.С. А.С. Салазкин: общественный и торгово-промышленный деятель	92
КАРА-МУРЗА В.В. Поездка П.Н. Милюкова в США в январе 1908 г. и реакция в России	96

КУЛИКОВ С.В. Камарилья и IV Государственная дума: назначение товарища председателя нижней палаты А.Д. Протопопова управляющим МВД	107
ИВАНОВ А.А. Отношение к Германии и немцам правого депутата Н.Е. Маркова накануне, во время и после Первой мировой войны	133

**Становление и развитие парламентаризма
в странах СНГ**

ТАРАСОВА Е.А. Работа Конституционного совещания РФ (июнь — декабрь 1993 г.)	141
КУРЬЯНОВИЧ А.В. Именное голосование по отдельным положениям проекта Конституции Республики Беларусь в Верховном Совете XII созыва (февраль — март 1994 г.): причины, реализация, последствия	149
ШАДРИНА Л.Д. Трансформация российского парламента: поиск и становление лидера. Персональный состав депутатского корпуса	159

Из истории европейского парламентаризма

ФЕДОРОВ С.Е. Процедура импичмента и английская парламентская культура первой половины XVII в.	165
ЛАБУТИНА Т.Л. Первый прецедент исключения депутата в истории английского парламентаризма: «Дело» Ричарда Стиля	170
ЖОЛУДОВ М.В. Реформа 1832 года и совершенствование парламентской процедуры в Великобритании	176
КОВИЧ М. Россия и парламентаризм в Сербии (XIX век) .	182
РОСТИСЛАВЛЕВА Н.В. Приоритеты Франкфуртского парламента	193
КРЕТИНИН С.В. Социал-демократы Германии в борьбе за парламентскую республику (начало XX в.)	202
ЧЕРНОПЕРОВ В.Л. «Демократия» и «элита» в представлении германского интеллектуала Леонарда Нельсона	210
ПЕТЕЛИН Б.В. Особенности становления парламентаризма в оккупационных зонах Германии: 1945—1949 гг.	218
Сведения об авторах	224
Список сокращений и аббревиатур	228

Российский парламент и Первая мировая война

Д.В. АРОНОВ

Методологические аспекты исследования либерального законодательства периода Первой мировой войны

*«Мудрый законодатель начинает не с издания законов,
а с изучения их пригодности для данного общества»*

Жан Жак Руссо

Проблема либерального законодательства периода Первой мировой войны достаточно давно была предметом внимания как отечественных, так и зарубежных исследователей.¹ Не стал исключением и 2014 г., многие научные мероприятия в рамках которого проходили в контексте 100-летия Первой мировой войны. При этом в работах представителей самых разнообразных школ и направлений получили свое развитие как исследования так называемого «военного законодательства», являющегося непосредственным следствием участия России в войне, так и те изменения, те трансформации, которые претерпел традиционный парламентский процесс законодательства и законодательства под влиянием как военных факторов, так и иных, в том числе связанных с военным временем, новых политических реалий. Нельзя не отметить, что обращение к историко-правовой тематике в 2014 г. стимулировалось и двумя полуторавековыми юбилеями судебной и земской реформ эпохи Александра II, в свою очередь, во многом ставшей основой для развития нового поколения российских либералов, выступивших непосредственными участниками парламентской этапа истории страны.

¹ См.: *Думова Н.Г.* Кадетская партия в период 1-й мировой войны и Февральской революции. М., 1988; *Шелохаев В.В.* Кадеты — главная партия либеральной буржуазии. 1907—1917 гг. М., 1991; *Вишневски Э.* 1) Либеральная оппозиция в России накануне Первой мировой войны. М., 1994; 2) Прогрессивный блок // Политические партии и общество в России 1914—1917 гг.: Сб. статей и документов. М., 2000. С. 89—117; и др.

Никоим образом не покушаясь на справедливость как одного, так и другого отмеченного выше подхода, представляется целесообразным вновь вернуться к дискуссии о сущностном содержании дефиниции «законотворческая деятельность». Традиционно принято определять ее через ряд системообразующих элементов в контексте понимания места и роли представительной демократии евро-атлантического типа вообще и, собственно, парламента в частности, применительно к социуму начала XX в. Примером подобных упражнений могут служить, среди прочих, и попытки автора настоящей статьи предложить определение законотворческой деятельности в одном из энциклопедических изданий, посвященных истории российского либерализма.²

В соответствующей статье было предложено понимание законотворческой деятельности либеральных фракций в Государственной думе (1906—1917 гг.) как совокупности теоретических и практических приемов политической деятельности российского либерализма, направленных на реализацию в политической практике либеральной модели реформирования России, включающей в себя разработку общих принципов и методов преобразования общественно-политической системы страны, их инкорпорирование в партийную программатику, подготовку на их основе совокупности конкретных законопроектов и внесение их в Государственную Думу с последующим политическим лоббированием и технической доработкой в рамках официальной законодательной процедуры. Это определение, как представляется, и есть пример дефиниции описательного характера. Заложенное в указанное определение историко-эволюционное описание либерального законотворчества предреволюционного десятилетия его парламентской истории несколько утяжеляет его, но причина тому кроется в специфике жанра энциклопедической статьи.

Однако если подойти к этой проблеме с позиций до сих пор не законченного спора, который возник в отечественной либеральной науке в последней трети XIX в. между представителями юридического и социологического позитивизма, то мы будем иметь дело с двумя различными методологическими подходами. В целом соглашаясь с позицией А.С. Тумановой, считающей, что собственно период либерального законотворчества приходится на время, когда эти два направления активно сотрудничали друг с другом и наблюдался процесс их взаимопроникновения и взаимообогащения,³ отметим, что сегодня си-

² См.: *Аронов Д.В.* Законотворческая деятельность либеральных фракций в Государственной думе (1906—1917 гг.) // *Российский либерализм середины XVIII — начала XX века: энциклопедия.* М., 2010. С. 320—323.

³ *Туманова А.С., Киселев Р.В.* Права человека в правовой мысли и законотворчестве Российской империи второй половины XIX — начала XX века. М., 2011. С. 58—73.

туация вряд ли может оцениваться столь же оптимистично. При этом речь идет не только и не столько о текущем законодательстве (это тема отдельной дискуссии), а о совершенно неоправданном преобладании в методологическом инструментарии современной историко-правовой и, что особенно трудно объяснимо, представителей собственно исторической науки. Примером подобного некритического подхода выступают, в частности, исследования конституций тоталитарных европейских государств первой половины XX в., в том числе и из числа презентованных в рамках «Таврических чтений». Их авторы вполне искренне задаются вопросом — почему замечательные, буквально чеканные юридические нормы не останавливают трансформацию социума от вполне благополучной буржуазно-демократической республики к крайним формам тоталитарного типа государственного устройства, опирающегося к тому же на откровенно человеконенавистническую идеологию?

Соответственно, в случае обращения к методологии изучения понятия либеральной законотворческой деятельности в контексте разницы в подходах к пониманию историко-правовых явлений с позиций юридического и социологического позитивизма мы не можем не констатировать, что устоявшейся практикой выступает применение методологии юридического позитивизма, потенциально тяготеющей к игнорированию специфики общественных отношений, стоящих за той или иной законотворческой деятельностью. Применительно к проблематике либерального законотворчества, в том числе и в период Первой мировой войны, использование этой методологии ведет к смещению собственно законотворческой деятельности либеральных партий в Государственной думе с различными проявлениями их политических практик. Типичным примером в данной сфере выступает законотворческая деятельность Прогрессивного блока, прежде всего в той части, где речь идет об использовании законотворческого багажа конституционно-демократической партии периода Государственной думы двух первых созывов.

Наиболее репрезентативным примером может служить практика IV Думы, в которую был внесен законопроект «О неприкосновенности личности», сопровождавшийся проектами нормативно-правовых актов, в той или иной мере связанных с основными правами человека. В их числе были законопроекты: «О свободе собраний», «О свободе союзов», «О свободе печати», «О всеобщем избирательном праве», «О свободе совести», а также «О неприкосновенности депутатов». О результативности этих либеральных законотворческих инициатив говорит отчет фракции прогрессистов, где указывалось, что «все они похоронены в недрах вопроса о желательности их, хотя бы, кажется, не может быть и спора о желательности того, что необходимо».⁴ Однако

⁴ Фракция прогрессистов в IV Государственной думе. Сессия I. 1912—1913 гг. СПб., 1913. Вып. 1. С. 55.

вряд ли можно серьезно говорить о надеждах инициаторов этой совокупности законопроектов на их реализацию в рамках законотворческой процедуры. Соответственно, как данные законопроекты, так и аналогичные им, как нам представляется, могут быть квалифицированы как агитационно-пропагандистские средства, являющиеся законопроектами лишь по своей внешней форме. Критериями отнесения вносимых в Думу, с полным соблюдением формальных требований к процедуре материалов к агитационно-пропагандистской, а не к законотворческой деятельности могут служить, прежде всего, следующие показатели: 1) целеполагание их инициаторов; 2) степень вероятности прохождения законопроектом всех стадий законотворческой процедуры и 3) соответствие проектов уровню законотворческой техники соответствующего исторического периода. Сам набор этих показателей, а также термины, в которых они описаны, совершенно определенно относятся к понятийному полю социологического позитивизма. Стремление увидеть за каждой нормой права регулируемое общественное отношение, в том числе и на самых ранних стадиях законотворческого процесса, позволит исследователю узвать субъективные намерения акторов законодательной процедуры с объективной стороны бытия нормы права. Неким поэтическим переложением этой мысли могут служить строки из стихотворения Роберта Бернса «Лорд-адвокат»:

Слова он сыпал,
обуян ораторским экстазом,
И красноречия туман
Ему окутал разум.
Он стал затылок свой скрести,
Нуждаясь в смысле здравом,
И где не мог его найти,
Заткнул прорехи правом...

Вместе с тем подобный методологический подход в первую очередь должен исключать стремление к упрощению процедуры научного анализа. Приведенный выше пример относится, на наш взгляд, к числу своего рода эталонных, в столь чистом виде встречающихся крайне редко. Существует несколько слоев фракционно-партийного законотворчества, гораздо более проблемных для их анализа и соответствующей классификации. Говоря о практике работы либералов, прежде всего кадетов, в III и IV Государственной думе мы, как бы это ни казалось парадоксальным, должны отнести к законотворчеству всю совокупность того, за чем в отечественной историографии еще с дореволюционных времен закрепились названия «законодательной вермишели» или «закончиков». Не вдаваясь в подробности, связанные с переоценкой ли-

бералами этого сегмента в своей парламентской работе, отметим, что он выступает в качестве законотворческого материала с позиций как социологического, так и юридического позитивизма.

Вместе с тем исследование думского законотворчества начала XX в. требует ответа на вопрос о том, следует ли применять к его анализу современные подходы классификации нормативно-правового обеспечения процесса государственного управления. В самом общем виде оно заключается в том, что значительная часть «закончиков» «закончиками» не является, будучи, по современной классификации, типичными актами управления. Полагаем, что с позиций социологического позитивизма следует рассматривать нормативно-правовые сущности в контексте исторического времени их реального существования, а, соответственно, относить к законодательному материалу то, что считалось таковым в соответствующую историческую эпоху.

Однако значительная часть нормотворческого материала, во многом состоящая из либеральных наработок, гораздо труднее поддается классификации с позиций социологического позитивизма. Относятся ли сюда те конкретные направления законотворчества кадетов 1916 г., которые известны как органическая работа в области социального законодательства, народного образования в связке с октябристами, а также инициирование рассмотрения законопроектов о местном самоуправлении, защита принципов равноправия народностей и государственной автономии Финляндии, законопроектов «О крестьянском равноправии», «О реформе городского и земского положений и о волостном земстве», принятие бездефицитного бюджета и ряд других.⁵ Полагаем, что в данном случае мы имеем дело с классическим вариантом законотворчества, вполне укладывающегося в рамки критериев, обозначенных выше.

Вместе с тем применение данной методологии к этапу деятельности либералов в рамках Прогрессивного блока и связанного с внесением в Государственную Думу пакета законопроектов в области прав и свобод человека, разработанных еще в преддумский период, а также во время работы Думы Первого и Второго созывов, показывает, что он не подпадает под понятие законотворческой деятельности. Хотя тот же блок законопроектов в период I и II Думы вполне может быть отнесен к либеральной законотворческой деятельности. Это происходит именно в силу его несоответствия в период IV Думы системе предложенных критериев. И прежде всего как с точки зрения целеполагания их инициаторов, так и с точки зрения степени вероятности их прохождения парламентской процедуры законотворчества.

⁵ Съезды и конференции конституционно-демократической партии: в 3-х т. М., 2000. Т. 3. Кн. 1. С. 214.

В думской практике можно найти и законопроекты, не соответствующие третьему, предложенному нами критерию, а именно степени соответствия проекта уровню современной ему законотворческой техники. Наиболее репрезентативным примером может служить пресловутая инициатива социал-демократов с их законопроектом, посвященным свободе собраний. Будучи подготовленным изначально с целью использования трибуны Государственной думы в пропагандистских целях, он даже внешне не был похож на проект нормативно-правового акта, призванного урегулировать комплексное социальное отношение.⁶

Однако определенные проблемы могут возникнуть при анализе законопроектов, близких по своей сущности к кадетскому законопроекту «Об отмене смертной казни». Можно говорить о его формальном сходстве с предыдущим проектом социал-демократов. В этом случае полагаем целесообразным рассмотреть законопроект в контексте конкретной ситуации работы Государственной думы, предопределенной крайне взрывоопасной социально-политической обстановкой в стране. Это дает достаточно оснований определить главную цель законопроекта — повлиять на отношения в рамках системы власть-общество, а не добиться оптимального с точки зрения юридической техники эпохи детального урегулирования. Данная стадия вполне справедливо относилась законодателем к следующему этапу законотворчества.

Таким образом, как представляется, можно говорить о том, что методология анализа парламентской деятельности политических партий, основанная на базовых принципах социологического позитивизма, применима к законопроектам самого различного характера. Главным ее преимуществом, сравнительно с методологией юридического позитивизма, можно считать возможность отделить нормотворческий материал, составляющий собственно законотворческий компонент парламентской деятельности политических партий, от ее агитационно-пропагандистского компонента, хотя бы и облеченного в формально законопроектную форму.

К данной методологии неизбежно возникает целый ряд вопросов, связанных с содержательной стороной предложенных в ней базовых критериев: 1) целеполагание инициаторов законопроектов; 2) степень вероятности прохождения законопроектом всех стадий законотворческой процедуры; 3) соответствие проекта современному ему уровню законотворческой техники. Этот перечень вполне может быть расширен, но если мы обратимся к первому критерию, то неизбежно столкнемся как с формальной информацией о целеполагании его создателей,

⁶ Основные положения законопроекта о собраниях и союзах // Законотворчество думских фракций. 1906—1917 гг.: Документы и материалы. М., 2006. С. 681.

которая может быть как истинной, так и предназначенной для сокрытия истинных мотивов инициирования процедуры. Если мы оцениваем целеполагание, основываясь на позициях, которые занимали инициаторы процедуры, мы, как правило, будем иметь дело либо с ограниченностью источников мемуарного характера, либо со спецификой жанра вообще, либо, что скорее, и с тем и другим одновременно.

Однако эти особенности не только заслуживают продолжения исследования, но и показывают перспективы применения методологии социологического позитивизма к законотворческой деятельности Государственной думы. Они дают исследовательский инструментарий для формирования эмпирической базы для новых подходов к пониманию сущности законодательной деятельности политических партий дореволюционной России в парламентский период ее развития.

А.Н. МИЧУРИН

Вопрос о подоходном налоге в Государственном совете в годы Первой мировой войны

Вопрос введения подоходного налога в России в годы Первой мировой войны — актуальная научная тема. Интерес к ней вызван, с одной стороны, тем, что дает характерный срез законотворческой работы в Российском парламенте накануне Февральской революции 1917 года, а с другой стороны — позволяет оценить практическую работу оппозиционного Прогрессивного блока в период его максимального могущества. Кроме того, немаловажно, что правительство подняло вопрос о подоходном налоге, в том числе и в надежде сбить накал оппозиционной борьбы в Государственной думе и Государственном совете, то есть вопрос о подоходном налоге позволяет выявить реальное влияние правительства в парламенте в 1914—1917 гг.¹

В период обострения политической борьбы, вызванной началом Первой мировой войны, в Государственный совет было вынесено обсуждение и принятие законопроекта о введении подоходного налога, который с 1907 г. лежал без движения в архиве Государственной думы. Члены правой группы Государственного совета (И.Г. Щегловитов, В.М. Андреевский) занимались изучением вопроса о введении подоходного налога и думской редакцией этого закона еще весной 1915 г.,² так что в самом проекте закона о подоходном налоге ничего необычного не было. Вернуться к этому изрядно подзабытому вопросу правительство заставило значительное увеличение расходов на войну.

Столкнувшись с нехваткой средств, Министерство финансов разработало в 1915 г. проект реформы финансовой системы, одним из звеньев которой, но отнюдь не главным, являлся подоходный налог.³ Его намечалось ввести во всей территории Российской империи, за исключением Финляндии.⁴ По проекту налог должен был дать всего 75 миллионов рублей, тогда как новые налоги, введенные в 1914—1915 гг., давали уже свыше 600 миллионов рублей. Проект этот кроме экономического имел еще и определенное политическое значение, так как позволял облагать налогом дворянство. Кроме того, он давал возможность общественности более детально контролировать работу правительственных фискальных структур.

¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1223. Л. 3 об.

² Там же. Ф. 1675. Оп. 1. Д. 41. ЛЛ. 4—24.

³ Там же. Ф. 1276. Оп. 11. 1915. Д. 4. ЛЛ. 6, 8, 32—38.

⁴ Доклад Барка Николаю II о росписи доходов и расходов на 1917 г. // Красный архив. 1926. Т. 4(17). С. 57.

Финансовая комиссия Государственного совета приступила к обсуждению проекта о введении подоходного налога 10 августа 1915 г. Подчеркивая его важность, на заседании комиссии присутствовали председатель Государственного совета А.Н. Куломзин, И.Я. Голубев и многие члены Государственного совета. От правительства прибыл П.Л. Барк, товарищ министра финансов А.И. Николаенко и другие.⁵ Примечательно, что параллельно с работой финансовой комиссии происходили заседания групп по обсуждению программы Прогрессивного блока,⁶ раскол фракции националистов⁷ и бегство ряда правых членов Государственного совета из правой группы.⁸

Большинством голосов комиссия приняла статью в думской редакции. Правые в Государственном совете упорно не хотели уступать даже мелочь, попавшую под обложение. Причина упорства правых заключалась не только в противодействии ими самому принципу подоходного обложения как части податной реформы, но и той атмосфере, которая сложилась в самой правой группе, переживавшей тяжелые времена. Это было связано с интервью лидера правых А.А. Бобринского газете «Утро России», в котором тот договорился до возможности «ответственного министерства».⁹ А.Н. Куломзин в перерывах работы финансовой комиссии подробно информировал свою жену о настроениях в Государственном думе и Государственном совете, и они юмористически оценивали происходящее.¹⁰

13 августа 1915 г. при обсуждении ст. 41 (ставки налогов) В.Н. Коковцов предложил обложение в 6 % дохода увеличить до 10—12 %, так как «государству предстоят колоссальные расходы».¹¹ 18 августа Н.Ф. фон-Дитмар предложил низший размер суммы облагаемого налогом заработка в 300 рублей, указывая, что при его обложении в 0,5 % налог падает всего лишь в размере 1 рубль 50 копеек. В.Н. Коковцов отстаивал введение низшей ставки облагаемого дохода в 700 рублей и повышение шкалы максимальных доходов. Причем, в этой связи Н.Н. Покровский высказал опасение возможной утечки капиталов за границу. Но комиссия считала, что «проект придется принять в той редакции, какой он поступил из Думы, чтобы не входить с ней в конфликт», что и было сделано 28 августа.¹² Правые немедленно обвини-

⁵ РГИА. Ф. 1276. Оп. 11. 1915. Д. 4. ЛЛ. 6, 8, 32—38.

⁶ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1031. Л. 676.

⁷ Шидловский С.И. Воспоминания. Берлин, 1923. Ч. 1. С. 213.

⁸ РГИА. Ф. 1148. Оп. 10. 1914. Д. 7. ЛЛ. 15—16.

⁹ Утро России. 1915. 25 августа.

¹⁰ РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 344. Л. 56.

¹¹ Новое время. 1915. 14 августа.

¹² Новое время. 1915. 29 августа.

ли комиссию в нарушении при обсуждении проекта ст. 48 Наказа и выразили это в «особом мнении». После первого заседания комиссии часть членов перестала в ней работать, и заключение, сделанное 12 членами из 30, правые намерены были опротестовать. Тут не было особой политической подоплеки, просто члены Государственного совета разъехались за город. Началось повальное бегство как правых, так и левых парламентариев за город на дачи, описанное А.Ф. Редигером, входившим в правую группу Государственного совета.¹³

3 сентября 1915 г. финансовая комиссия представила А.Н. Куломзину свой доклад, предлагая принять проект в редакции Государственной думы, причем срок полномочий комиссии был продлен, в чем А.Н. Куломзина утешала его жена.¹⁴ Кроме того, финансовая комиссия Государственного совета под влиянием оппозиции решила отказаться от общих прений и, в целях экономии времени, сразу перейти к постратейному обсуждению проекта закона.¹⁵

Сложность возникла и потому, что законопроект о подоходном налоге рассматривался предварительно комиссией в Государственной думе с 23 июля по 5 августа 1915 г., в течение двух недель, и вызвал острые споры и разногласия. Споры возникли по многим вопросам, но, прежде всего, по самому главному — вопросу о минимальной ставке подоходного налога. Министр финансов П.Л. Барк предложил начать обложение с ежегодного дохода в 700 рублей,¹⁶ что означало понижение прожиточного минимума и привлечение к подоходному обложению более широких слоев населения. Это мнение встретило поддержку части членов финансовой комиссии — представителей группы центра, группы националистов-прогрессистов, и земцев-октябристов, а также членов правых фракций Государственной думы. Таким образом, правое крыло будущего Прогрессивного блока высказалось за достаточно широкое подоходное обложение. Кадеты выступили категорически против понижения минимальной ставки подоходного налога и отстаивали размер прожиточного минимума в 1200 рублей. Высказываясь против понижения минимальной ставки подоходного налога, они указывали, что это понижение «ударит по городскому пролетариату»,¹⁷ прежде всего. Так, кадеты как бы негласно руководили Прогрессивным блоком, они были крайне заинтересованы в отстаивании своей точки зрения, которая так разительно отличалась от правительственного мнения. Компромисс по вопросу о ставках подоходного налога был

¹³ Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра: в 2-х т. М., 1999. Т. 2. С. 400—402.

¹⁴ РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 344. ЛЛ. 95—96.

¹⁵ Там же. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 361. ЛЛ. 36—37.

¹⁶ Там же. ЛЛ. 39—40.

¹⁷ Там же. Л. 41.

достигнут во многом благодаря тому, что законопроект рассматривался в спешном порядке. Комиссия пришла к единому соглашению — установить размер прожиточного минимума в 1000 рублей, то есть это был компромисс, но выглядевший как поражение кадетов и самого зарождающегося Прогрессивного блока, в очередной раз не показавшего никакого единомыслия.¹⁸

Компромисс по вопросу о минимальной ставке подоходного налога был обеспечен и благодаря тому, что необходимость реформы признавалась всеми членами Прогрессивного блока, а ставки подоходного налога считались временными, срочными.¹⁹ Последнее слово в вопросе о минимальной ставке подоходного налога сказала согласительная комиссия, созданная для урегулирования спорных вопросов между членами Государственной думы и Государственного совета. Она установила окончательный размер минимальной ставки подоходного налога в 850 рублей.²⁰ Размер минимальной ставки, таким образом, был все-таки еще понижен. То есть, приближен к министерскому проекту.

В Государственном совете политическая борьба по финансовым вопросам, в том числе связанным с введением подоходного налога, проявлялась и позже, что привело к созданию различных экономических групп. В марте 1916 г. была предпринята попытка создать объединенное представительство крупных промышленников и финансистов. 15 марта в Мариинском дворце по инициативе Н.Ф. фон-Дитмара (активный участник обсуждения вопроса о подоходном налоге), Ф.А. Иванова и М.И. Триполитова состоялось организационное собрание членов Государственного совета — представителей крупной промышленности и торговли. На совещании была намечена программа выступлений по вопросам экономической политики. 16 марта обсуждался вопрос о восстановлении распавшейся торгово-промышленной группы. Требовалось объединение различных политических сил и их сплочение, а Б.И. Тимирязев, бывший до этого председателем группы, не мог этого сделать. Поэтому временным руководителем был избран М.И. Триполитов. Торгово-промышленную группу, входящую в состав группы центра, было решено организовать на совершенно новых началах, путем кооптации членов Госсовета из других групп, имеющих отношение к промышленности. Члены новой группы собирались рассматривать поступившие из Думы и находящиеся в архиве Совета проекты, касающиеся промышленных вопросов. Их предполагалось разработать и провести в жизнь, а также вообще усилить контакты с

¹⁸ Там же. Ф. 1576. Оп. 1. Д. 235. Л. 1 об.

¹⁹ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия четвертая. Пг., 1915. Стб. 575.

²⁰ Там же. Стб. 680.

Государственной думой. Для этой цели на собрании был поднят вопрос об образовании межпарламентского торгово-промышленного совещания. Но определенного решения достигнуто не было. Показательным было отсутствие в списке членов группы А.И. Гучкова и П.П. Рябушинского.²¹ Сама группа просуществовала недолго и в июне 1916 г. распалась.²²

Объединение землевладельцев в Государственном совете в марте 1916 г. также проходило под флагом отказа от политических лозунгов. Активно велись переговоры между крупными землевладельцами из групп центра и правого центра, которые обнаружили полную возможность образования «аграрной группы». Предварительно в ее состав вошли представители различных групп центра, правого центра, некоторые правые и два члена левой группы «из сельских хозяев» Н.Н. Глебов и И.П. Лаптев.²³ Уже в течение 18 марта 1916 г. в группу записалось 56 человек. 20 марта состоялось первое организационное заседание новой группы под председательством В.И. Карпова (также активный участник обсуждения подоходного налога в Государственном совете). Было решено именоваться официально «сельскохозяйственным совещанием».²⁴ Председателем президиума совещания был избран Н.Б. Щербатов. Была утверждена программа будущей деятельности: разработка вопросов сельскохозяйственной политики и законодательная инициатива в интересах сельского хозяйства.²⁵ В президиум, избранный 23 марта 1916 года, вошли активные участники дискуссии о подоходном налоге: А.В. Кривошеин, В.И. Карпов, В.М. Андреевский, А.П. Никольский (правый центр); И.Е. Ракович, А.А. Бобринский (правая группа); П.В. Каменский, А.Д. Шумахер, Г.Э. Шмурло, С.И. Лопацинский (центр) и С.С. Крым (левая группа).²⁶ Существенное дополнение внес в программу совещания С.И. Зубчанинов, предложив включить его состав также и лиц, обладающих земельным цензом, принятым для выборов в Государственный совет. Это совещание работало еще в начале 1917 г., показав определенную устойчивость. Таким образом, вопросы налогообложения продолжали волновать различные группы Государственного совета и далее.

Стараясь оттянуть обсуждение вопроса о налоге, правые во главе с сенатором В.Н. Охотниковым подали А.Н. Куломзину заявление, в котором требовали признать незаконным решение комиссии в августе

²¹ Биржевые ведомости. 1916. 16, 17 марта (утр. вып.).

²² Речь. 1916. 24 июня.

²³ Биржевые ведомости. 1916. 20 марта (утр. вып.).

²⁴ РГИА. Ф. 1162. Оп. 2. I отд. Д. 17. Л. 20.

²⁵ Речь. 1916. 24 марта.

²⁶ РГИА. Ф. 1162. Оп. 2. I отд. Д. 17. ЛЛ. 6—7.

1915 г., в том числе и по вопросу о подоходном налоге.²⁷ Причем, по их утверждению, многие пункты принимались при равенстве голосов. Цель правых была ясна — добиться передачи законопроекта в особую комиссию и признать аннулированными все принятые ранее постановления финансовой комиссии. Но А.Н. Куломзин в который раз не поддержал их действия, и проект был включен в повестку 12 сессии Государственного совета. 30 и 31 декабря 1915 г. правые группы Государственного совета окончательно согласовали свои действия по вопросу о подоходном налоге.²⁸

В Государственной думе вопрос о подоходном налоге также вызывал пристальное внимание и там готовились, в случае его провала, в свою очередь провалить проект о военном налоге, разрабатывавшийся правыми в Государственном совете. Можно констатировать, что для Прогрессивного блока в Государственной думе этот вопрос приобрел принципиальность, хотя главным аргументом продолжало оставаться одобрение подоходного налога министром финансов.²⁹

После окончания рассмотрения бюджета в Государственной думе и Государственном совете к 3 января 1916 года вся работа финансовой комиссии Государственного совета сконцентрировалась на обсуждении росписи расходов и доходов. Непосредственно с этой росписью были связаны новые налоги (подоходный и поземельный), и уже на заседании финансовой комиссии 4 января 1916 г. началось явное размежевание между правой группой и левым крылом «прогрессивных групп», выступившим за введение подоходного налога. Правым значительно больше нравился налог на военные прибыли, при установлении которого они ссылались на примеры Франции и Англии.³⁰ Они еще раз обсудили этот вопрос 14 января 1916 г.³¹ При этом правые использовали пример ряда военных заводов, получающих сверхприбыли в условиях войны.³² На очередном собрании правых 28 января 1916 г. А.А. Бобринскому было поручено войти в переговоры с правительством, чтобы от его имени внести проект о военном налоге в парламент. В правительственных кругах к проекту отнеслись вполне «сочувственно», выставив, однако, условие, что согласятся взять его на разработку лишь в случае одобрения общим собранием Государственного совета. Правым в Государственном совете пришлось начать закулисные переговоры,

²⁷ Новое время. 1915. 6 декабря.

²⁸ *Иванов А.А.* Правые в русском парламенте: от кризиса к краху (1914—1917). М.; СПб., 2013. С. 259—260.

²⁹ Речь. 1916. 19 января.

³⁰ Вестник финансов. 1915. № 39. С. 506.

³¹ РГАДА. Ф. 1412. Оп. 2. Д. 55. Л. 1.

³² РГИА. Ф. 1675. Оп. 1. Д. 41. Л. 19 об.

убеждая колеблющихся, что предлагаемый ими проект не является препятствием законопроекту о подоходном налоге. В активных переговорах правых с представителями других групп не было ничего необычного, как и в дезертирстве из группы в группу Государственного совета из-за экономических вопросов,³³ но тут показателен сам предмет торга.³⁴

29 января 1916 г. был созван президиум Государственного совета. На первый план выдвигались вопросы, способствующие финансовому обеспечению войны³⁵ и самым важным из них ставился на обсуждение законопроект о введении подоходного налога. Большинство собравшихся высказались за думскую редакцию, против принятия проекта было подано всего три голоса.³⁶ Но даже не встретив поддержки в остальных группах, правые не уступали. Еще 8 января 1916 г. под председательством И.Г. Щегловитова состоялось первое заседание комиссии для выработки проекта о военном налоге, избранной на соединенном собрании правых групп. В ее работе приняли участие Р.А. Дистерло, А.А. Бобринский, В.М. Андреевский, В.Ф. Дейтрих. 14 января из прений, в которых приняли участие А.А. Макаров, А.С. Стишинский, Н.С. Крашенинников и другие, выяснилось, что правые группы хотели бы доработать проект закона о подоходном налоге. Было решено передать его в особую комиссию и начать разработку проекта о военном налоге, сущность которого заключалась в повышении наполовину налогов: государственного, квартирного, на купоны и на капиталы.³⁷

Таким образом, сложилось шаткое равновесие, и ни правые, ни левые группы не хотели рисковать, выступая открыто по вопросу о подоходном налоге до пленарного заседания Государственного совета. Необходимая проба сил была проведена во время выборов в комиссии Государственного совета. Состоявшиеся 12 февраля 1916 г. выборы в комиссии: а) личного состава и внутреннего распорядка, б) финансовую, в) законодательных предположений, г) по военным сухопутным и морским делам, д) экономическую, подтверждают данные о том, что выборы проходили строго по групповым спискам и, в целом, дают представление о расстановке политических сил в верхней палате парламента. Всего на заседании 12 февраля 1916 г. присутствовало 159 членов Государственного совета.³⁸

³³ ГАТО. Ф. Р-5328. Оп.1. Д. 7. ЛЛ. 60—67.

³⁴ *Оболенский В.А.* Моя жизнь. Мои современники. Париж, 1998. С. 496—497.

³⁵ Ключевые фигуры Российской политики в канун войны и революции. Из воспоминаний Е.Н. Шелькинга // Во власти хаоса. Современники о войнах и революции 1914—1920. М., 2007. С. 292.

³⁶ Новое время. 1916. 19 января.

³⁷ Новое время. 1916. 15 января.

³⁸ РГИА. Ф. 1148. Оп. 10. Д. 1. Л. 45.

Формально «прогрессивные группы» (левая, центр и кружок внепартийного объединения) обладали большинством, но большинство это было мнимое.³⁹ Так, группа центра не скрывала своего желания провести А.И. Гучкова в комиссию по военным сухопутным и морским делам.⁴⁰ В комиссии «прогрессивные группы» обладали большинством в один голос над правыми — 5 против 4. Но председателем комиссии был избран член правой группы Н.П. Шатилов, а А.И. Гучков смог стать только его заместителем.⁴¹ Правые и правый центр получили значительное влияние в каждой комиссии, но, что особенно важно, они не получили большинства в финансовой комиссии, как считает Е.Э. Новикова.⁴² Характерно, что сразу же после выборов В.М. Андреевский (правый центр) предложил реорганизовать ее на началах бюджетной комиссии Государственной думы, назвав ее также бюджетной и ограничив, тем самым, ее деятельность лишь бюджетными вопросами, но его предложение не было поддержано.⁴³ Провалилась и попытка правых провести председателем финансовой комиссии И.Г. Щегловитова. Несмотря на все противодействия правых, председателем вновь был избран М.Д. Дмитриев.

Вторым важным вопросом, определяющим реальное соотношение сил в верхней палате, должно было стать обсуждение подоходного налога на заседании 12 февраля 1916 г. Предварительные результаты обсуждений по группам говорили о шатком равновесии между сторонниками и противниками налога. На заседании 12 февраля докладчиком от финансовой комиссии был А.В. Васильев, заменивший Н.Н. Покровского,⁴⁴ который поддержал принятие закона о подоходном налоге в думской редакции. За введение налога высказался и министр финансов П.Л. Барк. Значительно осторожнее были высказывания В.М. Андреевского (правый центр), настаивавшего на передаче закона на доработку в комиссию. Того же мнения придерживался и И.Г. Щегловитов (правый).⁴⁵ Возражения правых основывались на том предположении, что «думская редакция... страдает крупными недо-

³⁹ См. подробнее: *Мичурин А.Н.* Политическая борьба в Государственном совете в годы Первой мировой войны. СПб., 2010.

⁴⁰ Утро России. 1916. 12 февраля.

⁴¹ РГИА. Ф. 1162. Оп. 3. Д. 271. Л. 6.

⁴² *Новикова Е.Э.* Государственный совет в годы Первой мировой войны. 1914—1917. (Из истории кризиса «верхов» накануне Февральской буржуазно-демократической революции): Дисс... к. ист. н. М., 1985. С. 139.

⁴³ Вечернее время. 1916. 14 февраля.

⁴⁴ *Покровский Н.Н.* О подоходном налоге. Пг., 1915; *Озеров И.Х.* Возможно ли введение подоходного налога в России. СПб., 1900.

⁴⁵ РГИА. Ф. 1148. Оп. 10. Д. 1 Л. 39 об.

статками: объект обложения определен крайне неясно. Население его не поймет».⁴⁶ Собрание губернаторов, прошедшее в 1916 году, тоже считало, что объект обложения слишком размыт.⁴⁷

Ключевые заседания Государственного совета 17—18 февраля 1916 г. показали, однако, что в определенной мере обстановка предыдущих заседаний учтена «прогрессивными группами», существенную помощь которым оказало желание Совета министров поддержать законопроект о подоходном налоге. Перед таким давлением со стороны правительства не устояли многие колебавшиеся члены верхней палаты. Это отмечал 17 февраля Д.П. Голицын-Муравлин (правый): «Я скажу, что либерализм вообще при обсуждении настоящего дела оставляется в некотором пренебрежении».⁴⁸ Очень характерно то, что Совет министров полностью примкнул к сторонникам подоходного налога, которые прямо отождествляли принятие закона с очередной победой Прогрессивного блока. Никакой оппозиционности в этом шаге Совет министров не усматривал. Например, А.Н. Наумов первоначально не поддерживал законопроект о подоходном налоге и приветствовал речь И.Г. Щегловитова, но при голосовании отдал свой голос сторонникам налога.⁴⁹ Во время поименного голосования 18 февраля о передаче проекта закона в особую комиссию, что должно было задержать его рассмотрение, присутствовало 146 членов Государственного совета. За передачу в комиссию высказалось 53 члена, против — 91, 2 члена верхней палаты воздержались при голосовании.⁵⁰ Часть членов правой группы голосовала против передачи законопроекта в комиссию, что еще более подчеркнуло развал в правом лагере. Периодическая печать отдала должное исходу голосования. «Утро России» 20 февраля 1916 г. в передовой статье «Победа 18-го февраля» отмечала: «Заседание Государственного совета 18 февраля можно назвать историческим... Передовые форты неприступной когда-то крепости взяты...».⁵¹ Это было довольно смелое заявление прогрессистского издания, но в этот период сторонниками Прогрессивного блока почти не был учтен тот факт, что Совет министров голосовал в Государственном совете за начало постатейного рассмотрения законопроекта о подоходном налоге. Правые также практически не сопротивлялись принятию законопроекта, а только считали законопроект недостаточно разработанным.⁵²

⁴⁶ РГИА. Ф. 1675. Оп.1. Д. 41. Л. 7.

⁴⁷ Барк П.Л. Воспоминания // Возрождение. 1966. № 175. С. 95.

⁴⁸ РГИА. Ф. 1148. Оп. 10. Д. 1. Л. 80.

⁴⁹ Там же. Ф. 669. Оп. 1. Д. 17. Л. 64 об.

⁵⁰ Там же. Ф. 1148. Оп. 10. Д. 1. Л. 96.

⁵¹ Утро России. 1916. 20 февраля.

⁵² РГИА. Ф. 1675. Оп. 1. Д. 41. Л. 24.

Не дает повода для оптимистической оценки состояния Прогрессивного блока в Государственном совете и принятый 18 февраля 1916 г. обоснованный переход к постатейному обсуждению законопроекта о подоходном налоге, так как в нем отсутствовала политическая составляющая. Об этом говорит и показательное письмо Е.Н. Трубецкого от 28 февраля 1916 г.: «Заседания наши приняли убийственно скучный характер, т.к. пошли мелкие поправки к подоходному налогу. Но поправки могут быть важными и торчать надо».⁵³

В Государственном совете продолжилась деловая работа по рассмотрению многочисленных законов, скопившихся в комиссиях. При этом заседания «прогрессивных групп» (левой, центра и кружка внепартийного объединения) по частным вопросам законодательства продолжались под председательством В.В. Меллера-Закомельского на протяжении всей сессии.⁵⁴

2 марта 1916 г. поправка П.Л. Барка в корне изменила весь проект, увеличив прогрессию обложения с 6,5 % до 12 %. Но при этом все группы поддержали министра финансов. Правые продолжали вяло сопротивляться, пытаясь провести свои поправки. Н.А. Маклаков и А.П. Струков 5 марта 1916 г. предложили передать губернские по подоходному налогу присутствия под председательство губернатора, а не управляющего казенной палатой. Но Государственный совет 47 голосами против 37 отклонил поправку.

10 марта началось обсуждение восьми отделов проекта. По 3 пункту IV раздела Н.Ф. фон-Дитмар предложил распространять выборные права в Думу только на лиц, уплачивающих подоходный налог, что исключало доступ в Думу несостоятельных слоев населения. Но Н.Н. Покровский мотивировал отклонение поправки сохранением квартирного налога и, следовательно, прежних условий ценза для выборов. К остальным отделам были приняты лишь редакционные поправки. На этом постатейное обсуждение проекта было завершено, за исключением отдела 1, который по правилам не мог быть вынесен на обсуждение до того, как будет составлен весь свод статей.⁵⁵

14 марта законопроект был принят «во всей совокупности» и готовился поступить в согласительную комиссию из 14 человек, по 7 от Государственной думы и Государственного совета. От Государственного совета вошли: Б.М. Андреевский, А.А. Бобринский, А.В. Васильев, С.Ф. Вебер, В.Н. Коковцов, И.Г. Щегловитов, О.Р. фон-Экспаре.⁵⁶ 24 марта были выявлены наиболее крупные расхождения. Их

⁵³ РО РГБ. Ф. 171. К. 9. Д. 1. Л. 10.

⁵⁴ ГА РФ. Ф. 1178. Оп. 1. Д.2 2. Л. 1.

⁵⁵ Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия двенадцатая. СПб., 1916. Стб. 724—772.

⁵⁶ РГИА. Ф. 1148. Оп. 10. 1916 г. Д. 7. Л. 89.

оказалось около 15. Первым обсуждался вопрос о прожиточном минимуме, определенном Думой в 1000 и сниженном Советом до 700 рублей. В результате взаимных уступок минимум был установлен в 850 рублей. Тем же путем соглашения были достигнуты и по другим статьям, в результате чего комиссия и закончила свою работу 25 марта 1916 г.⁵⁷

Николай II 6 апреля 1916 г. утвердил одобренный Государственной думой и Государственным советом законопроект о введении государственного подоходного налог. Россия приблизилась к введению всесословного налогообложения, но так как закон не устраивал правых, то правая группа Государственного совета попыталась отыграть-ся, проведя закон об установлении единовременного военного сбора. Во время рассмотрения этого законопроекта 23 мая 1916 г. резко обозначились политические пристрастия. Правым не помогло даже поименное голосование, и законопроект 70 голосами против 43 не был принят. Более того, отдельные члены правой группы, как например А.А. Куракин,⁵⁸ поддержали «прогрессивные группы» в их явно политическом противостоянии. Все члены «прогрессивных групп», присутствовавшие на заседании 23 мая 1916 г., дружно отвергли предложенный правыми законопроект. Координация усилий между группами подтверждается тем, что Е.Н. Трубецкой был специально вызван Д.Д. Гриммом к началу голосования в Государственном совете, чтобы максимально усилить ряды противников правых.⁵⁹ Приезд Трубецкого не остался пустой формальностью, так как 6 июня 1916 г. он участвовал в полемике с Н.А. Маклаковым (правый).⁶⁰ Но, объективно, даже потерпев поражение по всем статьям, правые понимали, что принятый закон о подоходном налоге не будет введен до 1917 г., хотя и находили в нем массу противоречий.⁶¹

Таким образом, этот, казалось бы, судьбоносный закон оказался мертворожденным в результате того, что был фактически инициирован правительством, которое его поддерживало, и в редакции которого он был принят. Все попытки «Прогрессивного блока» присвоить себе лавры принятия этого закона мало соответствуют действительности. Борьба вокруг закона о подоходном налоге хорошо демонстрирует крайне ограниченные возможности оппозиции в Государственном совете в годы Первой мировой войны, так как ей приходилось довольствоваться лишь «тактическими» победами.

⁵⁷ ГА РФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 445. Л. 2 об.

⁵⁸ РГИА. Ф.1148. Оп. 10. 1916 г. Д. 3. Л. 50.

⁵⁹ РО РГБ. Ф. 191. К. 9. Д. 1. Л. 33.

⁶⁰ РГИА. Ф. 1148. Оп. 10. 1916 г. Д. 3. Л. 119 об.

⁶¹ *Иванов А.А.* Правые в русском парламенте. С. 265.

Д.И. РАСКИН

Комиссия по военным и морским делам Государственной думы в годы Первой мировой войны

Роль комиссии по военным и морским делам¹ (до 1912 г. — комиссия по государственной обороне²) Государственной думы в конструктивном взаимодействии Думы и правительства и в бюджетном обеспечении мероприятий по укреплению обороны государства в предвоенные годы общепризнанна. Гораздо менее изучена роль этой комиссии во время войны.

Сразу же необходимо оговориться, что с началом войны зависимость правительства от утверждаемого Думой бюджета резко снизилась. А после создания в 1915 г. особых совещаний решение многих первостепенных вопросов материального обеспечения армии переместилось в эти совещания и в Центральный военно-промышленный комитет. Не случайно В.В. Шульгин — товарищ председателя комиссии по военным и морским делам — в своих воспоминаниях рассказывает о своей деятельности в Особом совещании по обороне, но ничего не сообщает о работе думской комиссии.

Значительно уменьшилось и значение комиссии как инструмента законодательства. В связи с военными обстоятельствами значительная часть узаконений осуществлялась в порядке верховного управления или 87-й статьи Основных законов. Но относительно последних комиссия (как и Дума в целом) последовательно проводила политику отстаивания законодательных полномочий народного представительства.

От комиссии осталось большое количество обсужденных, но не прошедших необходимый цикл утверждения законопроектов, однако это не может служить показателем бесполезности ее занятий. Законопроекты исходили в основном от соответствующих министерств, и лишь сложная предреволюционная обстановка, а затем революция помешали их принятию.

Если о роли комиссии по военным и морским делам в ведении войны и государственном управлении можно спорить, то несомненно, что для взаимодействия как политических сил в Думе, так и между Думой и правительством деятельность комиссии в 1915—1916 гг. имеет большое значение.

¹ Дёмин В.А. Комиссия по военным и морским делам // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 273

² Дёмин В.А. Комиссия по государственной обороне // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 274.

Как известно, после чрезвычайной сессии 26 июля в работе Думы наступил перерыв, а во время 3-й сессии (27—29 января 1915 г.) комиссия не собиралась. Ее работа возобновилась с началом 4-й сессии (с 19 июля по 3 сентября 1915 г. и с 9 февраля по 20 июня 1916 г.) и продолжалась во время 5-й сессии (с 1 ноября по 27 декабря 1916 г.).

Всего за это время было проведено 56 заседаний комиссии. Последний журнал заседаний датируется 14 декабря 1916 г.

Заседания протоколировались, а в ряде случаев стенографировались. Все журналы комиссии помечались грифом «в. секретно». Большинство из них имело характер протоколов (т.е. более подробный, чем обычные журналы), а от некоторых заседаний сохранились стенографические отчеты.

Заседания комиссии по военным и морским делам были открыты для членов Государственной думы, не являвшихся членами комиссии (с предупреждением, что вся информация об этих заседаниях не подлежит оглашению), но в ряде случаев, по усмотрению председателя, заседания могли объявляться закрытыми.³

До начала войны комиссию возглавлял П.Н. Балашов, но на первом же ее военном заседании 21 июля 1915 г. расстановка сил в комиссии изменилась. Комиссия была переизбрана и дополнена (с 44 до 67 членов). Впервые за все время существования комиссии в ней оказались представленными левые партии и кадеты. Бессменный (и один из самых влиятельных) член комиссии Н.В. Савич расценивал это как усиление влияния кадетов. «Теперь оппозиция не только получила полное пропорционально ее численности представительство в Комиссии, но и председателем ее был избран кадет Шингарев, все отношения коего до сих пор к военным и морским делам заключалось в том, что он всегда и неизменно отвергал все, что просили военный и морской министры».⁴ Но уместнее говорить не столько об усилении влияния кадетов, сколько о сближении думских фракций, составивших вскоре Прогрессивный блок. В обновленной комиссии по военным и морским делам было 18 правых, 10 прогрессивных националистов и центристов, 14 октябристов, 14 кадетов и примыкающих к ним, 7 прогрессистов, 2 трудовика и 2 социал-демократа, т.е. 45 представителей будущего Прогрессивного блока, 18 правых и 4 левых депутата.⁵ Таким

³ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 447. ЛЛ. 3 об.—4.

⁴ Савич Н.В. Воспоминания. СПб.; Дюссельдорф, 1993. С. 163.

⁵ В дальнейшем некоторые члены комиссии выбывали, вводились новые, но в целом соотношение сил существенно не менялось: к маю 1916 г. в комиссии было 16 правых, 10 прогрессивных националистов и центристов, 13 октябристов, 16 кадетов и 1 представитель фракции казаков, 8 прогрессистов и 4 левых депутата.

образом, ключевая роль в комиссии принадлежала октябристам. При выборе председателя на заседании комиссии 21 июля 1915 г. избранным оказался В.В. Шульгин (38 голосами против 19 при 4 воздержавшихся), и лишь после его заявления, что «не считая себя достаточно осведомленным, для руководства комиссией в переживаемое время, он отказывается от предлагаемой ему должности», и голосования, не давшего большинства ни одному кандидату, в результате третьего голосования 33 голосами (против 30) был избран А.И. Шингарев.⁶ В дальнейшем консолидация депутатов Прогрессивного блока в комиссии еще более усилилась. На заседании 6 декабря 1916 г. подавляющим большинством председателем был избран А.И. Шингарев, а его товарищами — В.В. Шульгин и Н.В. Савич.⁷

Если в Думе в 1915—1916 гг. бушевали политические страсти, то деятельность комиссии по военным и морским делам была гораздо более спокойной и конструктивной. Политический характер носили лишь два вопроса, рассматривавшиеся в комиссии.

Первый из них (рассматривавшийся в соединенных заседаниях комиссии по военным и морским делам и бюджетной комиссии 24, 25, 26, 27, 29 и 30 июля 1915 г.) — законопроект об утверждении положения об Особом совещании для объединения мероприятий по обороне государства. Кадетский проект о создании в качестве самостоятельного ведомства Главного управления по снабжению армии не получил поддержки большинства комиссий, а правительственный проект (об особом совещании) подвергся существенной корректировке. Главным итогом стало создание вместо одного особого совещания при военном министре пяти (Особое совещание по обороне, Осотоп, Осопрод, Особеж и Особое совещание по перевозке грузов).⁸ В ходе обсуждения депутаты выражали позиции своих партий, но преобладало стремление создать работоспособные учреждения для повышения обороноспособности страны. И здесь их мнения нередко совпадали, независимо от партийной принадлежности, а разногласия носили практический характер.

Например, Н.Е. Марков 2-й, в полном соответствии со своими взглядами, резко выступая против участия в особых совещаниях представителей синдикатов,⁹ готов был одобрить реквизиции и широкое

⁶ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 447. Л. 3—4.

⁷ Там же. Д. 446. ЛЛ. 484—484 об.

⁸ Корнева Н.М., Тютюнник Л.И., Сайет Л.Я., Витенберг Б.М. Особые совещания и другие чрезвычайные учреждения военного времени // Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801—1917: в 4-х тт. СПб., 1998. Т. 1. С. 206—220, 222—225.

⁹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 447. ЛЛ. 80—81.

правительственное вмешательство в частнопредпринимательскую деятельность: «Все это, конечно, чистейший вид социализма, но, господа, мы на этот путь, несомненно, стали и во время войны мы должны быть социалистами».¹⁰ Но он же и на этих заседаниях, и в дальнейшем по ряду вопросов поддерживал либеральных депутатов и занимал вполне конструктивную позицию. А В.М. Пуришкевич, отметив свое отрицательное отношение к Всероссийскому земскому союзу и Всероссийскому союзу городов, счел необходимым указать на их несомненную пользу (приведя красноречивые примеры из собственной практики санитарной помощи армии) и высказался за включение их представителей (а также представителей рабочих) в Особое совещание по обороне.¹¹

Исключение составляли левые депутаты. По словам Н.С. Чхеидзе, они «на этот раз вошли в комиссию обороны главным образом потому, чтобы с самого начала установить наше отношение к поставленному вопросу. Мы очень охотно, г.г., больше чем когда бы то ни было, ответственность за все, что предпринимается сейчас, возлагаем на вас и ни на йоту ответственность на себя не берем... Я повторяю, что само по себе практическое решение этого вопроса нас в данную минуту меньше всего интересует... Я повторяю, что на положение рабочего класса в России должно быть обращено сугубо серьезное внимание, и подчеркиваю и заявляю, что иначе добра такое положение привести не может ни для страны, ни для рабочего класса, ни для вас, которые берете на себя разрешение, по крайней мере, с вашей точки зрения, в высшей степени важного и необходимого мероприятия».¹²

Не принимали активного участия социал-демократы и трудовики и в последующих заседаниях. Лишь при обсуждении законопроекта о досрочном призыве новобранцев (25 ноября 1916 г.) А.Ф. Керенский настаивал на необходимости прекращения телесных наказаний в армии и указывал на несвоевременность призыва финляндцев в армию, так как необходимо «ранее дать Финляндии полную конституцию и подымать вопрос о военной службе, восстановив ее собственную армию», а также говорил о некомпетентности правительства при мобилизации в Туркестане, вызвавшей волнения.¹³ Но, в отличие от других депутатов (например, П.Н. Милюкова¹⁴), также критиковавших рукоприкладство и другие неурядицы в армии, указывавшие на ошибки властей в Туркестане и т.д., никаких конкретных предложений о пополнении армии от него не исходило.

¹⁰ РГИА. Л. 146 об.

¹¹ Там же. Л. 84 об.—86.

¹² Там же. Л. 59—60.

¹³ Там же. Д. 446. ЛЛ. 450—458.

¹⁴ Там же.

Второй вопрос политического характера, — это доклады о заграничной поездке депутатов А.И. Шингарева, В.Я. Демченко, П.Н. Милюкова и Б.А. Энгельгардта, при обсуждении которых (19 и 20 июня 1916 г.)¹⁵ члены комиссии достаточно определенно (а иногда и довольно эмоционально) выразили свои политические позиции. Но этот вопрос был чисто информационным и не требовал принятия решений.

В основном же в работе комиссии по военным и морским делам преобладали практические вопросы: порядок призыва ратников государственного ополчения 2-го разряда, досрочный призыв новобранцев 1918 г., дополнение узаконений о призрении нижних воинских чинов, отпуск средств на постройку железных дорог и развитие других путей сообщения, на постройку и оборудование военных заводов, мобилизация промышленности, эвакуация населения и предприятий, санитарное дело, использование труда военнопленных, выдача пособий различным учебным заведениям, аэроклубу «Воздухоплаватель» и т.п. Это были вопросы, зачастую мелкие, но неизбежные и необходимые во время войны.

Главное место в работе комиссии занимало снабжение армии и флота вооружением, боеприпасами и техническими средствами, обмундированием и продовольствием. При обсуждении этих вопросов комиссия постоянно выслушивала объяснения представителей Военного министерства. Не только издавна установивший хорошие отношения с Думой военный министр А.А. Поливанов, но и его преемник Д.С. Шуваев, помощник военного министра А.С. Лукомский и другие представители министерства достаточно подробно и в целом достаточно лояльно информировали комиссию о положении со снабжением армии. Лишь помощник военного министра М.А. Беляев попросил, чтобы его ответы не стенографировались (ввиду секретности информации).¹⁶ Вопросы членов комиссии о причинах неподготовленности армии к войне и беспорядках при обеспечении армии всем необходимым были довольно нелицеприятными, но в ряде случаев ответы на эти вопросы представителей министерства звучали довольно убедительно. Во всяком случае, осведомление комиссии о положении дел с вооружением и снабжением боеприпасами армии в результате было довольно полным.

Н.В. Савич в своих воспоминаниях указывает, что откровенность А.А. Поливанова и А.С. Лукомского по поводу аферы Братолюбова-Жирара¹⁷ на заседании комиссии послужила причиной отставки Поли-

¹⁵ Там же. Л. 193—396.

¹⁶ Там же. Д. 447. Л. 247.

¹⁷ Инженер А.А. Братолюбов сумел заинтересовать вел. кн. Михаила Александровича своим (на самом деле принадлежавшим другому лицу) изобретением зажигательной смеси (признанной в итоге негодной для употребления на войне) и вместе с ординарцем вел. кн. Михаила Александровича лейтенантом флота Л. Л. Жираром де Сукантон от имени великого князя

ванова: «Но Поливанов не учел, что в то время председателем комиссии был вновь избранный Шингарев, который пригласил на заседание стенографисток. Затем Шингарев неосторожно препроводил стенограмму в Ставку ген. Алексееву, который ее показал государю. Последний возмутился. Ему казалось несомненным, что Поливанов и Лукомский не только не выгородили великого князя, но и не оградили в должной мере престиж царской власти, не защитили интересы династии и престола».¹⁸ Однако, в журнале комиссии от 23 февраля 1916 г. сказано лишь, что депутат В.В. Милютин «сообщает комиссии о произведенной распоряжением ген. кн. Туманова, вне установленных законами правил, платной реквизиции ряда домов на Кронверкском проспекте в Петрограде и принудительном выселении квартирных жильцов, сделанной для хранения и складов горючей жидкости — изобретения некоего лица, называющего себя инженером Братолюбовым. Генерал Лукомский заявляет, что по этому поводу военным ведомством производится всестороннее расследование и принудительное выселение жителей прекращено».¹⁹ Имя великого князя в журнале не было упомянуто, скандал усилиями Поливанова и Лукомского был успешно замят, а отставка Поливанова была вызвана гораздо более глубокими и более давними причинами.

В ходе объяснений представителей военного ведомства устанавливался их конструктивный диалог не только с Комиссией по военным и морским делам, но и с Думой в целом. Комиссия была удобной площадкой для такого диалога. Если во времена III Думы такой диалог был частью тактики думского центра в борьбе за усиление влияния (чем и вызывал неизменные подозрения Николая II), то во время войны он стал частью тактики Прогрессивного блока в борьбе за власть.

Но работа комиссии в условиях войны не сводилась к политическим расчетам. Большинство членов комиссии искренне стремились в меру своей компетенции содействовать достижению победы России. В работе Комиссии по военным и морским делам наиболее отчетливо проявилась патриотическая (оборонческая) составляющая политики либеральной и умеренно консервативной части Государственной думы.

пытался получить финансирование для изготовления этой жидкости, производить реквизиции и т.п. См. подробнее об афере Братолюбова-Жирара: *Поливанов А.А.* Девять месяцев во главе Военного министерства (13 июня 1915 г. — 13 марта 1916 г.) // Вопросы истории. 1994. № 9. С. 123—125; Воспоминания генерала А.С. Лукомского. Берлин, 1922. Т. 1. С. 77—79; *Ипатьев В.Н.* Жизнь одного химика: Воспоминания. Нью-Йорк, 1945. Т. 1. С. 491—492.

¹⁸ *Савич Н.В.* Указ. соч. С. 152—153.

¹⁹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 446. Л. 35.

В.Е. КЕЛЬНЕР

М.М. Винавер и Политическое бюро при еврейских депутатах IV Государственной думы в годы войны 1914—1917 гг.

Патриотический подъем, охвативший Россию в начале Первой мировой войны, не оставил в стороне и российское еврейство.¹ В этот период в IV Государственной думе работали 3 депутата, представлявших еврейское население Российской империи (Н.М. Фридман,² М.Х. Бомаш³ и И.Б. Гуревич⁴). Фридман и Гуревич формально входили в кадетскую фракцию, а Бомаш примыкал к ней.

Ключевую роль в работе с депутатами играл один из лидеров партии кадетов, член ее ЦК, руководитель Еврейской народной группы, в прошлом депутат I Государственной думы М.М. Винавер.⁵ Он не только стремился направлять деятельность депутатов-евреев, но и одновременно оказывал влияние на выработку решений по еврейскому вопросу в самой кадетской партии.

Еврейская общественность с первых дней войны стала ставить вопрос о юридическом положении еврейского народа в России. Коренной проблемой для российского еврейства оставалось существование черты оседлости и многочисленные запреты, вплоть до пресловутой процентной нормы, препятствующей поступлению еврейской молодежи в учебные заведения. Буквально с первых дней войны это положение широко обсуждалось как еврейской, так и русской общественностью.⁶ Формирование еврейской политики в Думе взял на себя полулегальный

¹ *Яшунский И.* Российское еврейство и мировая война / Публ. В. Кельнера. М., 1999; *Будницкий О.В.* Евреи в русской армии в период Первой мировой войны // *Deinst in der Höhle des Löwen: Juden in der russischen Armee* // Osteuropa. 2014. Vol. 64. No. 2—4. P. 171—184; *Altshuler M.* Russia and Her Jews: The Impact of the 1914 War // *Wiener Library Bulletin*. 1973—1974. № 27/30—31. С. 12—16.

² *Николаев А.Б.* Фридман Нафталя Маркович // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 652—653.

³ *Николаев А.Б.* Бомаш Меер Хаймович // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 62.

⁴ *Николаев А.Б.* Гуревич Эзекиель Бенционович // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 153.

⁵ *Познер С.В.* Борьба за равноправие // М.М. Винавер и русская общественность начала XX в. Сб. ст. Париж, 1937. С. 183—184.

⁶ *Кельнер В.Е.* Еврейский вопрос и русская общественная жизнь в годы Первой мировой войны // *Вестник еврейского университета в Москве*. 1997. № 1 (14). С. 66—92.

совещательный орган — Политическое бюро.⁷ В его составе были представители еврейских политических партий и групп несоциалистического направления. М.М. Винавер председательствовал практически на всех заседаниях бюро. Среди активных участников этого объединения наиболее ярко проявляли себя члены Еврейской народной группы Г.Б. Слиозберг, С.В. Познер и Л.Я. Штернберг, идеолог автономизма, лидер Фолкспартей С.М. Дубнов, члены ЦК сионистского движения в России И.А. Розов, М.С. Алейников и И. Гринбаум. Еврейскую демократическую группу представляли в бюро бывший депутат I Думы Л.М. Брамсон, А.И. Браудо и Я.Г. Фрумкин. Председателем бюро избрали бывшего депутата I Государственной думы юриста М.И. Шефтеля. Деятельно работали в нем члены различных еврейских групп и направлений, публицисты, юристы и общественные деятели: М.Л. Тривус, И.А. Клейнман, И.М. Бикерман, Я.Л. Сакер, М.М. Гран, А.Ф. Перельман, С.Е. Калманович.⁸ Как правило, совещания, обычно проходившие на частных квартирах, бывали многочисленны. Бюро обладало значительным политическим активом. Пожалуй, не было в Петрограде ни одного значимого еврейского общественного или политического деятеля, который не принимал бы участие в работе бюро или не содействовал бы ему. Уже в самом начале войны структура Политического бюро была дополнена Информационным бюро. На него возложили задачи по сбору и анализу материалов о политическом и экономическом положении еврейского населения. Основным источником информации являлась сеть еврейских общественных объединений, разбросанных по всей стране. Возглавил Информационное бюро юрист, историк и издатель С.В. Познер.⁹

Член Политического бюро Я.Г. Фрумкин был убежден в том, что власти знали о деятельности бюро. Правда, как вспоминал он: «разрешение на их существование никогда не было дано и никогда не испрашивалось. Деятельность бюро не встречала особых препятствий, так что оно вело, можно сказать, полулегальное существование».¹⁰ С.В. Познер констатировал, что «бюро представляло собой тесно замкнутую группу лиц, которые, несмотря на все различие воззрений, в общем, дружно работали, отзываясь на все вопросы политической и общественной

⁷ См. подробнее: *Кельнер В.Е.* Политическое бюро при евреях-депутатах IV Государственной думы в годы войны 1914—1917 гг. // Петербургский исторический журнал. 2015. № 1. С. 68—95.

⁸ ЦГИА СПб. Ф. 2129. Оп. 1. Д. 68. Л. 21.

⁹ *Фрумкин Я.Г.* Из истории русского еврейства (Воспоминания, материалы, документы) // Книга о русском еврействе от 1860-х гг. до революции 1917 г. Нью-Йорк, 1960. С. 88.

¹⁰ Там же.

жизни. Следствием этого была выработка указаний депутатам определенной линии поведения в возникшем вопросе, или выступление в Государственной думе с речью, или предъявление запроса. Текст предстоящей речи депутата в Думе подвергался всестороннему обсуждению...».¹¹ Винавер стремился формулировать перед бюро широкие задачи и неоднократно подчеркивал: «Мы не можем еврейскую политику ставить в положение объекта, над которым производятся эксперименты в Думе».¹² Он всячески старался придать работе бюро самый широкий политический характер, вывести его на общероссийскую политическую арену, превратить в субъект российской политической жизни. С первых месяцев войны перед российским еврейством встали чрезвычайные по сложности задачи. Война затронула судьбы сотен тысяч российских евреев. По мере приближения фронта к местам, населенным евреями, они обвинялись в шпионаже в пользу немецкой армии, в массовом порядке принудительно выселялись вглубь страны. На плечи российского еврейства легла тяжелая ноша — сотни тысяч беженцев заполнили черту оседлости, а затем неизбежно «выплеснулись» из нее. Эшелоны с беженцами растянулись вплоть до Владивостока.¹³ В этих условиях Политическое бюро делало все возможное для облегчения их положения. Наиболее актуальной задачей для Бюро являлось достижение хотя бы частичной отмены черты оседлости и ограничительных антиеврейских статей законодательства. Начиная с зимы 1915 г., представители еврейской общественности и финансовых кругов, депутаты Думы и члены бюро не раз встречались с министрами и даже с самими председателями Совета министров 1914—1916 гг.: И.Л. Горемыкиным и Б.В. Штюмером.¹⁴ Одно из первых таких посещений председателя Совета министров И.Л. Горемыкина, состоялось 12 февраля 1915 г.

¹¹ *Познер С.В.* Указ. соч. С. 183—184; *Перельман А. Ф.* Воспоминания. СПб, 2008. С. 95.

¹² ЦГИА СПб. Ф. 2129. Оп. 1. Д. 68. Л. 20.

¹³ *Иоффе Г.З.* Выселение евреев из прифронтовой полосы в 1915 году // Вопросы истории. 2001. № 9. С. 85—96; Из «черной книги» российского еврейства: Материалы для истории войны 1914—1916 гг. // Еврейская старина. 1918. Т. X. С. 269; *Goldin S.* Deportation of Jews by the Russian Military Command, 1914—1915 // *Jews in Eastern Europe*. 2000. № 41/1. P. 40—73; *Lohr E.* 1) The Russian Army and the Jews: Mass Deportation, Hostages, and Violence during World War I // *Russian Review*. 2001. № 60. P. 404—419; *Lohr E.* 2) Nationalizing the Russian Empire: The Campaign Against Enemy Aliens during World War I. Cambridge, Mass., 2003. P. 121—137, 150—154.

¹⁴ Война. Россия. Евреи. Стенограммы встреч министров русского правительства с представителями еврейской общественности в 1915 г. / Публ., предисл. и коммент. В.Е. Кельнера // Вестник Еврейского университета. 2001. № 5 (23). С. 265—284.

Спустя несколько дней 23 февраля два депутата Думы Н.М. Фридман и М.Е. Бомаш встретились с министром иностранных дел С.Д. Сазоновым, а 14 марта 1915 г. они же были на аудиенции у министра финансов П.Л. Барка.¹⁵ Каждая такая встреча предварялась обсуждением ее основных параметров в Политическом бюро. Целью этих встреч было информирование членов правительства о подлинной ситуации с еврейским населением прифронтовой полосы. Массовая депортация населения стала одной из причин дезорганизации экономики тыла. Правительство это понимало, и было вынуждено предпринимать определенные шаги для того, чтобы достойно выйти из создавшегося положения.¹⁶ Под политическим и экономическим прессом власти все же обратили внимание на требования еврейской общественности. В июле-августе 1915 г. в Совете министров произошла дискуссия по еврейскому вопросу. Большинство министров «с душевным прискорбием» высказалось за то, чтобы отменить целый ряд антиеврейских законов, приостановить массовые выселения и принять меры по регламентации еврейской экономической жизни вне черты оседлости. 15 августа 1915 г. был издан циркуляр министра внутренних дел Н.Б. Щербатова, разрешавший «евреям жить в городских поселениях, за исключением столиц и местностей, находящихся в ведении министерств Императорского двора и Военного».¹⁷ Этот документ во многом опирался на юридическое обоснование, разработанное членом бюро Г.Б. Слиозбергом.¹⁸ Важнейшим направлением в работе бюро было постоянное будирование международного общественного мнения в странах союзников. Бюро имело прямые контакты с общественностью Великобритании, Франции и США.¹⁹

¹⁵ Там же.

¹⁶ Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А.Н. Яхонтова (Записи заседаний и переписка) / Публ. и примеч. Р.Ш. Ганелина и др. СПб., 1999. С. 351.

¹⁷ Архив русской революции. Берлин, 1926. Т. XVIII. С. 5—136; Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С. 211; *Гольденвейзер А.А.* Правовое положение евреев в России // Книга о русском еврействе от 1860-х гг. до 1917 г. Нью-Йорк, 1960. С. 140—141; *Ганелин Р.Ш.* Еврейский вопрос во внутренней политике России в 1915 г. // Еврейский университет в Москве. 1997. № 1 (14). С. 41—65.

¹⁸ *Слиозберг Г.Б.* Дела минувших дней. Париж, 1934. Т. 3. С. 338—339.

¹⁹ *Эстрайх Г.* За немцев или за русских? Нью-Йоркский «Форверст» в Первую мировую войну // Архив еврейской истории М., 2011. Т. 6. С. 123—137; *Neilson K.* Strategy and Supply. The Anglo-Russian Alliance, 1914—17. L., 1984; *Мовшович Д. А.И.* Браудо и последние этапы борьбы за эмансипацию евреев в России // Александр Исаевич Браудо (1864—1924): Очерки и воспоминания. Париж, 1937. С. 103—108.

Политическое бюро вело разнообразную работу, но основным в его деятельности все же оставалась борьба за интересы своего народа в стенах Государственной думы. В этой борьбе оно прежде всего рассчитывало на поддержку партии кадетов. Координация этих усилий легла на плечи М.М. Винавера. В то же время он обязан был проводить в бюро политику его собственной партии. Винавер не скрывал, что его настойчивость не всегда адекватно воспринимается в партии.²⁰ Главная проблема, стоявшая перед депутатами и кадетами, входившими в бюро — как совместить еврейскую национальную деятельность с участием евреев-депутатов в работе кадетской фракции. В ответ на критику своих коллег по бюро, обвинявших их в излишней зависимости от решений партии, депутат М.Х. Бомаш с горечью заявил: «Еврейские депутаты не имеют право вести самостоятельную политику».²¹ Осторожное, с их точки зрения, отношение к еврейской проблеме руководства кадетской партии и ее думской фракции не могло удовлетворить ни евреев-депутатов, ни Политическое Бюро, ни самого Винавера. Бюро направило в ЦК партии и лично лидеру партии П.Н. Миллюкову документы об истинном положении еврейского населения. 6—8 июня 1915 г. состоялась конференция партии кадетов, в которой участвовали не только члены ЦК партии, но и члены фракции в Государственной думе. Основным доклад по еврейскому вопросу, подготовленный Политическим бюро, сделал Винавер. На основе огромного количества собранных бюро материалов и документов было продемонстрировано прямое участие военных властей в развязывании антисемитской кампании в стране и на фронте. На этой конференции была единогласно принята резолюция, осуждавшая развертывание в стране антисемитской кампании.²² Уже через несколько дней, 19 июля 1915 г., выступая в Думе, П.Н. Миллюков в целом выразил протест против антиеврейской политики. Главным все же для бюро была выработка думской тактики и подготовка выступлений в Государственной думе. Положение еврейских депутатов, действующих под плотной опекой Политического бюро, значительно осложнилось в августе 1915 г. после вхождения партии кадетов в Прогрессивный блок. Это объединение «во имя победы» либералов с умеренными консерваторами и националистами было призвано корректировать политику властей в период все более неудачно складывавшейся для России войны. В этих условиях

²⁰ ЦГИА СПб. Ф. 2129. Оп. 1. Д. 68. Л. 15.

²¹ Там же.

²² Доклад по еврейскому вопросу ЦК КДП конференции делегатов партии и членов фракции, состоявшейся 6—8 июня 1915 г. (Машинописный экз. РНБ). Текст этого доклада был переведен на основные европейские языки и распространен в Великобритании, США и во Франции.

еврейская проблема становилась заложницей политической игры как в рамках коалиции, так и в самой Думе. Это ставило Винавера в весьма сложное положение. Ведь в его партии не было твердого единства по вопросу о постоянном «присутствии» в партийной политике еврейского вопроса. Винавер старался, чтобы в Думе при работе над законами и поправками по возможности учитывались пожелания, сформулированные Политическим бюро, чтобы в стенах Думы «еврейская тема» звучала постоянно. Особенно наглядно противоречия между бюро и кадетами проявились в обсуждении в Думе так называемых «циркуляров Кафафова». В январе 1916 г. директор Департамента полиции К.Д. Кафафов разослал губернаторам, начальникам областных и губернских жандармских управлений специальный циркуляр, в котором еврейское население обвинялось в экономической диверсии (организации нехватки товаров первой необходимости, искусственном вздорожании продуктов, нехватке «звонкой монеты»). От лица кадетской фракции выразили возмущение провокационным антисемитским характером документа В.А. Маклаков и Ф.И. Родичев. Прогрессивный блок расценил это как повод для усиления критики правительства. Депутат Н.М. Фридман подал в президиум Думы заявление с требованием сделать соответствующий срочный запрос председателю Совета министров «по поводу незаконных действий властей по отношению к еврейскому населению». Вскоре вокруг этого запроса начались политические интриги. В какой-то момент руководство кадетской фракции сочло, что появление «еврейского запроса» ей не выгодно, так как могло вызвать недовольство остальной части Прогрессивного блока. Фридман путем процедурных ухищрений был лишен права внесения срочного запроса.²³ Разразился скандал. Поведение кадетов и «прогрессистов» было воспринято многими членами бюро как поражение, как демонстрация «еврейского одиночества» в Думе. Острая полемика по сложившейся ситуации произошла на заседании пленума бюро 17 марта 1916 г. На нем обсуждалось несколько вариантов реакции на сложившееся положение: предлагалось евреям-депутатам: «публично отмежеваться от блока; выйти из кадетской фракции и образовать самостоятельную национальную фракцию; уйти из блока, но остаться в кадетской фракции... Одновременно предлагалось депутатам сделать заявление в прессе о том, что они вступили в Прогрессивный блок механически, вместе с кадетской фракцией, но, якобы, при этом за-

²³ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия четвертая. Пг., 1916. Стб. 1467—1468, 2187, 2769; См. подробнее: *Ганелин Р.Ш.* Государственная дума и антисемитские циркуляры 1915—1916 гг. // Вестник еврейского университета в Москве. 1995. № 3 (10). С. 10—15.

являли о том, что обусловили это сохранением самостоятельности своих выступлений в связи с еврейским вопросом.²⁴ Один из лидеров российского сионизма тех лет М.С. Алейников возложил все ответственность за провал на «руководящую группу еврейских деятелей». Имея в виду Винавера, он сказал: «Максим Максимович указывал, что вина Политического бюро в том, что оно не вело одной определенной политики». И далее он как бы констатировал: «Мы приняли ошибочную тактику. Мы решили, что нам необходимо связаться с какой-нибудь русской политической партией. Нам навязывали идею: только в чужой упряжке, только политическая несамостоятельность...».²⁵ В известной степени итог дискуссии подвел председательствовавший на этом заседании М.М. Винавер. Его речь была направлена на то, чтобы в какой-то степени отрезвить «горячие головы» и вернуть членов Политического бюро в русло реальной политики. В своем выступлении он сказал: «Мы все согласны в том, что вынесение еврейского вопроса на трибуну Государственной думы не может быть предметом демонстрации. Чрезвычайные условия военного времени вызвали чрезвычайные обстоятельства для евреев. Родился навет. Он с колоссальной быстротой нарастает в обществе. Борьба с ним очень трудна, но никто от нее не отказывается. Внесен запрос о навете, потому что естественно было реагировать на случившееся. Рассчитывали, что блок примет его. Блок заколебался только в тот момент, когда вопрос был переведен на шпионаж и участие военных властей. Для всех ясно, что говорить надо, но когда и при каких условиях? Борьба с наветом необыкновенно трудна... Речь шла о том, чтобы дать сражение теперь или при более благоприятной обстановке. Чтобы развернуть сражение, недостаточно трех еврейских депутатов и неподготовленных кадетов. Мы упустили из вида настроения наших депутатов, и в этом наша ошибка. Дело приняло неожиданный поворот, и все перевернулось вверх дном... Выход из блока есть выход из фракции, на это имеются совершенно определенные данные». И далее Винавер, с определенной степенью сарказма, сказал: «Если бы я был в Государственной думе один, то уходя из фракции, я образовал бы еврейскую национальную фракцию».²⁶ В итоге предложение о выходе из Прогрессивного блока не прошло. Инцидент с «кафафовскими циркулярами» так ничему не научил руководителей Прогрессивного блока. Они считали, что для достижения своих целей придется чем-нибудь пожертвовать. И, как это уже не раз бывало в истории, первой и наиболее «логичной» жертвой становилось равноправие евреев. Особенно ярко это проявилось в

²⁴ ЦГИА СПб. Ф. 2049. Оп. 1. Д. 102. ЛЛ. 2—5.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. ЛЛ. 9—13.

1916 г. в дебатах по крестьянскому вопросу. Политическое бюро потребовало от депутатов-евреев использовать эти дебаты для того, чтобы вновь поставить в повестку дня еврейский вопрос. Формальный глава бюро М.И. Шефтель при обсуждении роли евреев-депутатов в прохождении в Думе крестьянского закона настаивал на том, что этот «вопрос представляет важность, превосходящую важность фракций, блока, выхода из него и так далее. Этот вопрос надо обсудить с точки зрения будущего еврейского вопроса. Вопрос о борьбе — если бы не борьба, то еврейским депутатам нечего было бы делать в Думе. Мы должны не пропускать ни одного момента». Н.М. Фридман 7 июня 1916 г. при обсуждении крестьянского закона вновь не преминул выступить с критикой тактики Прогрессивного блока. Он сказал: «Евреи хорошо понимают, что если гражданскому равенству суждено пройти не сразу, то прежде всех должны быть раскрепощены крестьяне, но и крестьяне должны понять, что пока у нас будут граждане второго разряда, то и они не станут гражданами первого разряда. Среди граждан не должно быть никаких сортов и никаких разрядов».²⁷ Однако Маклаков, бывший докладчиком по этому вопросу от Прогрессивного блока, заблокировал включение «еврейских поправок».²⁸ Делая это, кадеты рассчитывали на то, что этот важный для них закон пройдет в Думе без особого сопротивления со стороны правых. Но Политическое бюро, согласно своей доктрине, через депутатов рассчитывало распространить закон о крестьянском равноправии и на еврейское население. Винавер, подводя итоги дискуссии по использованию дебатов вокруг крестьянского закона в интересах еврейского населения, признал, что в партии, «боятся реакции крестьянства». Винавер вновь и вновь выступал против радикальной политики, предлагаемой, в первую очередь, сионистами. «Нужно дать возможность бороться в партии, входящей в блок», — заявлял он и призвал «создать единую еврейскую политику», а «толерантность идеологов, по его мнению, состоит в том, чтобы быть ближе к реальности».²⁹

Летом 1916 г. резко обострились разногласия внутри Политического бюро. Сказывалось то, что в его состав входили представители самых различных политических направлений: от либералов до сионистов. Винаверу постоянно приходилось лавировать между своими однопартийцами и членами Политического бюро. Он всемерно старался отстаивать кадетскую «линию поведения» в еврейском вопросе. Винавер настойчиво пытался убедить собравшихся в том, что еврей-депутата-

²⁷ Там же. ЛЛ. 10—13.

²⁸ Будницкий О.В. В.А. Маклаков и еврейский вопрос (Из истории русского либерализма) // Вестник еврейского университета. 1999. № 1. С. 57—58; Маклаков В.А. Из воспоминаний. Нью-Йорк, 1954. С. 365.

²⁹ ЦГИА СПб. Ф. 2049. Оп. 1. Д. 102. Л. 5.

ты, единственные в Думе представители своего народа, лишившись союзников в лице либеральной части депутатов, будут обречены на безгласие. Обеспокоенный разногласиями между бюро и кадетской партией, он пытался «воздействовать» и на ее руководство. Он добивался от него большего участия и сочувствия в решении еврейского вопроса в Думе.

Все же упорство, с которым действовало Политическое бюро и лично Винавер не прошли даром. Руководство КДП и ее думской фракции постепенно начинало сознавать, что военное время не является препятствием для ликвидации черты оседлости. Наоборот, это стало одной из насущных задач по обновлению страны.

На протяжении всей своей деятельности в бюро М.М. Винавер неукоснительно отстаивал свое убеждение в том, что равноправие в России евреи могут завоевать только в союзе с российской демократией и только при проведении полноценных демократических изменений во всем государственном устройстве страны.

М.А. ЗЛАТИНА

Обсуждение «запроса социал-демократической фракции по поводу незаконных действий властей в отношении евреев» в IV Государственной думе в июле-августе 1915 г.: поднятые проблемы, освещение в прессе, итоговый результат

Заявление об обращении к председателю Совета министров и министру внутренних дел с запросом по поводу незаконных действий властей по отношению к еврейскому населению, проживающему в районе военных действий (№ 170), внесенное на рассмотрение в Государственную думу 20 июля 1915 г., редко подробно освещается в исторических работах. Как правило, сведения о нем можно встретить в монографиях и статьях, посвященных либо вопросам национальной политики в России в целом,¹ либо деятельности в этой сфере Государственной думы и партий.² Но даже в случае упоминания данного запроса информации предоставляется крайне мало: общие фразы и сообщение, что такое запросное заявление имело место быть. Между тем заявление, больше известное как «запрос социал-демократов о евреях», хоть так и не дошло до заявленных адресатов, определенную историческую ценность имело. В ходе самого процесса подачи и обсуждения запроса выявился ряд проблемных тем, имеющих отношение даже не столько к еврейскому вопросу, сколько к проблемам взаимодействия и подконтрольности военных и гражданских властей, возможности Государственной думы реально влиять на происходящие события в стране.

Массовое поголовное выселение евреев из прифронтовой зоны западных губерний Российской империи и шпиономания в отношении еврейского населения не могли не обсуждаться в Государственной думе. Уже на первых заседаниях IV сессии Думы, 19 и 20 июля 1915 г., был озвучен ряд тем, связанных с еврейским вопросом, в том числе и те сюжеты, которые легли в основу как раз готовящегося запроса о действиях власти в отношении евреев.³ Внесли в Государственную думу запросное заявление 20 июля 1915 г.⁴ С легкой руки прессы оно полу-

¹ См., напр.: *Костырченко Г.В.* Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм. М., 2003. С. 44.

² См., напр.: *Вельможко И.Н.* Высший представительный орган российской империи: опыт законодательства по национальному вопросу [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. Режим доступа: <http://www.mail.ru/science/trudy/articles/num12/article2/article.doc>

³ См.: Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия четвертая. Пг., 1915. Ч. 1. Стб. 96—99, 110, 122—123, 129—130, 156—172.

⁴ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 434. Л. 16.

чило наименование «Запрос социал-демократической фракции о евреях». Хотя с партийной принадлежностью было не все так просто. Согласно шапке документа, сохранившегося в фондах РГИА, текст составлялся социал-демократической фракцией и трудовой группой.⁵ Подписывали запрос, помимо перечисленных фракций, кадеты. Причем из 31 фамилии подписавших 16 приходится именно на кадетов, остальная половина — социал-демократы и трудовики.⁶ Но внесли этот запрос и первым его подписали именно социал-демократы (начиная с Н.С. Чхеидзе). Их подписи так и идут: социал-демократы, трудовики, кадеты, разве что А.Ф. Керенский подписался вторым. Как подобный результат сотрудничества партий был отражен в прессе? В большинстве газет (как центральных, так и местных), если запрос и упоминался, то либо в связке только с социал-демократами, либо вообще без наименования фракций как таковых («Минский голос», «Южный край»⁷). Исключением стала еврейская пресса, газеты «Речь» и «Земщина». Они про остальных участников составления запроса не забыли, но с определенными нюансами. Правая пресса упомянула, что запрос о евреях принадлежит социал-демократам и кадетам, оставив в стороне трудовиков.⁸ «Речь» тоже в первой своей публикации о запросе упомянула лишь социал-демократов.⁹ Но уже в последующих статьях обязательно указывалось, что запрос подписан кадетами и трудовиками.¹⁰ И педалирование этого момента вполне могло быть неслучайно, поскольку при освещении темы о запросе произошло разделение мнений и посылов в еврейской прессе. Прокадетски настроенная газета «Еврейская неделя» в первых статьях и в дальнейшем пишет, что запрос внесен социал-демократами, но подписан, в том числе, кадетами и трудовиками.¹¹ Журнал «Евреи и Россия» выдает схожую информацию.¹² Но вот сионистская газета «Еврейская жизнь» не просто сообщает о внесении запроса социал-демократической фракцией, не упоминая ни разу кадетов, а в одном из номеров содержится упрек в адрес кадетов в том, что с запросом не выступила «та думская фракция», от которой этого больше всего ждали.¹³ О подписи запроса кадетами ни слова. О трудовиках тоже не говорится, но тут они идут в связке с социал-демократами.

⁵ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1019. Л. 2.

⁶ Там же ЛЛ. 5, 7 об.

⁷ Минский голос. 1915. 5 августа; Южный край. 1915. 5 августа.

⁸ Земщина. 1915. 4 августа.

⁹ Речь. 1915. 21 июля.

¹⁰ Речь. 1915. 4 августа.

¹¹ Еврейская неделя. 1915. № 12. 10 августа. С. 9—10.

¹² Евреи и Россия. 1915. № 4. 16 августа. С. 6—7.

¹³ Еврейская жизнь. 1915. № 4. 26 июля. С. 40—41; 1915. № 6. 9 августа. С. 1—2.

Таким образом, мы видим, что даже на уровне предоставления информации о том, кто внес, кто участвовал, кто подписал, в прессе есть недомолвки и расставление акцентов в зависимости от партийной ориентации и принадлежности газет.

В чем состояла суть запроса о евреях, в тексте заявления были затронуты три основные темы: 1) насильственное выселение евреев и проблемы, возникавшие при перемещении выселенцев из прифронтовой зоны; причем акцент был сделан не столько на самом приказе о выселении, сколько на жестокости, с которой гражданская администрация претворяла в жизнь распоряжения военного командования, с соответствующими частными примерами жестокого обращения с выселяемыми евреями; 2) требование со стороны местных органов власти с угрозой взысканий в случае неисполнения от провинциальных газет издания заведомо ложной информации, ранее опубликованной в Правительственном вестнике, о предательстве евреев в Кужах (в данном случае МВД и Главное управление по делам печати обвинялись в допущении и неопровержении ложных слухов); 3) взятие заложников от еврейского населения и содержание в тюрьмах заведомо невиновных лиц. Обвинения звучали в адрес администрации местных тюрем и прокурорского надзора, допустивших подобное.

В итоге по поднятым проблемам формулировался собственно запрос к председателю Совета министров и министру внутренних дел: 1) знали ли они о перечисленных противозаконных деяниях местной администрации; 2) какие меры будут предприняты для наказания виновных и недопущения подобных инцидентов впредь.¹⁴

В прессе содержание запроса было отображено далеко не во всех газетах. «Речь» только обозначает сам факт внесения запроса.¹⁵ «Утро России» и «Петроградские ведомости» тезисно осветили только разделы запроса, посвященные выселению и заложникам. Про вопрос о печати в прессе фальшивых данных о Кужах — ни слова.¹⁶ Еврейская пресса¹⁷ попыталась представить на страницах своих газет полный текст документа, но он по большей части был прорежен цензурой, остались лишь небольшие фрагменты о выселенцах и заложниках. Была полностью вымарана вся информация о прессе и ситуации с Кужами.

Следующая дата в деле рассмотрения запроса о евреях — 3 августа 1915 г. В этот день на пятом заседании IV сессии Государственной думы обсуждался вопрос о передаче заявления за № 170 на рассмотрение в порядке спешности в комиссию по запросам. По протоколу в

¹⁴ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1019. ЛЛ. 2—5.

¹⁵ Речь. 1915. 4 августа.

¹⁶ Утро России. 1915. 21 июля; Петроградские ведомости. 1915. 21 июля.

¹⁷ Евреи и Россия. 1915. № 4. 16 августа. С. 6—7; Еврейская жизнь. 1915. № 4. 26 июля. С. 40—41.

данных обстоятельствах допускалось четыре выступления: два — за, два — против, но звучит лишь две речи в защиту принятия в порядке спешности на рассмотрение заявленного запроса. Выступили Н.С. Чхеидзе (меньшевик¹⁸) и В.И. Дзюбинский (трудолик¹⁹). Ничего особо нового они не сообщили, скорее это было общее освещение проблем, которые содержались в запросе. Правда, Дзюбинский подчеркнул, что власть проводит подобную вредную политику в отношении евреев, чтобы отвлечь общественное внимание от реальных проблем и скрыть настоящих виновников сложной ситуации, сложившейся на фронте. Выступлений против спешности не было. Но при голосовании предложение о рассмотрении запроса в порядке спешности было отклонено большинством голосов: 122 против 77. Против голосовали правые, националисты и октябристы. Новое предложение, внесенное Чхеидзе, о признании запроса срочным, с обязательством комиссии по запросам рассмотреть его в течение двухнедельного срока, было принято большинством голосов: 93 против 77.²⁰ На этот раз в поддержку запроса проголосовала часть октябристов и часть из них воздержалась. В итоге в тот же день, 3 августа 1915 г., запрос о незаконной политике, проводимой правительством в отношении евреев, был передан для рассмотрения и предоставления доклада — заключения в комиссию по запросам. В прессе обсуждение запроса о евреях именно на пятом заседании IV сессии Думы получило наибольший отклик из всех этапов прохождения запроса по инстанциям. Оно было упомянуто в большинстве центральных и местных газет, в том числе были перепечатаны и речи депутатов Н.С. Чхеидзе и В.И. Дзюбинского.²¹

Следующий ход был за комиссией по запросам — именно здесь разразились основные баталии при обсуждении вопросов, представленных в запросном заявлении. 5 августа 1915 г. на заседании комиссии избран докладчик, который должен был выступить со своим заключением при обсуждении запроса в комиссии. Согласно результату голосования (из 17—12 «за») докладчиком избирали П.А. Сафонова (националист²²)²³. И если учитывать партийную принадлежность Петра Афри-

¹⁸ *Николаев А.Б.* Чхеидзе Николай Семенович // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 687.

¹⁹ *Николаев А.Б.* Дзюбинский Владимир Иванович // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 163.

²⁰ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия четвертая. Ч. 1. Стб. 439—446.

²¹ См.: Еврейская жизнь. 1915. № 6. 9 августа. С. 17—21; Еврейская неделя. 1915. № 12. 10 августа. С. 9—10; Речь. 1915. 4 августа; Земщина. 1915. 4 августа; Минский голос. 1915. 5 августа.

²² *Николаев А.Б.* Сафонов Петр Африканович // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 549.

²³ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 434. ЛЛ. 14—14 об.

кановича и его отношение к еврейскому вопросу, запрос могли завернуть еще на стадии прохождения комиссии по запросам. Но такового, как ни странно, не случилось.

12 августа 1915 г. на заседании комиссии состоялось рассмотрение внесенного запроса. Докладчик П.А. Сафонов, представляя содержание заявления, заменил прежнюю структуру текста на новую. В итоге первым вопросом для обсуждения шла объединенная проблема выселения евреев и взятия заложников от еврейского населения по распоряжению военного командования, второй — особо выделенная проблема жестокого обращения местной гражданской власти с еврейскими выселенцами, что усугубило положение вынужденных мигрантов. И, наконец, третья часть — все тот же вопрос о давлении на прессу и распространении слухов о деле в Кужах. В результате такой трансформации прения по первому и второму пунктам запроса перевели дискуссию от обсуждения частных моментов, связанных с политикой в отношении евреев, к рассмотрению более глобальных тем.

Сторонники отклонения запроса П.А. Сафонов, Н.И. Шетохин (правый²⁴) упирали на то, что согласно правилам о местностях, объявленных на военном положении, верховный главнокомандующий может действовать вне рамок существующих законов. С этой точки зрения все действия, предпринятые в отношении евреев, закономерны. И даже если они все-таки незаконны, то есть ст. 33 Учреждения Государственной думы, не позволяющая думцам подавать запрос о законности действий военного командования, поскольку те не подчиняются Сенату. Гражданские же власти, находящиеся в прифронтовой зоне, обязаны выполнять распоряжения военных. Стало быть, и запрос подавать не за что и некому.

Сторонники подачи запроса Н.С. Чхеидзе, кадеты Н.М. Фридман²⁵ и А.М. Александров,²⁶ в свою очередь, делали упор на том, что надо разделить действия военных и гражданских властей. Поскольку одно дело выполнить приказ, другое дело — как, т.е. насколько свирепо. Звучали идеи о том, что гражданские власти могли уклоняться, не выполнять приказы военных, если считали их незаконными, и сообщать обо всем Сенату. Доходило дело и до более жестких заявлений: о том, что главнокомандующий не сатрап, правовое государство не может позволить ему делать что угодно, и заложники — это та граница,

²⁴ Николаев А.Б. Шетохин Николай Иосафович // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 697.

²⁵ Николаев А.Б. Фридман Нафта́ль Маркович // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 652.

²⁶ Николаев А.Б. Александров Александр Михайлович // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 12.

которую нельзя было переходить. Прозвучала и мысль том, что если ссылаться на формальную точку зрения о невозможности обсуждать незаконность действий военных властей, то остается просто признать полное бессилие Думы.²⁷

В итоге бурных прений члены комиссии сформулировали три вопроса, которые первыми поставили на голосование: 1. Может ли Дума предъявлять запросы главнокомандующему и командующим армиями — признали, что все-таки не может. 2. Может ли Дума предъявлять запросы правительству по поводу действий военных лиц при принятии теми мер в отношении гражданского управления. Здесь голоса разделились, и все же большинством (13 против 7) этот пункт был отклонен. 3. Можно ли делать запрос правительству о действиях местной администрации в порядке исполнения ею распоряжений военных властей. То есть, могут ли местные власти уклониться от выполнения приказов военных. Здесь комиссия единогласно проголосовала в утвердительной форме: да, тут может иметь место запрос.²⁸

В итоге, найдя подобную лазейку, перешли к голосованию по тем вопросам, которые были изначально заложены в запросе о политике в отношении евреев. Все они были утверждены: первый и второй — единогласно, третий (вопрос о заложниках) большинством голосов (10 против 7). Таким образом, хоть и с рядом допущений и возможностью подать запрос только в отношении действия местной гражданской администрации, но запросное заявление было принято по всем основным пунктам. П.А. Сафонов, голосовавший против запроса, отказался выступать по нему с докладом в общем собрании Думы, и докладчиком был избран А.М. Масленников (прогрессист²⁹)³⁰.

25 августа 1915 г. доклад по запросу о незаконных действиях властей по отношению к еврейскому населению был внесен для обсуждения в общее собрание Государственной думы.³¹ Но в связи со скорым роспуском Думы, он так и не был рассмотрен.

В прессе еще печатали сведения о ходе заседания комиссии по запросам и даже публиковали полностью без цензурных урезок доклад о запросе,⁶ но ажиотаж схлынул. Интерес к запросу о евреях был пере-

²⁷ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 434. ЛЛ. 19—25.

²⁸ Там же. ЛЛ. 25—26 об.

²⁹ *Николаев А.Б.* Масленников Александр Михайлович // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 361.

³⁰ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 434. ЛЛ. 27—28 об.

³¹ Там же. Д. 1019. Л. 52.

³² См.: Биржевые ведомости. 1915. 13 августа (утр. вып.); День. 1915. 13 августа; Петроградские ведомости. 1915. 26 августа; Еврейская неделя. 1915. № 15. 31 августа. С. 10; Евреи и Россия. 1915. № 5. 13 сентября. С. 9; Еврейская жизнь. 1915. № 9. 30 августа. С. 24—25.

Актуальные проблемы парламентаризма

бит более животрепещущей темой — временным снятием черты оседлости, как раз совпавшей по времени с периодом обсуждения запроса.

Но при всей мизерной итоговой результативности запроса о евреях, он не был пустоцветом. Поскольку сам процесс подачи и обсуждения запроса продемонстрировал ряд важных тенденций, характерных для того периода. Обсуждение различных аспектов еврейского вопроса было удобной площадкой для заявления фракциями своих общих претензий и размышлений о политике правительства, военной и гражданской власти, статусе и узости полномочий Государственной думы, для определения еврейским обществом своего отношения к деятельности той или иной партии.

И.В. ЛУКОЯНОВ

Государственная дума и Первая мировая война: помощь фронту

С начала Первой мировой войны Россию охватил патриотический подъем, и думцы не могли остаться в стороне от него. Помимо политических жестов, сделанных на однодневной сессии 26 июля 1914 г., это была разнообразная деятельность, связанная с помощью вооруженным силам в войне. Прежде всего — сбором средств. Конечно, были и депутаты, которые лично отправились на фронт. Один из них — А.М. Коллюбакин, входивший в число лидеров кадетской фракции, погиб в январе 1915 г., ведя роту в атаку. Другие — как, например, В.М. Пуришкевич, организовывали помощь на театре боевых действий. Известный крайне правый политический деятель создал целую сеть из санитарных поездов (сам он упоминал 15 отрядов) и наладил быструю и высокоэффективную помощь раненым, так что попасть туда считалось за большое счастье. В поезд В.М. Пуришкевича входили аптечные вагоны, вагоны-лавки, баня, читальня, церковь.¹ Он также открывал на передовых позициях питательные пункты, ассортимент и качество продуктов в которых оценивалось современниками весьма высоко. Сын депутата III Государственной думы, председателя Пронского отдела «Союза русского народа», протоиерея К.Н. Добромыслова Н.К. Добромыслов, оказавшийся в одном из них, «с удовольствием встретил там «все прямо необходимое и даже роскошь. Здесь можно получить чай, кофе, сыр, масло, колбасу, ветчину, консервы разного рода, борщ. Кроме того, здесь лежат самые свежие газеты, письменные принадлежности и т.д. Все это к нашим услугам и бесплатно. Раненых солдат здесь кормят, раздают сахар, чай, белые хлебы».²

Разумеется, прежде всего в помощи нуждалась организация санитарной части. Россия не готовилась к длительной, изнуряющей войне и колоссальным потерям, которые сопровождали этот конфликт. Организация врачебной помощи пострадавшим в ходе боевых операций находилась на уровне, сильно не отвечавшем реальной потребности в ней. Это несоответствие выявилось уже в первые дни войны. Кроме того, помощь раненым являлась делом и фронта и тыла одновременно. Система координации не была продумана, медицинских материа-

¹ *Иванов А.А.* Владимир Пуришкевич: опыт биографии правого политика (1870—1920). М.: СПб., 2011. С. 196, 198.

² Выписка из письма Н.К. Добромыслова К.Н. Добромыслову 20 января [1915 г.] в: Отчет о перлюстрации 1914-1915 гг. // ГА РФ. Ф. 6887. Оп. 1. Д. 119. Л. 293.

лов и снаряжения явно не хватало, а более всего ощущался дефицит элементарного порядка. Чтобы установить хотя бы единоначалие, управление санитарной частью на фронте и в тылу было объединено и передано 3 сентября 1914 г. в руки принца Александра Петровича Ольденбургского. Принц, сам по себе вполне хороший человек, категорически не мог быть руководителем такого дела, его отличал взбалмошный характер, эксцентрическое поведение, вспыльчивость, склонность к разносам подчиненных, неумение принимать продуманные решения.³ Понятно, что при таком начальнике надеяться на успех всего дела было проблематично. В целом, санитарная часть не существовала как единая система, начиная с эвакуации раненых с поля боя и оказания им первой, элементарной помощи до лечения их в специальных заведениях и реабилитации в случае непригодности к дальнейшей строевой службе. Последнее вообще считалось вне забот правительства. С.Е. Крыжановский цинично списал этих людей, предлагая не расходовать на них деньги («Как ни желательно сделать все возможное для облегчения участи пострадавших от войны, но не следует увлекаться мечтами, которые нельзя осуществить. Положение раненых и увечных надо, разумеется, скрасить как только можно, но в общем их приходится, скрепя сердце, рассматривать как людей, попавших под колесо истории и скинуть со счета»),⁴ чем вызвал недовольство императрицы Александры Федоровны, полагавшей иначе. Общество в этом вопросе стояло на стороне царицы.

Уже 8 августа 1914 г. в Москве на съезде городских голов губернских городов из Европейской части России после выступлений уполномоченных Красного Креста присутствовавшим «стало ясно, что ни Красный Крест, ни военное ведомство не могут почитаться вполне подготовленными для обслуживания ожидаемого колоссального количества раненых и больных».⁵ Для решения проблемы требовалось быстрое и активное содействие городских властей. Элементы схемы реабилитации работали сами по себе, особенная проблема была на стыках: если лечением раненых, доставленных с фронта, занимались органы местного самоуправления, то оказание помощи раненым, эвакуированным с поля боя и вывезенным с театра военных действий, оказалось проблемой, решение которой изначально не предусматривалось вообще. Близорукость властей обернулась чудовищными потерями при транспортировке раненых: доставлялись они часто в обычных товарных вагонах, по несколько суток, без всякой медицинской помощи в дороге. Петроградский городской голова И.И. Толстой 26 августа встретил

³ См. мемуары его сотрудника: *Бурмистров В.В.* Воспоминания о Февральской революции // ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 245.

⁴ *Крыжановский С.Е.* Воспоминания. Берлин, б/г. С. 186—187.

⁵ *Толстой И.И.* Дневник 1906—1916. СПб., 1997. С. 535—536.

один из таких составов. «Привезены раненые в отвратительных товарных вагонах, лежа на соломе. Поезда направлялись в Москву, но так как там образовалась уже пробка, то их направили к нам. Таким образом, бедные раненые были в пути, при самых неудобных условиях, целых пять дней. Естественно, что все имели усталый и закопченный вид».⁶ В других местах было менее благополучно. Депутат Государственной думы В.В. Шульгин засвидетельствовал такую же картину транспортировки пострадавших на юго-западном направлении, причем многие из раненых умирали в дороге (просто замерзая — даже в августе!), так и не достигнув больницы.⁷

Поэтому организация медицинской помощи на полях сражений, а также пути с фронта в тыл для пострадавших стала предметом инициативы отдельных лиц, учреждений и добровольных обществ. В этот ряд встала и Государственная дума, причем, учитывая ее возможности, участие палаты стало весьма значимым.

М.В. Родзянко сразу получил полномочия на устройство лазаретов за счет добровольных отчислений депутатов (как правило, в виде доли от их содержания. Многие народные избранники оставили письменные просьбы отчислять с них ежемесячно фиксированную сумму — 25, 50, 100 руб.). В конце июля 1914 г. был также создан Комитет членов Думы для оказания помощи раненым и пострадавшим во время войны, в который вошло все руководство палаты и по два представителя от каждой фракции, всего 26 человек. Комитет сразу объявил о сборе пожертвований как деньгами, так и вещами. На призыв откликнулись, и не только думцы. Переписка в связи с пожертвованиями, оставшаяся в архиве Государственной думы, сохранила немало интересных фактов. Так, деньги перечисляли не только депутаты, но и другие лица, например глава правительства И.Л. Горемыкин. Среди даров были не только носильные вещи, белье, табак, но и дорогостоящая техника: представительство американской фирмы «Форд» в сентябре 1914 г., задолго до вступления Америки в войну, подарило Думе два своих автомобиля.⁸ Доставленное складировалось в Таврическом дворце, затем отправлялось на фронт. Такие, казалось бы, частные меры иногда имели немалое значение. Так, командир лейб-гвардии Конного полка Д.А. Лопухин благодарил Думу за посылку в полк 500 пар валенок, «обеспечив ему этим щедрым даром теплую обувь в предстоящей зимней кампании».⁹

⁶ Толстой И.И. Указ. соч. С. 542.

⁷ В.В. Шульгин — М.В. Родзянко 25 августа 1914 г. // РГИА. Ф. 1278. Оп. 8. Д. 207. ЛЛ. 53—56.

⁸ РГИА. Ф. 1278. Оп. 8. Д. 209. ЛЛ. 123—124.

⁹ Командир лейб-гвардии Конного полка Д.А. Лопухин — М.В. Родзянко, 7 октября 1914 г. // РГИА. Ф. 1278. Оп. 8. Д. 207. Л. 190.

Комитет принял также решение о создании лазарета имени Государственной думы. Уже 9 августа думский лазарет, рассчитанный на 105 мест (в его состав входили 8 врачей, фармацевт, 38 медсестер и 38 санитаров), отбыл на Юго-Западный фронт. Лазарет специализировался на тяжелораненых, к концу месяца через него прошли тысячи (!) пострадавших в боях.¹⁰ При нем также были открыты перевязочный и питательный пункты, после чего он был переименован в отряд. Обслуживание лазарета требовало значительных средств: по подсчетам М.В. Родзянко, обустройство одной койки обходилось примерно в 100 руб., ее содержание — 45 руб. в месяц.¹¹ Для привлечения жертвователей использовалась адресная поддержка. Так в лазарете появились койки «имени якутов», «имени Михаила Мартыновича Алексеенко» (причем спонсировал ее не сам председатель Бюджетной комиссии).¹² Кроме этого, в отряде находились автомобили. В общем, он требовал на первых порах примерно 18,5 тыс. руб. в месяц. К концу 1915 г. Дума финансировала уже три отряда, каждый состоял из лазарета и двух питательно-перевязочных пунктов. На них необходимо было 55 тыс. руб. ежемесячно.¹³

Сохранившаяся отчетность свидетельствует, что комитету депутатов за 1914—1915 гг. на поддержку своих инициатив удалось собрать чуть более 700 тыс. руб. (702 562 руб.). Сумма не слишком большая, учитывая статус Думы и аналогичные кампании по сбору средств, проводимые, например, союзами земств и городов. Она складывалась по преимуществу из пожертвований частных лиц, так как правительственные ассигнования ограничились, по-видимому, 50 тыс. руб., еще 29 тыс. было заимствовано у Красного Креста. Еженедельные отчеты о полученных суммах публиковались в «Новом времени» — одной из самых распространенных и авторитетных газет в тогдашней России. Согласно им, за неделю в 1914 г. удавалось собирать примерно 6—17 тыс. руб., в основном ближе к 10 тыс. С начала 1915 г. цифры уменьшились, как правило, не превышая 5 тыс. руб., но встречаются «скачки» до 23 тыс. (1—9 апреля 1915 г.) или 21,8 тыс. (16—31 декабря, то есть за две недели).¹⁴ Тем не менее недостатка в финансовом обеспечении отрядов не ощущалось. М.В. Родзянко, посетивший в июне 1916 г. второй из них, «все нашел в полном порядке и отличном состо-

¹⁰ М.В. Родзянко — А.В. Черепанову, 31 августа 1914 г. // Там же. Л. 65.

¹¹ Телеграмма М.В. Родзянко студенту Смороденцеву, 16 или 17 сентября 1914 г. // Там же. Л. 96.

¹² Там же. Д. 211. ЛЛ. 251—252.

¹³ Сведения о расходах, произведенных Комитетом по содержанию отрядов государственной думы в декабре месяце 1915 г. // Там же. Д. 204. Л. 3.

¹⁴ Там же. Д. 205. ЛЛ. 65, 76 об., 120—121.

янии».¹⁵ Сейчас трудно сказать, насколько точной была оценка высокого «ревизора», так как сохранились свидетельства, в частности, письмо одного из служащих думского отряда, в котором сообщалось о больших беспорядках в организации работы, отсутствии должного снабжения, преступной халатности руководителей. «Всего не перечесть, а уполномочен[ные] попивают спирт и делают очень мало. Среди больных и раненых ропот, Госуд[арственную] думу ругают как только могут, ругают солдаты, ругают офицеры, которые попадают к нам».¹⁶ Письмо подтверждало содержание докладной записки графини С.А. Бобринской от 20 декабря 1915 г., которая в более мягких выражениях сообщала о ненадлежащем руководстве лазаретом со стороны депутатов Думы.¹⁷ В частности, в анонимном письме имелся в виду М.А. Караулов, прошедший в формально подчиненном ему отряде всего 10 дней. Авторы жалоб справедливо опасались, что такая «организация» больно бьет по репутации народного представительства в целом и отдельных депутатов в частности.

При всех недостатках в деятельности думских отрядов они играли важную роль в оказании медицинской помощи фронту. Сама Дума рассматривала их работу как важную связь нижней палаты и армии, поэтому продолжала содержать их даже после Февральской революции.¹⁸ Лишь в октябре 1917 г. Комитет членов Думы согласился передать свои отряды в ведение российского Красного Креста.¹⁹

Способствовали ли медицинские отряды авторитету Думы на фронте? Трудно сказать однозначно. А.А. Иванов привел рассказ, относящийся к началу 1930-х гг., участника Первой мировой войны В.А. Карпова: «Я Пуришкевича до самой смерти не забуду. <...> Если б он не подвозил нам на своем поезде продовольствия и не подбирал раненых, мы бы с голоду подошли и кровью истекли <...> Другие распинались за народ в Думе, а он дело делал».²⁰ Противопоставление народ-

¹⁵ Протокол заседания Комитета членов Государственной думы для оказания помощи раненым и пострадавшим во время войны, 1 июля 1916 г., № 214 // Там же. Д. 204. Л. 16.

¹⁶ Копия анонимного письма одного из служащих думского отряда, пересланная московским городским головой М.В. Родзянко, 18 января 1916 г. // Там же. Оп. 10. Д. 1. Л. 7.

¹⁷ Там же. ЛЛ. 1—3.

¹⁸ Протокол заседания Комитета членов Государственной думы для оказания помощи раненым и пострадавшим во время войны, 29 мая 1917 г., № 227 // Там же. Оп. 8. Д. 204. ЛЛ. 25—25 об.

¹⁹ Протокол заседания Комитета членов Государственной думы для оказания помощи раненым и пострадавшим во время войны, 9 октября 1917 г., № 228 // РГИА. Ф. 1278. Оп. 8. Д. 204. Л. 27.

²⁰ *Иванов А.А.* Владимир Пуришкевич. С. 205.

Актуальные проблемы парламентаризма

ного представительства и В.М. Пуришкевича выглядит неожиданно, но не такие же ли чувства в отношении Думы испытывали те, кто попал в санитарные отряды, поддерживавшиеся нижней палатой? Несомненно, организация и поддержка деятельности санитарных отрядов отражали искренний порыв депутатов, подъем национального чувства, особенно ярко проявившийся в первые месяцы войны. Характерно, что когда эмоции спали, внимание к ним, по-видимому, существенно ослабло, о чем свидетельствуют жалобы. Все-таки народные избранники в большинстве своем были политиками, к 1915 г. они сосредоточили свое внимание на противостоянии с самодержавной властью, что, разумеется, не содействовало организации медицинской помощи на фронте.

Е.Е. ПЕТРОВА

Роль великого князя Николая Михайловича и лидеров думской оппозиции в «ноябрьском штурме власти» 1916 года

Нарастание политических противоречий в России продолжалось в течение полутора лет и достигло своего апогея к осени 1916 г. Все это требовало от власти более решительных действий. При этом значительная часть либеральной оппозиции и примкнувшие к ним великие князья призвали императора и правительство пойти на уступки обществу.

К этому времени противоречия в императорской фамилии между императорской четой и великими князьями обострились и были вызваны тем, что великие князья были недовольны влиянием «темных сил» — Г.Е. Распутина, Александры Федоровны, а также Б.В. Штюрмера, А.Д. Протопопова как ставленников Г.Е. Распутина.

Думская оппозиция не исключала помимо законных парламентских методов борьбы, закулисную борьбу и давление на правительство и царя любыми доступными методами. Найдя подходы к великим князьям, некоторые деятели кадетской партии попытались сыграть на чувстве самосохранения аристократов, а также на их личной неприязни к императорской чете. Гласное использование великих князей в политической борьбе для Прогрессивного блока было невозможным не только по идеологическим причинам, но и потому что великие князья не пошли бы на открытое соглашение с ним. Однако в ситуации, когда кризис стал угрожать самой системе монархии, наиболее либеральные из великих князей солидаризировались с думскими оппозиционерами в своих требованиях необходимости реформ.

В связи с этим привлекает внимание личность великого князя Николая Михайловича, для которого, с одной стороны, характерна связь с Думой и с другой — либеральные взгляды и несдержанность в политических и персональных оценках. Он единственный из великих князей бывал на заседаниях Государственной думы, среди его корреспондентов были В.В. Шульгин, Н.Н. Львов, В.М. Пуришкевич. Несомненно, великий князь Николай Михайлович испытывал влияние и со стороны думских оппозиционеров, его первоноябрьская встреча с императором и письмо совпали с выступлением в Думе 1 ноября лидера партии кадетов П.Н. Милюкова о предательской роли Александры Федоровны. Можно говорить о скоординированности их действий.

С другой стороны, великий князь испытывал влияние со стороны вдовствующей императрицы Марии Федоровны, которая неприязненно относилась к супруге Николая II и желала устранить распутинское влияние на царя путем отстранения от решения политических вопро-

сов Александры Федоровны. Именно от нее из Киева великий князь приехал в Ставку к императору 1 ноября.

Великий князь Николай Михайлович был первым из великих князей, кто отважился на разговор с императором об ограничении влияния императрицы. 1 ноября 1916 г. он встречался с Николаем II, имел с ним длительный разговор о политическом положении и об отстранении от дел Г.Е. Распутина и императрицы Александры Федоровны, кроме того великий князь передал императору письмо схожего содержания.¹

После того как стало ясно, что первоноябрьский «штурм» власти не привел к достижению целей, которые ставили перед собой и думские лидеры, и Николай Михайлович, у заинтересованных лиц появились мысли о необходимости продолжения «штурма». Для этой цели использовались все, кто либо направлялся на личную встречу с императором, либо имел возможность написать ему письмо и оказать на него какое-либо влияние. 3 ноября В.М. Пуришкевич, 4 ноября начальник Главного артиллерийского управления А.А. Маниковский, 6 ноября протопресвитер русской армии отец Георгий Шавельский, 7—8 ноября великий князь Николай Николаевич, 9 ноября глава Красного Креста России П.М. Кауфман, 12 ноября министр просвещения граф П.Н. Игнатьев — все они беседовали с императором о внутреннем положении.

После своего возвращения из Ставки в Петроград великий князь Николай Михайлович стремился быть в курсе политических перипетий и влиять на ход событий. Ему удалось достать стенограмму запрещенной к печати цензурой первоноябрьской речи П.Н. Милюкова, а 4 ноября 1916 г. он встречался с А.В. Кривошеиным, одним из возможных кандидатов на пост председателя Совета министров в случае отставки Б.В. Штюрмера.

Не только кандидаты в премьеры считали великого князя заметной фигурой в политической борьбе тех недель. 5 ноября 1916 г. с ним встречались члены Государственной думы и Прогрессивного блока В.В. Шульгин и Н.Н. Львов, которым великий князь рассказал о своей беседе 1 ноября с императором и зачитал им письмо к нему.

Сразу после возвращения В.М. Пуришкевича из Ставки в Петроград великий князь Николай Михайлович пригласил его к себе. Во время визита великий князь также рассказал ему о первоноябрьской встрече с императором. У монархиста В.М. Пуришкевича критика вмешательства Александры Федоровны и Г.Е. Распутина в политическую жизнь страны вызвала полное сочувствие. Возможно, эта встреча стала от-

¹ См. подробнее: *Петрова Е.Е., Битюков К.О.* Великокняжеская оппозиция в России 1915—1917 гг. СПб., 2009. С. 91—96.

правной точкой как для антираспутинского выступления В.М. Пуришкевича в Думе 19 ноября 1916 г., так и для его участия в убийстве Г.Е. Распутина. В тот же день когда Николай Михайлович встречался с В.М. Пуришкевичем, он виделся и с другим участником будущего убийства Г.Е. Распутина князем Ф.Ф. Юсуповым.²

Хотя великий князь Николай Михайлович действовал в русле деятельности думских оппозиционеров, он выступал как самостоятельная политическая фигура, в отличие, например, от великого князя Михаила Александровича, неспособного самостоятельно генерировать политические идеи. Именно поэтому Михаила Александровича использовали для достижения своих целей товарищ министра внутренних дел князь В.М. Волконский и лидер правых кадетов В.А. Маклаков через адъютанта великого князя барона Н.А. Врангеля.

8 ноября 1916 г. состоялась «ужасающая беседа о современном внутреннем положении» барона Н.А. Врангеля с князем В.М. Волконским, в которой последний заявил, что если Б.В. Штюмер, а также А.Д. Протопопов как ставленники Распутина ввиду их непопулярности в Думе не будут удалены, то в Думе произойдет взрыв, который сделает неизбежным ее роспуск. Именно в этот день возникло мнение о том, что положение может быть спасено выступлением царской фамилии «inсoрго»,³ коллективным обращением великих князей к императору. С этой целью В.М. Волконский планировал привлечь родного брата царя Михаила Александровича, однако в результате остановились на кандидатуре великого князя Николая Михайловича, хорошо знакомого думским оппозиционерам.

Михаила Александровича решили использовать для других целей. На следующий день, 9 ноября, барон Н.А. Врангель устроил свидание великого князя с князем В.М. Волконским, который подтвердил свой вчерашний разговор. Результатом беседы явилась решимость Михаила Александровича написать письмо государю, которое взялся составлять барон Н.А. Врангель. Когда 10 ноября письмо было написано, а 11 ноября стало известно об отставке Б.В. Штюмера, состоялся телефонный разговор В.М. Волконского с лидером правых кадетов В.А. Маклаковым, при котором присутствовал Н.А. Врангель. После этого В.М. Волконский стал настаивать на смягчении в письме всех намеков об уступках большинству в Думе. Н.А. Врангель все передал великому князю, и хотя Михаил Александрович «очень желал писать государю, более решительно, называя фамилии, Н.А. Врангель его

² Юсупов Ф.Ф. Конец Распутина (Воспоминания) // Г. Распутин. М., 1997, Т. 4. С. 134.

³ Дневник Н.А. Врангеля // РГИА. Ф. 920. Оп. 1. Д. 54. Запись от 8 ноября 1916 г.

отговорил».⁴ Таким образом, письмо великого князя было инспирировано В.М. Волконским при участии думского кадета В.А. Маклакова и написано адъютантом великого князя Н.А. Врангелем. Сам великий князь не написал ни строки, являясь при этом проводником чужих идей.

Что касается воплощения в жизнь идеи выступления императорской фамилии «inсoрго», которое должен был возглавить великий князь Николай Михайлович, то уговорить великого князя взялся его брат Александр Михайлович, о чем написал ему об этом из Киева, чем вызвал негодование Николая Михайловича. 18 ноября 1916 г. Николай Михайлович писал вдовствующей императрице Марии Федоровне: «Сандро [великий князь Александр Михайлович — Е.П.] прислал мне такое нервное письмо... Брат [великий князь Александр Михайлович — Е.П.] хотел, чтобы все великие князья написали коллективное письмо на имя государя и открыли Ему глаза на опасность вмешательства в дела Его супруги и выразили чувство личной преданности семье к Нему [Николаю II — Е.П.]... Что касается до моей подписи под коллективным посланием, то ее не будет. Оно вызовет лишь недовольство — и больше ничего».⁵ Таким образом, распространение идеи коллективного обращения, зародившееся 8 ноября в Петрограде, согласно которой руководящую роль в этом должен был взять на себя Николай Михайлович, шло через Киев. Именно брат великого князя Александр Михайлович взялся убедить его возглавить данный проект. Идея к 18 ноября вернулась в Петроград, где Николай Михайлович отверг ее. Он мотивировал свой отказ тем, что, во-первых, «все коллективные послания приносят прямо противоположный результат», во-вторых, тем, что он уже выступил перед императором. Еще одним мотивом отказа могли быть личные неприязненные отношения с другими великими князьями. Идея коллективного обращения, в котором главную роль играл бы великий князь Николай Михайлович, провалилась. Идея коллективного выступления великих князей, подготовленная думскими и бюрократическими деятелями отчасти была реализована великим князем Павлом Александровичем, который 3 декабря 1916 г. встречался с императором, говорил с ним «о мрачной картине современного положения, и даже о даровании России конституции на Николин день — 6 декабря (день тезоименитства императора Николая II)», выступая по всей видимости от имени великих князей.

Что касается великого князя Николая Михайловича, то он в ноябре продолжал встречаться с разными политическими деятелями. На

⁴ Там же. Запись от 11 ноября 1916 г.

⁵ «Момент, когда нельзя допускать оплошностей». Письма великого князя Николая Михайловича вдовствующей императрице Марии Федоровне // Источник. 1998. № 4. С. 16.

этих встречах великий князь «хотел проверить себя и свое настроение по настроению других русских людей, иных взглядов и направлений, чем его собственное». ⁶ 18 ноября уже назначенный председателем Совета министров А.Ф. Трепов по собственной просьбе провел у великого князя около часа. Под воздействием встречи с А.Ф. Треповым великий князь Николай Михайлович пришел на следующий день, 19 ноября, на его выступление в Государственную думу. По странному стечению обстоятельств в тот же день на зрительских местах в Таврическом дворце оказался Ф.Ф. Юсупов. Тогда же в Думе со знаменитой антираспутинской речью выступил В.М. Пуришкевич. Николай Михайлович оказался под сильным впечатлением от этого выступления и так писал о нем: «Пуришкевич говорил с замечательным мастерством... и в заключение полностью уничтожил Григория... Как говорит пословица «доигрались». Ее имени [Александры Федоровны — Е.П.] не называлось, но ее протезе разоблачен навеки. Пуришкевич почти в самом конце, повернувшись в сторону Трепова, сказал: «Передайте Царю от себя и от всех министров, бросьтесь к Нему на колена от лица нас, от лица Матушки России и раскройте Ему глаза, обнаружьте истину — так дальше с Гришкой и с окружающей его шайкой управлять Россией невысказано». Сильно сказано, но совершенно справедливо. Шквал единодушных аплодисментов депутатов и публики подчеркнул правоту этих прекрасных заключительных слов... Во время речи Пуришкевича я плакал как ребенок, плакал от стыда». ⁷ Уже на следующий день, 20 ноября, Ф.Ф. Юсупов встретился с В.М. Пуришкевичем, на встрече была обсуждена идея убийства Г.Е. Распутина.

Сам Николай Михайлович оценивал первые двадцать дней ноября как «дни ожесточенной битвы». Сопоставляя свое первоноябрьское выступление с речью В.М. Пуришкевича, великий князь добавлял: «Я пробил брешь, и другие продолжили штурм, который завершился вчера в Думе...». ⁸ Основным итогом «ноябрьского штурма власти» стала отставка председателя Совета министров Б.В. Штюрмера. Скорее всего в принятии этого решения на императора в большей степени повлияли его родственники, первым среди которых был великий князь Николай Михайлович, чем речи думских ораторов, о которых царь всегда был невысокого мнения. Вариант решения сложных политических вопросов по-семейному частично, но удался.

⁶ *Пуришкевич В.М.* Дневник. «Как я убил Распутина». М., 1990. С. 83.

⁷ Источник. 1998. № 4. С. 17.

⁸ Grand Duc Nicolas Mikhalovitch: La fin du tsarisme. Paris, 1968. P. 131.

С.В. ХОЛЯЕВ

Планы лидеров либеральной оппозиции накануне февраля 1917 года

У современного читателя, слабо разбирающегося в хитросплетениях политической обстановки начала 1917 г., может сложиться ложное впечатление о необыкновенной прозорливости думских оппозиционеров и дипломатов союзных государств, все время говоривших о приближающейся революции и, напротив, о косности и слепоте российских властителей, не реагирующих на эти предупреждения. Так, на встрече лорда А. Мильнера, приехавшего в Петроград на межсоюзническую конференцию, с известным либералом П.Б. Струве и председателями Земского и Городского союзов кн. Г.Е. Львовым и М.В. Челноковым немало говорилось о надвигающейся революции. Струве передал лорду меморандум, в котором указывалось, что конфликт короны с народом «поставит Россию перед лицом всеобщей революции», а лидеры союзов и вовсе называли конкретные сроки ее начала — три недели.¹ Лорд Мильнер тоже немало говорил о революционной угрозе. Он утверждал, что его миссия в Петрограде заключалась в установлении единения общества с властью в целях предотвращения революции в России.² И уж вовсе пророком в глазах потомков предстает председатель Государственной думы М.В. Родзянко в ходе знаменитой аудиенции с Николаем II 10 февраля.³

В самом деле, если сопоставить время данных деклараций с тремя неделями получится период, вошедший в российскую историю как «Февраль 1917 года». В действительности это была относительная случайность. Относительная потому, что хотя февральского развития событий либеральные оппозиционеры совсем не желали, неумностью антиправительственной деятельности они Февраль «приближали, как могли». Но не об этой революции они предупреждали императора.

На стыке январско-февральских дней 1917 года главной темой разговоров в околополитической среде был возможный роспуск Государственной думы. «Меморандум» Струве предупреждал Мильнера о планах «темных сил» распустить Думу и не назначать новых выборов.⁴

¹ *Гайда Ф.А.* Либеральная оппозиция на путях к власти (1914-весна 1917 г). М., 2003. С. 261.

² *Алексеева И.В.* Агония сердечного согласия: Царизм, буржуазия и их союзники по Антанте. 1914—1917. Л., 1990. С. 243.

³ *Херш Э.* Николай II. Ростов-на-Дону, 1998. С. 254.

⁴ *Гайда Ф.А.* Указ. соч. С. 261.

Последний диалог Николая II с Родзянко достаточно подробно передан А.И. Спиридовичем. «Государь принял председателя Государственной думы и заслушал его доклад... Когда Родзянко закончил, Николай II заметил, что не согласен с мнением, высказанным в докладе, и предупредил, что если Государственная дума позволит себе что-нибудь резкое, она будет распущена. Родзянко ответил, что это его последний доклад, и предупредил, что *после роспуска Думы* (курсив наш — С.Х.) начнется настоящая революция».⁵

При таком понимании беседы двух руководителей государства пророк из Родзянко сразу куда-то исчезает, и тот предстает в такой ситуации не в притягательном образе обидчивого подчиненного, вступившего в пререкания с недовольным им начальником. А о революции все они говорили лишь потому, что подразумевали под этим роспуск Думы и, как ответ на него, те последующие меры, которые сами и готовили. Нетрудно быть пророком, если те, кто предупреждают об определенной опасности, сами же и предпринимают меры к ее осуществлению.

Тем не менее в ситуации казавшегося тогда абсолютно неизбежным роспуска Думы влияние Родзянко как председателя Думы имело важное значение. Он был единственным депутатом, вхожим в самые высокие сферы. В те дни он провел большую работу для того, чтобы Дума все же не была распущена. Кроме аудиенции с императором, где Михаил Владимирович был не на высоте положения и как руководитель гонимого органа не сумел отстоять его прав в беседе с высшим начальником. Зато у него состоялось несколько встреч с другими членами династии, находившимися в Петрограде. Эти беседы предшествовали встрече с царем и, возможно, вследствие их, несмотря на дерзкое поведение Родзянко, Дума все же не была распущена.⁶

Неконструктивизм Родзянко в те критические дни поразителен. Председатель Думы в специальной записке царю признает, что российская армия вовсе не разбита и «снабжена предметами вооружения более чем когда бы то ни было раньше». Вместе с тем председатель Думы оценивает положение России как не только катастрофическое, но одновременно и трагическое. «Со всех концов России приходят вести одна другой безотраднее, одна другой горше...». В чем же заключался трагизм положения России? В том, что «позади армии, в тылу, идет такой развал, который грозит сделать бесцельными все жертвы». А отчего в тылу идет такой развал, разве не оттого, что информацию о происходящем в стране контролирует не российская власть, направляю-

⁵ Спиридович А.И. Великая война и Февральская революция: Воспоминания. Мн., 2004. С. 483.

⁶ Там же. С. 479.

щая основные усилия для организации победы над внешним врагом, а российская оппозиция, находящаяся в одних рядах с ним, Родзянко.⁷

К Родзянко нужно предъявить претензии в плане лучшего понимания того, что говорил ему собеседник. Николай II, даже в раздраженном состоянии, был очень вежливым собеседником, старавшимся доходчиво объяснить партнеру по диалогу план своих грядущих действий. Он дал ясно понять Родзянко, что после войны сделает «все необходимое», чтобы перестроить самодержавный строй и изменить образ правления.⁸ Впечатления, вынесенные Родзянко из этой встречи, переданы в письме его жены, которая писала сразу после аудиенции своей сестре. По ее словам, от данной встречи у мужа сложилось мнение, что «никакие слова, ни убеждения не могут больше действовать, они все слишком уверены, что сила за ними и надо всю страну сжать в кулак».⁹ В этих словах не видно миролюбия, из них логически вытекает важнейший вывод: оппозиция хотела углублять противостояние с властью. Компромиссы, если они еще были возможны, могли исходить только от власти.

Оппозиция готовилась к решительной схватке. И на этом этапе кризиса М.В. Родзянко сыграл особую роль. Хотя известный эмигрантский исследователь В.С. Кобылин характеризовал Родзянко как «самого глупого из всех участников заговора»,¹⁰ именно он соединил разнородные дворянские потоки в один общий. Действия М.В. Родзянко на тот момент были очень важны.¹¹ Он занимался вовлечением в конфликт всего дворянского сословия в целом.

М.В. Родзянко вступил в контакт с руководством самой мощной общественной организации — Постоянным советом объединенного дворянства. Это были связи не отдельных лиц, а руководителей двух хорошо известных всей России организаций. В начале января, когда остро встал вопрос о вероятности роспуска Думы, Родзянко пригласил из Москвы в Петроград для встречи председателя Совета объединенного дворянства А.Д. Самарина, его заместителей А.Б. Куракина и В.И. Карпова, а также Московского и Петроградского губернских предводителей дворянства П.А. Базилевского и С.М. Сомова. На встрече с уполномоченными представителями дворянского сословия Родзянко

⁷ Семенова Е.Г. Партии российской революционной демократии в годы Первой мировой войны. М., 1998. С. 103.

⁸ Там же. С. 254.

⁹ Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914—1917). Л., 1967. С. 298.

¹⁰ Кобылин В.С. Император Николай II и заговор генералов. М., 2008. С. 294.

¹¹ Семенова Е.Г. Указ. соч. С. 107.

предупредил их о возможном роспуске Думы, заявив, что думское дело в этом случае должен продолжить Совет объединенного дворянства. Итогом состоявшегося обсуждения сложившейся ситуации стало общее решение участников встречи, что при роспуске Думы дворяне согласны встать во главе оппозиционного движения.¹²

Родзянко так вспоминал о своих действиях: «... я вызвал из Москвы Самарина, избранного председателем Совета объединенного дворянства... тогда упорно ходили слухи, что я буду арестован и выслан из Петрограда. Мне это подтвердил и один из членов правительства. Я счел нужным осведомить об этом тех из своих единомышленников, которые могли взять на себя в мое отсутствие борьбу за интересы и достоинство России и... защитить народное представительство от незаслуженных оскорблений». «Представители дворянства... признали, что необходимо создать такое ядро людей независимых, которое, в случае разгона Думы, должно стать на страже интересов и достоинства России. Они признали, что дворянство обязано в случае роспуска Думы встать во главе движения во благо России и борьбы с ее предателями».¹³

Родзянко считал, что объединенное дворянство является «единственной общественной организацией, обладающей моральным авторитетом и сравнительной свободой действий» и способно продолжить дело борьбы с властью, начатое Думой.¹⁴ Анализируя действия и мысли Родзянко, возникает недоумение: если это не заговор, то, что? Ведь в случае роспуска Думы предполагались не словесные протесты, а действия, неизбежно влекущие за собой беспорядки.

Но что делать дальше либеральным оппозиционерам было непонятно. Все, чего можно было добиться в борьбе с властью, используя в качестве арсенала борьбы слова, фактически было уже достигнуто. Лидер Прогрессивного блока П.Н. Милюков в речи, посвященной внутреннему положению России, пытался создать благоприятные впечатления о той ситуации, в какой оказалась Государственная дума в первые дни 1917 г. Сначала лидер кадетов говорил о союзниках и о союзе с ними либералов. «Мы приближаемся к моменту, когда потребуются величайшее патриотическое усилие... Нам видно теперь — уже близка и цена этого последнего усилия».¹⁵

И правда, цена этого последнего усилия была непомерно велика! Теперь самое время сказать о трагедии политика Милюкова. То, что готовился сделать в начальные месяцы 1917 г. Милюков, будет иметь

¹² Бибин М.А. Дворянство накануне падения царизма в России. Саранск, 2000. С. 232—233.

¹³ Цит. по: Бибин М.А. Указ. соч. С. 233, 234.

¹⁴ Там же.

¹⁵ ГА РФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 2214. ЛЛ. 1—2.

самые трагические последствия и для России (прямая угроза ее национальному суверенитету), и лично для него. Ведь Милюков не банальный либерал-западник, безропотно следующий в фарватере западной политики и послушно внимающий всему, исходящему от Запада. Милюков — особый тип политика, ярый империалист и искренний патриот. Потом, после Февраля, он будет яростно сражаться с нынешними своими западными партнерами. Но это будет уже потом, когда Россия станет обессиленной, полностью зависящей от Запада и, значит, глядя красиво, борьба эта будет бессмысленной, обреченной на поражение. А сейчас, перед Февралем, еще совсем не поздно: Россия пока остается самостоятельной страной, и эту огромную ее силу срубает именно сейчас, в последние предфевральские дни, ни кто иной, как он — российский империалист Милюков. Вместо того чтобы вместе с правительством бороться за укрепление российского могущества, он вступает в конфликт с правительством и называет союзниками тех, кто хочет ослабления гордой северной страны, подчинения ее иностранному диктату. Еще не поздно изменить решение, но Милюков свой выбор уже сделал — вместе с посланниками Великобритании и Франции он ведет борьбу с российским правительством. Правила поведения диктует логика борьбы. Он еще верит в союзников!

«Перелом великой войны несет с собою и для нас желанный просвет. И мы можем гордиться тем, что донесли до этого перелома и наши стремления к торжеству свободы и права и наши национальные задачи... Теперь и то, и другое сформулировано открыто как общепризнанная союзниками цель войны...».¹⁶

А что же правительство? Разве не оно само виновно в своей участи? Разве это не оно игнорирует всяческие запросы общества? Если оно не намерено вести диалог, общество должно само взять в руки управление страной. Будет сложно, но ведь союзники, наши друзья, и помогут нам. «Чем отвечает наше правительство на требования всей нации посторониться и дать ей дорогу? Тут мы подходим к другой новой черте (не новой, конечно...), но во всей своей наготе обрисовавшейся лишь после 16 декабря после последнего дня нашей сессии... Страна объединилась... для последнего усилия в великой борьбе, а правительство вернулось... чего мы не видели со времени 17 октября 1905 г. к борьбе со всей страной... борьба не равна... Кто будет, в самом деле, на той дороге с правительством?».¹⁷

Милюков стремился, по крайней мере, публично, быть оптимистом. Он уверял коллег в Думе, что их поддерживает вся страна, а противодействуют им лишь отдельные единицы. Иного выбора, кроме

¹⁶ ГА РФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 2214. Л. 2.

¹⁷ Там же. Л. 4.

как разрыва с ними, не существует, но надо оставаться в рамках парламентских средств борьбы — других рычагов у Думы нет. «Мы разорвали с ними и ведем борьбу всеми законными средствами (не земства, не города, даже не дворянство...) они, по-видимому, наши... и поддерживают нас». «Самое главное... Государственная дума теперь уже не одна. Она окружена дружественными ей силами, страна слышит ее слова».¹⁸

Центральная группа кадетов, возглавляемая Милюковым, в реальности впала в глубокий кризис. Милюков начинал подвергаться ожесточенной критике внутри собственной партии, его беспощадно критиковала ее левое крыло. Один из левых кадетов, М.Л. Мандельштам, заявлял: «Тактика правого крыла кадетской партии, руководимого Милюковым (в реальности Милюков лидер центристов, правые кадеты возглавлялись В.А. Маклаковым — С.Х.), грозит бесповоротно скомпрометировать партию в глазах широких демократических кругов населения и либеральной интеллигенции... Страшная ошибка Милюкова заключается в непонимании бесплодности этой игры, в попытке укрепить бюрократию за счет авторитета кадетов... На самом деле он теряет престиж и доверие у широких демократических кругов... В ближайшем будущем события изменятся так быстро, что все требования «прогрессивного блока» покажутся детским лепетом... Каждый, кто видит, как все выше поднимается волна народного гнева, ясно понимает, что кадетская партия должна вступить в блок не с правыми, а с левыми, должна идти рука об руку с демократическими партиями. Если мы этого не сделаем, то окажемся в хвосте событий и потеряем свою лидирующую роль... Если мы не хотим, чтобы стремление народа наказать преступное правительство превратилось в беспорядки, хаос, бессмысленное разрушение, то не имеем права игнорировать народное движение... Это было бы несчастьем, как для нашей партии — партии российской интеллигенции, — так и для народа».¹⁹

Милюкову пришлось вступить в полемику с партийными радикалами. И ответ его был не менее эмоциональным. «Люди, которые выдвигают такие лозунги, играют с огнем. Они не способны понять страшное напряжение, в котором живет сегодняшняя Россия, и последствия этого напряжения... Мы, умные и чуткие наблюдатели, ясно видим, что ходим по вулкану... достаточно малейшего толчка, чтобы все пришло в движение и полилась лава... Напряжение достигло предела; достаточно чиркнуть спичкой, чтобы произошел страшный взрыв. Боже нас сохрани стать свидетелями этого взрыва». И продолжал. «Ради

¹⁸ Там же. ЛЛ. 8, 21.

¹⁹ Цит. по: *Чернов В.М.* Великая русская революция. Воспоминания председателя Учредительного собрания. 1905—1920. М., 2007. С. 61.

бога, не поддавайтесь на провокацию правительства. Оно... пытается спровоцировать сложности внутри страны... Оно возложит ответственность за неудачу на революционные и оппозиционные круги... От нас требуется терпеливо ждать... не увеличивать, а уменьшать народное возбуждение: рано или поздно положение правительства станет безнадежным, после чего наступит полный и абсолютный триумф российского либерализма».²⁰

Давний соперник Милюкова, а в начальный период революции 1917 г. верный сторонник, лидер партии октябристов А.И. Гучков оценивал политику вождя думской оппозиции как компромиссную по сравнению с другими деятелями оппозиции. Милюков, писал он, хотел потрясти основы, «но не думал свалить их, думал повлиять. Он думал, что это, прежде всего, потрясет мораль там, наверху, и там осознают, что необходима смена людей. Борьба шла не за режим, а за исполнительную власть. Я убежден, что какая-нибудь комбинация с Кривошеиным, Игнатьевым, Сазоновым (то есть теми людьми, которые уже были министрами — С.Х.) вполне удовлетворила бы».²¹

А.В. Кривошеин, в прошлом соратник П.А. Столыпина, стремясь консолидировать Государственную думу и правительство, добивался в ходе войны у Николая II права сформировать правительство с участием думских деятелей. При стремлении к созданию нового правительства он ориентировался на Милюкова и полагал, что правительство с ним останется лояльным к монарху.²²

Милюков критически относился к идее каких-либо решительных действий против власти, но тесно связанный с ним кн. Г.Е. Львов был настроен гораздо радикальнее. Еще 7 января 1917 года, находясь на квартире у М.В. Челнокова, он утверждал, что в ближайшем будущем можно ожидать дворцового переворота.²³ Идея замены Николая II другим монархом появилась в 1915 г., в самом начале конфликта Думы с правительством. Князь Львов одобрял ее.²⁴

В вышедшем за границу после его смерти панегирическом сборнике, восхваляющем деятельность князя как первого министра-председателя Временного правительства, он характеризовался «неприми-

²⁰ Цит. по: Там же. С. 61—62.

²¹ Александр Иванович Гучков рассказывает... Воспоминания Председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства. М., 1993. С. 16.

²² Гайда Ф. «Начинается расплата», или «Священное единение» на русский лад // Родина. 2010. № 10. С. 90, 93.

²³ Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны. С. 290.

²⁴ Там же. С. 298.

римым противником Царского Села и вождем земской оппозиции». В данном сборнике упоминалась также и якобы организованная кн. Львовым попытка ареста осенью 1916 г. императрицы Александры Федоровны, сорванная лишь из-за того, что предполагавшийся исполнитель ареста, начштаба генерал М.В. Алексеев, не осуществил задуманный оппозиционерами план в связи с внезапной болезнью, потребовавшей срочного отъезда на юг, в Крым — Алексеев вернулся в Ставку лишь перед самым Февралем.²⁵

Однако организатором основной попытки государственного переворота с отстранением от власти Николая II являлся А.И. Гучков. Группа, связанная с Гучковым, в отличие от депутатской группировки, действовала законспирировано и представляла определенную альтернативу думским деятелям. По их мнению, депутатская «фронта» имела немного шансов на воплощение своих замыслов. Единственным законным наследником власти группа, поддерживавшая Гучкова, считала себя, поскольку за ней стоял «могущественный класс промышленников» и симпатии большей части офицерско-генеральского корпуса.²⁶

При этом критицизм Гучкова преимущественно распространялся не на радикальную часть Думы, а на правый фланг будущего Прогрессивного блока, то есть на прежних соратников по Союзу 17 октября во главе с председателем Думы Родзянко. Еще перед войной, в январе 1914 года, Александр Иванович ориентировал однопартийцев на выборах в V Государственную думу придерживаться союза с кадетами и прогрессистами. «Необходимо всем передовым элементам России вступить на путь согласованного легального протеста против действий... правительства...».²⁷ Он призывал оппозиционеров в момент возможного падения Николая II не выпускать из рук контроль за формированием новой власти. Летний кризис 1915 г. вновь вывел Гучкова на авансцену политической борьбы. Вопреки давлению царской семьи, он стал членом Государственного совета. Как сенатор входил в Особое совещание по обороне и, наконец, в июле 1915 года возглавил Центральный военно-промышленный комитет.²⁸

Личная обида заставляла А.И. Гучкова сосредотачиваться не на свержении правительства, как это делали думские оппозиционеры, а вести персональную борьбу лично с императором. Он имел основания обижаться на императора, так как в 1905—1907 гг. яростно боролся за сохранение монархии, был всецело предан императору, но в дальней-

²⁵ Львов Г.Е. Воспоминания М., 1998. С. 297, 298.

²⁶ ГА РФ. Ф. 111. Оп. 5. Д. 669. ЛЛ. 115 об.—116.

²⁷ Там же. Ф. 102. Оп. 244. Д. 147. Л. 4.

²⁸ Александр Иванович Гучков рассказывает... С. 5.

шем между ними начались разногласия, и под их влиянием Гучков постепенно начал переходить в оппозиционное движение, сближаясь с Милюковым, который всегда оставался категорическим противником самодержавной формы власти. И в той сложной ситуации, в какой оказалась оппозиция накануне революции, роль Гучкова была для нее особенно важна, поскольку он являлся одним из немногих лиц, способным на решительные действия.

Так оценивала Гучкова и противоположная сторона. Защитники власти в лице различных охранительных структур признавали, что благодаря Гучкову, оппозиция готова вступить на путь реальной борьбы, не только на словах, но и на деле. «Во всяком случае, независимо от того, насколько подобного рода затея может удалиться — самый факт попыток и замыслов... определенно свидетельствует о неуклонно назревшем решении оппозиции поставить точки над «i» и выступить на путь открытой борьбы с ныне существующим правительством и установленным законами образом правления».²⁹

Положение самой легализованной части оппозиции, имеющей официальный статус — депутатов Государственной думы — было непростым: и справа, и слева к ним имелись большие претензии. Силы, находившиеся левее и правее П.Н. Милюкова, были готовы к решительным действиям. Лидер праволиберальной группировки Гучков в подготовке дворцового переворота планировал задействовать левый фланг либерального вектора, прогрессистов и левых кадетов. Стремился он в борьбе с правительством использовать и структуры, относившиеся к социалистическому лагерю — рабочую группу ЦВПК во главе с К.А. Гвоздевым. Причем, на правом фланге либерального лагеря, помимо Гучкова, не менее жестко против императора были настроены и другие лица, в частности, правый кадет В.А. Маклаков. А леволиберальная общественность проявляла сверхмаксимальную активность: прогрессисты и левые кадеты полагали возможным образование в Москве собственного правительства, в которое не должен был войти ни один из наиболее видных деятелей Государственной думы. Во главе данного правительства прогрессисты и левые кадеты видели председателя Земгора кн. Г.Е. Львова.³⁰ Однако все эти планы так и не были реализованы, поскольку 23 февраля 1917 года неожиданно для либералов начались народные волнения. Разворачивалась не элитная, а массовая революция народных низов.

²⁹ ГА РФ. Ф. 111. Оп. 5. Д. 669. Л. 115 об.

³⁰ Там же. Д. 664. ЛЛ. 91—91 об.

П.Н. ГОРДЕЕВ

Императорские театры и Государственная дума в дни Февральской революции

Ход Февральской революции в петроградских императорских театрах до сих пор еще не становился предметом специального исследования. А жаль. Изучение этого процесса могло бы пролить свет как на некоторые общие вопросы истории Февраля (ситуация в городе в революционные дни и др.), так и на весьма еще малоисследованную проблему реакции учреждений и служащих придворного ведомства на падение монархии в России. Кроме того, подобная работа могла бы добавить новые подробности и к истории Государственной думы в революционное время, так как именно к ней после крушения старого порядка обратились взоры артистов и служащих императорских театров; русский парламент, в свою очередь, не оставил казенную сцену своим вниманием. Заполнение указанных пробелов в историографии и явилось целью написания данной статьи, хронологическими рамками которой выбран трехдневный период с 27 февраля по 1 марта включительно: от закрытия императорских театров и до назначения в них (2 марта) комиссара ВКГД.

27 февраля выдалось тревожным днем для директора императорских театров В.А. Теляковского. Утром к нему явился представитель певицы Н.Н. Собиновой-Вириазовой А.В. Таскин и попросил отложить намеченный на этот день ее концерт в Михайловском театре в пользу Георгиевского комитета вследствие отказа Преображенского полка предоставить свой оркестр (ранее Таскин побывал в полку и убедился, что «там царит полная растерянность среди офицеров и, конечно, не до благотворительных спектаклей»). Директор театров дал разрешение на отмену спектакля.¹

Позднее состоялся телефонный разговор между В.А. Теляковским и помощником министра двора графом М.Е. Ниродом, которому Теляковский посоветовал «переговорить с премьер-министром кн. Голицыным по поводу закрытия Императорских театров». Нирод (вероятно, после разговора с Н.Д. Голицыным) сообщил, что «кн. Голицын находит весьма желательным театры временно закрыть». Заручившись согласием главы правительства, Теляковский немедленно отправил распоряжение о временном закрытии в Петроградскую контору императорских театров и в сами театры.² Исполнителю главной роли в знаменитом «Маскараде» актеру Ю.М. Юрьеву Теляковс-

¹ АРО ГЦТМБ. Ф. 280. № 1325. Л. 43; РГИА. Ф. 497. Оп. 18. Д. 1094. Л. 1.

² АРО ГЦТМБ. Ф. 280. № 1325. ЛЛ. 43—43 об.

кий позвонил лично и сообщил: «Спектакль отменяется... По Литейной к Таврическому дворцу движутся толпы рабочих... Сводки Департамента полиции неблагоприятны... Неминуемо кровавое столкновение... Не выходите из дому!...» Артист послушался совета своего начальника и в течение следующих 2—3 дней не покидал своей квартиры.³ Компанию ему составили М.Ф. Кшесинская с сыном Владимиром, его воспитателем Г.Ф. Пфлюгером и артистами балета Мариинского театра П.Н. Владимировым и П.И. Гончаровым, бежавшими 27 февраля из особняка Кшесинской и нашедшими приют в квартире Юрьева (вплоть до 1 марта, когда Кшесинская перебралась на квартиру брата И.Ф. Кшесинского).⁴ Исчезновение знаменитой балерины породило различные толки в городе; так, А.Н. Бенуа в своем дневнике в записи от 3 марта зафиксировал слух об убийстве М.Ф. Кшесинской.⁵

Актриса Александринского театра Л.Н. Шувалова звонила 27 февраля заведующему репертуаром театра Н.А. Котляревскому. В дневнике ее матери С.И. Смирновой-Сазоновой разговор с Котляревским изложен так: «Он [Котляревский] ко всему относится шутивно. Мейерхольд, говорит, думает, что все это интриги против «Маскарада». Враги хотели сорвать успех его постановки и устроили революцию».⁶

Не до шуток было В.А. Теляковскому, в записях которого за 27 февраля немалое место уделено заседаниям Государственной думы. Теляковский отметил, что «совещание в Думе, вероятно, продлится всю ночь — я звонил по телефону А.Г. Ратькову-Рожнову в 12¹/₂ час. ночи, но он еще не вернулся».⁷ Так и не дозвонившись до знакомого депутата, члена фракции Центра и Прогрессивного блока Ратькова-Рожнова,⁸ директор театров обсудил новости (в частности, слух о создании Думой временного правительства, состоявшего из «Родзянко, Милюкова, Шингарева и Керенского») с навестившими его в этот день старшим врачом Дирекции театров Л.Ф. Бруннером и зрителем зданий Петроградской конторы театров Н.Г. Менгденом.⁹

На следующий день, 28 февраля, нападению толпы подвергся Мариинский театр.¹⁰ «Сейчас телефонировал вахтер Мариинского теат-

³ Юрьев Ю.М. Записки. Л.; М., 1948. С. 560—561.

⁴ Кшесинская М.Ф. Воспоминания. М., 1992. С. 180—182.

⁵ Бенуа А.Н. Дневник 1916—1918 годов. М., 2010. С. 119.

⁶ РО ИРЛИ. Ф. 285. № 65. Л. 127.

⁷ АРО ГЦТМБ. Ф. 280. № 1325. Л. 44.

⁸ Николаев А.Б. Ратьков-Рожнов Александр Геннадиевич // Государственная дума Российской империи: 1906 — 1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 519.

⁹ АРО ГЦТМБ. Ф. 280. № 1325. Л. 44.

¹⁰ См. подробнее: Гордеев П.Н. Воровство и хулиганство в петроградских государственных театрах в феврале — октябре 1917 года // Новое литературное обозрение. 2013. № 123. С. 132—133.

ра», записал в этот день В.А. Теляковский, «что толпа требовала открыть театр, чтобы его обыскать, ибо ходили слухи, что в театре спрятаны пулеметы. Я, конечно, приказал допустить до осмотра, ибо все равно сопротивление толпе будет бесполезно». ¹¹ 18 марта 1917 года исполняющий обязанности гардеробмейстера Мариинского театра (и по совместительству артист балета ¹²) Н.А. Печатников доносил управляющему Петроградской Конторой государственных театров барону В.А. Кусову: «В первые дни революции, когда горел Литовский замок, по народу и солдатам, толпившимся у замка, была произведена стрельба из пулемета, кто стрелял и откуда не выяснено, но почему-то показалось, что стреляют из Мариинского театра, тогда рабочие и солдаты проникли в театр со стороны Офицерской ул. и, поднявшись по парадной лестнице, выломали дверь в хоровые уборные, где были приготовлены костюмы оперы «Майская ночь», и из всех шкафов повыкидали [так в тексте — П.Г.] находящиеся как на руках артистов хора, так и в разборной вещи, сапоги, трико, перчатки и пр. При всем этом находился вахтер, по словам которого, о случившемся было им своевременно сообщено полицмейстеру театра.

Выломанная дверь в продолжении нескольких дней не заделывалась и только когда собрались служащие гардероба, ее наскоро заколотили своими средствами; что же касается вещей, пропавших за это время, то установить это теперь нет никакой возможности, но все же чувствуется большой недостаток обуви, белья и трико». ¹³ Отметим, что эти события привели к тому, что 1 марта 1917 г. артистом оперной труппы Мариинского театра В.Ф. Безпаловым были организованы воинские караулы (всего было задействовано 40 солдат) для охраны Мариинского, Александринского и Михайловского театров, а сам В.Ф. Безпалов вскоре был назначен комендантом петроградских государственных театров. ¹⁴

¹¹ АРО ГЦТМБ. Ф. 280. № 1325. ЛЛ. 45—45 об.

¹² РГИА. Ф. 497. Оп. 13. Д. 818. ЛЛ. 40, 104.

¹³ Там же. Оп. 8. Д. 375. ЛЛ. 133—133 об. Согласно находящемуся в том же деле рапорту заведующего зданием Мариинского театра Н.Г. Менгдена в Петроградскую контору театров от 18 марта, эти события произошли 28 февраля (Там же. Л. 134). См. также о проникновении толпы 28 февраля 1917 г. в здание Мариинского театра: *Безпалов В.Ф.* Театры в дни революции 1917. Л., 1927. С. 23. Мемуарист, лично при этом событии не присутствовавший, датирует его 27 февраля, но, думается, предпочтение в этом случае следует отдать дате, указанной в написанном «по свежим следам» рапорте Н.Г. Менгдена.

¹⁴ *Безпалов В.Ф.* Театры в дни революции 1917. С. 25—27. По распоряжению комиссара ВКГД над Дирекцией театров Н.Н. Львова, солдатам-караульным выплачивалось по 2 руб. в сутки (Воинский караул в театрах // Петроградская газета. 1917. 9 марта). Кроме солдат дежурства в Мариинском театре поначалу несли (добровольно) и сами артисты (Дежурство артистов в Мариинском театре // Там же. 5 марта).

По мере развития революции все шире и глубже разворачивалась и стихия насилия, не прошедшая мимо артистов и служащих императорских театров. В театральном мире самым громким эпизодом революционного насилия, несомненно, стал арест директора театров В.А. Теляковского, осуществленный 1 марта актером Б.Н. Вишневецким по собственной инициативе (впрочем, в некоторых источниках указывалось, что Вишневецкий, служивший на тот момент унтер-офицером в Волынском полку, арестовал Теляковского «по поручению группы лиц»¹⁵). Директор театров был доставлен в Таврический дворец и через несколько часов выпущен.¹⁶ В.А. Теляковский в своем дневнике (запись от 1 марта) оставил весьма колоритное описание обстоятельств ареста; позволим себе здесь его процитировать с некоторыми сокращениями: «Сегодня утром, едва я кончил пить кофе, как к подъезду моему подъехал автомобиль, в котором было несколько человек вооруженных и потребовали меня вниз. — Я просил их прийти в переднюю и вышел к ним. Вольноопределяющийся Волынского полка Вышневецкий, драматический артист, — мне заявил, что меня требуют в Думу; при этом он обратился к своим коллегам и сказал: «вот в каких царских хоромах живут сановники, в то время как народ голодает»; увидя Всеволода, он спросил кто это — я сказал, что мой сын — «ну и его мы арестуем» «хорошо вот жить рядовому под крылышком отца — вот я семейный человек, меня забрали — а сын директора у него живет». Я на это ему заметил, что сына моего забрали несмотря на то, что он белобилетник — так что я тут разницы не вижу. Мне не хотели даже позволить проститься с женой, и едва я уговорил их подождать минуту. Когда я вышел на подъезд — стояла толпа народу, которой Вышневецкий объяснил, что арестовал директора театров, который жил в богатой квартире — раздались насмешки и возгласы — особенно женщины. Едва мы отъехали от подъезда, как Вышневецкий стал меня спрашивать, помню ли я его, когда он приходил меня просить взять его в труппу Александринского театра и я ему отказал. При этом он рассказывал, какой он выдающийся артист. Когда меня довели с Всеволодом до Государственной думы, то Вышневецкий объявлял толпе, что везет директора Императорских театров. В Думе спросили его, зачем он меня арестовал и, когда Вышневецкий сказал, что я живу в царственных покоях — полковник кн. Туманов и некоторые члены Думы сказали, что это не причина; в это же время проходил Родзянко, председатель Госуд. думы и, увидев меня, сказал, что это недоразумение и

¹⁵ Реквизиция Теляковского // Петроградский листок. 1917. 7 марта.

¹⁶ *Гордеев П.Н.* Февральская революция и Министерство двора // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. научн. ст. СПб., 2011. С. 27.

меня скоро отпустят, выдав вид на жительство — обещали также выпустить Всеволода — а пока мне предложили посидеть в одной из комнат канцелярии <...> В Думе уже действуют некоторые наши артисты и между прочим тенор Андреев, который позаботился, чтобы отпустили Всеволода и меня. Я вышел из Думы с Терещенко, который там работает, и около 4-х час. дня пришел домой пешком». ¹⁷

Б.Н. Вишневецкий в интервью «Петроградской газете», опубликованном несколько дней спустя, заявил, что он действовал «вполне сознательно», так как «всегда возмущался режимом г. Теляковского <...> В то время, как некоторые артисты получали у него 100-тысячные оклады, другие — буквально голодали». Поэтому Вишневецкий и решил, что «необходимо арестовать Теляковского хоть на два часа, чтобы артисты, почувствовав свободу, могли заговорить о своих нуждах» и, по его мнению, «был прав, потому что сейчас же после ареста г. Теляковского был назначен правительственный комиссар». ¹⁸

Помимо директора театров, целый ряд артистов и служащих казенной сцены во время Февральской революции столкнулись с теми или иными проявлениями насилия со стороны толпы. В один из революционных дней на квартиру помощника управляющего Петроградской конторой императорских театров Л.Д. Мещнера явились 14 человек (двое из них были нетрезвы) и «под дулом револьвера» объявили хозяину, что они пришли делать у него обыск. Во время «поисков оружия» самозваными блюстителями порядка «были похищены портмоне, два бинокля, каракулевая шапка, несколько ложек и других серебряных вещей и взяты несколько бутылок вина». После этого Мещнера объявили арестованным и под конвоем, состоявшим из двух человек (12 отправились производить «обыски» в других квартирах, видимо, войдя во вкус) повели в Государственную думу. Однако на Шпалерной улице, немного не дойдя до Таврического, конвоиры заявили театраль-

¹⁷ АРО ГЦТМБ. Ф. 280. № 1325. ЛЛ. 46—47. 5 марта директор театров занес в дневник: «Жена Горького мне телефонировала, что крайне возмущена поступком провинциального артиста Вышневецкого, который без приказа Думы меня арестовал» (Там же. Л. 51 об.).

¹⁸ Как арестовали В.А. Теляковского // Петроградская газета. 1917. 7 марта. Сам Теляковский записал в дневнике 16 марта: «Оказывается, что Вышневецкий [так в тексте — П. Г.] после моего ареста приехал в редакцию Нового Времени и вызвал к себе Михаила Суворина. Тот не вышел и послал своего брата Бориса. Когда Вышневецкий его увидел, то бросился к нему на шею и сказал: «я только что арестовал Теляковского, Директора Императорских Театров». Борис Суворин был очень удивлен и не понимал, в чем дело» (АРО ГЦТМБ. Ф. 280. № 1325. Л. 66 об.).

му чиновнику: «Ну, так и быть, пошел домой!» и скрылись в неизвестном направлении.¹⁹

Настоящее приключение пережил в февральские дни актер Александринского театра Ю.В. Корвин-Круковский, которого «на улице приняли за провокатора и в автомобиле отправили сперва в комендантское управление, а затем в Г. думу». В Таврическом дворце известного артиста узнали и отпустили домой под охраной того же солдата, который ранее арестовал и доставил его на Шпалерную. Солдат «skonфузился и рассыпался в извинениях»; Корвин-Круковский успокаивал его, говоря «что он только исполнил свой долг, так как вполне мог бы в данном случае иметь дело с настоящим провокатором». На Загородном проспекте актер и его конвоир, по их словам, подверглись обстрелу со стороны городских, спрятавшихся в одном из домов («Был момент <...> когда я думал, что смерти не миновать и только каким-то чудом ее избежал» — признавался Корвин-Круковский сотруднику «Петроградского листка»)²⁰. Под перекрестный обстрел «пулеметов, на которые отвечали воинские патрули» в февральские дни попали и первые танцовщицы балетной труппы Мариинского театра Е.И. Вилье и Е.М. Люком.²¹

Аресты артистов и чиновников, а в особенности директора театров, оказали деморализующее влияние на служащих театрального ведомства. С.И. Смирнова-Сазонова описала свой разговор, состоявшийся 1 марта, с кассиршей государственных театров Е.А. Солини, квартиранткой в принадлежащем Смирновой-Сазоновой доме на Лиговской, 13,²² зашедшей в гости к ее дочери, актрисе Л.Н. Шуваловой: «У Любы застала Солини. Она гов[орила], что Теляковский арестован, театрал[ьная] касса и Кабинет Его Величества — захвачены революционерами. «Где же мы, говорит, теперь деньги получим?» Революция-то революцией, а ведь надо жить. Сколько народу, для кот[орого] теперь сам[ый] жгучий вопрос, кто мне будет платить жалованье, когда выдадут пенсию?»²³

¹⁹ Бинобль. Обыск у Л.Д. Мещнера и его арест // Петроградская газета. 1917. 5 марта.

²⁰ Театральный курьер // Петроградский листок. 1917. 26 марта. Вероятно, этому же эпизоду посвящена заметка в «Петроградской газете», описывавшая кратковременный арест в дни Февраля «одного из старейших артистов Александринского театра», чей разговор на улице с солдатами показан одному из них «провокационным» (Арест артиста // Петроградская газета. 1917. 10 марта).

²¹ Театральный курьер // Петроградский листок. 1917. 6 марта.

²² Весь Петроград на 1917 год. Пг., 1917. Отд. III. С. 633, 648.

²³ РО ИРЛИ РАН. Ф. 285. № 65. Л. 132.

1 марта произошло еще одно событие, оказавшее определенное влияние на дальнейший ход дел в императорских театрах. Заслуженный артист Р.Б. Аполлонский на собрании артистов драмы, оперы и балета, состоявшемся 2 марта, зачитал перед коллегами заявление, в котором подробно описал свои действия в течение предшествующего дня. Рассказав о собственных эмоциональных переживаниях, вызванных революцией («В последние страшные исторические дни я, почти выросший в стенах Александринского театра, не мог обойтись без того, чтобы ежедневно не зайти сюда хотя бы побродить вокруг самого здания. Даже под выстрелами и под крики толпы тянуло взглянуть на этот театр, точно хотелось удостовериться, — на месте ли он еще, цел ли он пока, и думалась тяжелая дума о том, что, пожалуй, не скоро придется вновь войти в него для своего дела»), равно как и о посещавших его мыслях «о чисто материальном вопросе, о дальнейших средствах к жизни», Аполлонский сообщил: «Когда мне по телефону сообщили, что директор арестован, неизвестность и волнение еще усилились». В заявлении не указывалось, кто именно позвонил артисту, но из дальнейшего описания можно сделать об этом достаточно уверенное предположение.

Говоря о событиях 1 марта, артист рассказал, что он «облегченно вздохнул, когда около 3-х часов вечера (1-го марта) раздался телефон и меня пригласили поехать в Г[осударственную] думу, чтобы у самого ее председателя и [председателя] Временного комитета г. Родзянко выяснить положение дела». После второго (и столь же загадочного) телефонного звонка Аполлонский, «не считая себя вправе лично от себя ехать», переговорил с председательницей так называемого «представительного» комитета заслуженных артистов Александринского театра (членом которого состоял и сам Аполлонский) Н.С. Васильевой²⁴ и казначеем комитета, режиссером А.И. Долиновым и получил от них полномочия действовать от имени комитета. Затем артист «был действительно отвезен в Г. думу и представлен г. Родзянко». И опять в описании появляется пассивный залог; однако, в следующей фразе заявления Аполлонский раскрыл важные подробности: «Приехал за мной артист Вишневецкий. Им был добыт автомобиль и в Думе он меня прямым путем без задержки провел к председателю». Таким образом, организатором поездки Р.Б. Аполлонского в Думу явился провинциальный актер Б.Н. Вишневецкий, уже успевший к тому времени арестовать и доставить в Таврический дворец директора театров В.А. Теляковского. С учетом сообщения Аполлонского, роль Вишне-

²⁴ Разговор, судя по всему, состоялся по телефону — согласно дневнику Н.С. Васильевой, она решила выйти на улицу лишь 5 марта «после 8-дневного сидения в квартире» (РГАЛИ. Ф. 714. Оп. 1. Д. 20. Л. 494 об.).

вещкого в «февральских» событиях в государственных театрах представляется весьма значительной. Однако, вернемся к важнейшему описанию Аполлонским своей встречи с председателем ВКГД: «Родзянко принял меня в присутствии нескольких членов Г. думы: Чхеидзе, Калугина и др., фамилии которых не упомяну, а также при артисте Вишневецком. Прежде всего, я принес ему наше приветствие, а затем сообщил наши тревоги за будущее. Тут я, может быть, несколько превысил свои полномочия, напомнив ему, что наша театральная семья состоит не только из драмы, но и из оперы и балета, при чем упомянул о бедственном положении хора.²⁵ Думаю, что в виду исключительных обстоятельств не заслужу за это упрека товарищей». М.В. Родзянко, по словам артиста, «очень сочувственно отнесся к моему заявлению и уполномочил меня передать всем товарищам следующее: 1) Что он назначит к нам на днях комиссара, который будет ведать делами театра, и постарается найти такого, который любит театр, 2) что жалование он прикажет нам выдать своевременно и 3) что спектакли начнутся, вероятно, через неделю».

Вернувшись из Думы, Р.Б. Аполлонский сообщил о результатах беседы Н.С. Васильевой, А.И. Долинову и секретарю их комитета Е.П. Студенцову. Вместе они и решили созвать 2 марта собрание представителей разных трупп государственных театров («так как дело общее и слова г. Родзянко относятся ко всем»), на котором Аполлонский и выступил со своим рассказом. Завершая его, заслуженный артист обратился к собравшимся: «Эти радостные вести я и передаю вам, уверенный, что вы, по возможности, скорее сообщите их всем членам труппы и успокоите их тревогу. Кроме того, обещание Родзянко назначить комиссара не должно заставить нас врасплох. Каждая труппа должна сговориться о своих нуждах, чтобы ввести комиссара в наше дело. С этим, господа, надо поспешить».²⁶

Любопытно, что Р.Б. Аполлонский, фактически действовавший 1 марта совместно с арестованным директором театров Б.Н. Вишневецким, на следующий день, как ни в чем не бывало, явился для беседы к В.А. Теляковскому. Последний, тогда еще не осознавая связи поездки заслуженного артиста в Таврический дворец со своим арестом, лишь отметил в дневнике, что Аполлонский «совместно с несколькими артистами» ездил в Думу просить «автономию театру» («Аполлонский, вероятно, думает, что теперь время новому правительству заниматься артистами»)²⁷. Лишь 16 марта у Теляковского сложилась более полная

²⁵ 21 февраля забастовал хор Мариинского театра, требуя повышения жалованья (Безпалов В.Ф. Театры в дни революции 1917. С. 10—13).

²⁶ Реквизиция Теляковского // Петроградский листок. 1917. 7 марта.

²⁷ АРО ГЦТМБ. Ф. 280. № 1325. Л. 48.

картина действий своего подчиненного: «Оказывается, что Аполлонский поехал в Думу, узнав от Вышневецкого [так в тексте — *П.Г.*] о моем аресте. Он предполагал, приехав в Думу, получить полномочия и, так сказать, захватить в свои руки власть в театрах. Когда это не вышло, он стусевался и даже мало посещал собрания в Александринском театре. У меня он был и говорил, что наши артисты не умеют мыслить, у них нет канвы идей и т. п. Вообще Аполлонский последние года умнеет не по дням, а по часам — над ним в труппе Александринского театра очень смеялись, особенно Рошина»²⁸ — иронизировал директор театров над артистом, про которого говорили, что он, прославившийся на сцене ролью профессора Сторицына, «не слишком умен в жизни».²⁹

Запись в дневнике Теляковского указывает на то, о чем умолчал сам Аполлонский — цель его визита в Думу состояла не столько в том, чтобы «выяснить положение дела», а прежде всего — в получении административных полномочий. Косвенно это подтверждается мемуарами Б.А. Горина-Горяинова, вспоминаявшего, как после Февраля некоторые артисты, составлявшие «правую» часть труппы, «составили под сурдинку собственный проект автономии и направили с ним в Государственную думу своего лидера Р.Б. Аполлонского. Ему было поручено прозондировать почву. Ответ получился, однако, настолько неутешительным, что инициаторы проекта автономии потом очень сердились, когда им напоминали об этом случае».³⁰ Вместо наделения полномочиями кого-либо из театральных деятелей М.В. Родзянко пообещал назначить в Дирекцию театров комиссара из состава ВКГД, что и было произведено на следующий день, 2 марта 1917 г., с определением на эту должность члена Государственной думы Н.Н. Львова.³¹

Рассмотрев, таким образом, фактическую сторону событий, развернувшихся в петроградских императорских театрах в период с 27 февраля по 1 марта, представляется возможным сделать ряд выводов.

Во-первых, императорские театры работали вплоть до 27 февраля 1917 г. и закрылись в этот день лишь по словесному распоряжению председателя Совета министров Н.Д. Голицына, переданного директору театров В.А. Теляковскому помощником министра двора М.Е. Ниродом.

²⁸ АРО ГЦТМБ. Ф. 280. № 1325. Л. 68.

²⁹ *Малютин Я.О.* Актеры моего поколения. Л.; М., 1959. С. 253.

³⁰ *Горин-Горайнов Б.А.* Актеры: (Из воспоминаний). Л.; М., 1947. С. 135.

³¹ *Гордеев П.Н.* Н.Н. Львов — комиссар ВКГД и Временного правительства над Дирекцией императорских театров // Таврические чтения 2013. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Сб. научн. ст. СПб., 2014. Ч. 1. С. 344—359.

Актуальные проблемы парламентаризма

Во-вторых, в дни Февраля казенная сцена не избежала стихии революционного насилия, коснувшегося как зданий (вторжение толпы в Мариинский театр 28 февраля), так и людей (аресты Ю.В. Корвин-Круковского, Л.Д. Мещнера, В.А. Теляковского).

В-третьих, значительную роль в судьбе императорских театров в дни Февраля сыграл не служивший в них актер Б.Н. Вишневецкий, который не только самовольно арестовал директора театров, но и организовал в тот же день (1 марта) поездку Р.Б. Аполлонского к председателю ВКГД М.В. Родзянко, в конечном счете, ускорившую назначение в театральное ведомство специального комиссара.

А.Б. НИКОЛАЕВ

Частные совещания членов Государственной думы в апреле 1917 года

Частные совещания членов Государственной думы — постоянный думский орган — проходили и в апреле 1917 года. Так, В.В. Комин писал о частном совещании 21 апреля, которое продолжилось и на следующий день, а также о совещании, прошедшем 27 апреля 1917 г.¹ В большинстве же работ упоминаются частные совещания от 22 и 27 апреля 1917 г.² Иногда говорится исключительно о совещании 27 апреля — торжественном заседании депутатов Государственной думы всех четырех созывов в связи с 11-летием открытия I Государственной думы.³ А.В. Смолин пишет лишь о совещании 22 апреля 1917 г.⁴ Традиция вести историю частных совещаний членов Государственной думы именно с этой даты и, кстати, только этим совещанием и ограничивать их апрельский цикл, была заложена еще в 1932 году. Именно тогда были изданы стенограммы частных совещаний членов Государственной думы, в предисловии к которым З.Б. Лозинский писал: «Зародились «частные совещания» под непосредственным влиянием апрельской демонстрации<...> Первое заседание состоялось 22 апреля».⁵ Если же обобщить все сведения об апрельских частных совещаниях депутатов Государственной думы, которые присутствуют в трудах советских и

¹ *Комин В.В.* Контрреволюционная деятельность Государственной думы после свержения самодержавия. Март—октябрь 1917 года // Ученые записки Калининского государственного педагогического института им. М.И. Калинина. Калинин, 1963. Т. 34. С. 266—267.

² *Ознобишин Д.В.* Временный комитет Государственной думы и Временное правительство // Исторические записки. 1965. Т. 75. С. 292—293; Частные совещания членов 4-й Государственной думы // Великая Октябрьская социалистическая революция. Энциклопедия. 3-е изд., доп. М., 1987. С. 578; *Кирьянов И.К.* Государственная дума после 25 февраля 1917 г.: от политической реальности к виртуальности // Известия Алтайского государственного университета. Серия История. Политология. 2008. № 4/4. С. 84.

³ *Гальперина Б.Д.* Частные совещания Государственной думы — центр сплочения буржуазных партий России // Непролетарские партии России в трех революциях. М., 1989. С. 111.

⁴ *Смолин А.В.* Частные совещания Временного комитета Государственной думы и их роль в формировании идеологии белого движения // Парламентаризм в России: проблемы и перспективы. СПб., 2006. С. 170.

⁵ *Лозинский З.Б.* Предисловие // Буржуазия и помещики в 1917 году: частные совещания членов Государственной думы. М.; Л., 1932. С. IV.

современных российских историков, то получается, что их было всего лишь три — 21, 22 и 27 апреля 1917 г.

Отечественные историки в своих работах дают характеристику апрельским частным совещаниям. Так, В.В. Комин связывал их с процессом консолидации контрреволюционных сил.⁶ Д.В. Ознобишин замечал, что «организация эта заключалась не столько в гласном обмене мнениями, сколько в подпольной деятельности думцев, в подготовке ими заговора против Советов».⁷ Б.Д. Гальперина указывает, что они «являлись центром сплочения и выражения мнения правых контрреволюционных сил».⁸ Характеристика советскими историками ЧСГД как органа контрреволюции объясняется теми установками, которые содержатся в статье В.И. Ленина, опубликованной 17 июня 1917 г. в газете «Правда». Ленин утверждал, что «штаб контрреволюции находится в стенах совещания IV Государственной думы».⁹ Любопытно, что и некоторые современные исследователи продолжают им следовать. В частности, А.В. Смолин считает, что ЧСГД стали центром сплочения правых контрреволюционных сил, а в их ходе «формировались задачи не на компромисс, а на полное уничтожение противника».¹⁰ Цель данной статьи — восстановить хронику частных совещаний и выяснить, чем они занимались в апреле 1917 года.

Напомним, что именно в апреле 1917 г. должна была быть реализована формула новой власти, которая установила бы до Учредительного собрания верховенство власти ВКГД и ответственное Временное правительство при одновременном действии двух законодательных палат. В связи с этим значение частных совещаний как постоянного органа Государственной думы должно было измениться.

7 апреля 1917 г. состоялось частное совещание депутатов Государственной думы, на котором обсуждался вопрос о работе почты и телеграфа в связи со «значительным количеством жалоб и запросов по поводу этого ведомства».¹¹ С докладом по этому вопросу выступил комиссар Временного комитета Государственной думы по Главному управлению почт и телеграфов М.И. Гродзицкий (прогрессист). Он заявил, что «все входит в норму, почта будет разноситься три раза в день и заминок в доставке корреспонденции больше не будет».¹² Грод-

⁶ Комин В.В. Указ. соч. С. 266—267.

⁷ Ознобишин Д.В. Указ. соч. С. 293.

⁸ Гальперина Б.Д. Указ. соч. С. 112.

⁹ Ленин В.И. Как бороться с контрреволюцией // Ленин В.И. ПСС. Т. 32. С. 348.

¹⁰ Смолин А.В. Указ. соч. С. 170.

¹¹ Почта и телеграф / Листок // Петроградский листок. 1917. 8 апреля.

¹² Положение дел на почте и телеграфе // Биржевые ведомости. 1917. 7 апреля (веч. вып.).

зицкий также сообщил о спешной разгрузке «залежей писем и посылок», в которой принимают участие солдаты, «получающие вознаграждение в размере одного рубля в день на человека». ¹³ По словам комиссара, «вопрос о восстановлении порядка на почте и телеграфе потерял уже свою остроту». ¹⁴ Заметим, что совещание проходило при отсутствии председателя Государственной думы М.В. Родзянко, который 6 апреля выехал в Минск для участия в 1-м съезде военных и рабочих депутатов армии и тыла Западного фронта. ¹⁵

В дальнейшем депутаты некоторое время на совещания не собирались. Молчание Государственной думы вызывало беспокойство в обществе, что привело к появлению различных проектов ее возвращения на политическую сцену. Так, в «Новом времени» было опубликовано письмо инженера путей сообщения И. Можейко, в котором автор писал о том, что Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов «принял на себя роль контролирующего органа действий Временного правительства». В связи с этим автор вопрошал: «[...] но почему мы не слышим голоса тех, которые объединили всех граждан в дни революции, кто избавил Россию от анархии[?]. Если Государственная дума по условиям времени не может законодательствовать, то почему она не может принять на себя роль такого же контролирующего органа[?]». Можейко предлагал возобновить заседания Государственной думы, правда, не знал, в какую форму они должны «вылиться». Но он заявлял: «[...] голоса членов Государственной думы мы должны слышать, чтобы совместно с Советом рабочих и солдатских депутатов направлять жизнь государства в русло закона и справедливости». ¹⁶

19 апреля 1917 г. прошло очередное ЧСГД, на котором, как сообщали петроградские газеты, «возвратившиеся после поездки по России командированные Временным комитетом Государственной думы депутаты сделали доклады о положении на местах и делились своими впечатлениями от поездки». ¹⁷ Кто конкретно из депутатов выступил на этом частном совещании, газеты не сообщали. Известно, что в это время должна была вернуться с Юго-Западного фронта группа думцев

¹³ Почта и телеграф / Листок // Петроградский листок. 1917. 8 апреля.

¹⁴ В совещании членов Государственной думы / Петроград // Вестник Временного правительства. 1917. 8 апреля.

¹⁵ Съезд представителей армии Западного фронта // Петроградская газета. 1917. 7 апреля.

¹⁶ *Можейко И.* Членам Государственной думы / Письмо в редакцию // Новое время. 1917. 17 апреля.

¹⁷ Совещание членов Гос[ударственной] думы / Хроника // Вестник Временного правительства. 1917. 21 апреля; Частное совещание Гос[ударственной] думы / Вечерняя хроника // Новое время. 1917. 21 апреля.

в составе П.П. Гронского (кадет), И.П. Демидова (кадет), А.А. Дурова (кадет), П.П. Кузьмина (балашевец), П.М. Макогона (земец-октябрист), кн. С.П. Мансырева (прогрессист), протоиерея Ф.Д. Филоненко (центр) и кн. К.М. Шаховского (балашевец). 21 апреля главнокомандующий войсками Юго-Западного фронта генерал А.А. Брусилов отправил председателю Государственной думы М.В. Родзянко телеграмму, в которой сообщил, что кн. Шаховской, Кузьмин, Макагон, Дуров, Демидов, Гронский, кн. Мансырев и протоиерей Филоненко «закончили объезд армий фронта». Брусилов, кстати, высоко оценил деятельность думцев: «Их самоотверженная работа по объединению солдат и офицеров и разъяснению волнующих вопросов[,] которую они выполняли[,] не считаясь с усталостью[,] холодами[,] утомительными дорогами и обстрелом врага принесла незаменимую пользу укрепления духа войск».¹⁸ Из телеграммы Брусилова следует, что депутаты завершили свою поездку на фронт одновременно и должны были все вместе вернуться в столицу. Так ли это было на самом деле? 18 апреля в Петрограде была принята телеграмма от командующего XI армией генерал-лейтенанта А.Е. Гутора, который сообщал, что депутаты Думы Шаховской, Кузьмин и Макагон «закончили свой объезд».¹⁹ 20 апреля генерал Гутор издал приказ за № 271, которым они награждались георгиевскими медалями 4-й степени «за то, что, объезжая передовые линии частей войск [...] под неприятельским огнем, вели собеседования с чинами армии о присяге, о долге перед Родиной и о переживаемом Родиной моменте и своим словом принесли огромную пользу объединению и укреплению армии».²⁰ 18 апреля «День» опубликовал донесение командира одного из сибирских корпусов о воинском подвиге депутатов Гронского, Демидова и Дурова при посещении ими Сибирского стрелкового полка.²¹ Депутаты кн. Мансырев и о. Филоненко посещали другие воинские части Юго-Западного фронта. Они вернулись в Петроград, как вспоминал кн. С.П. Мансырев, 21 апреля 1917 г.²² Депутат Дуров был в столице уже 19 апреля 1917 г.²³ Депутат Макагон после командировки на Юго-Западный фронт отправился в Екатеринославскую губернию. 24 мая в Петрограде была принята телеграмма из Мариуполя, в которой содержалась просьба оставить Ма-

¹⁸ РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 7. Л. 301.

¹⁹ Там же. Оп. 5. Д. 1244. Л. 5.

²⁰ Там же. Оп. 9. Д. 471. Л. 26.

²¹ Воинский подвиг членов Гос[ударственной] думы // День. 1917. 18 апреля.

²² Мансырев С.П. Мои воспоминания о Государственной думы // Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 года. М., 1991. С. 117.

²³ РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 249. Л. 17.

кагона в Екатеринославской губернии и не командировать его в Туркестан.²⁴ Депутаты Кузьмин и кн. Шаховской 21 апреля прибыли из Каменец-Подольска в Москву. 3 мая они изъявили готовность сделать доклад устно или письменно, «как будет угодно Временному комитету».²⁵ Известно, что о поездке на фронт депутаты Гронский и Демидов доложили позднее 19 апреля 1917 г.²⁶ В связи с этим можно предположить, что 19 апреля в частном совещании сделать доклад о командировке мог только депутат Дуров.²⁷ Он, выступая на частном совещании, заявил, что общее положение на фронте «удовлетворительное», а доверие к Временному правительству — полное. Докладчик также остановился на отношении фронта к Декларации Временного правительства от 27 марта с отказом от завоевательных целей, которая «вызвала на фронте очень сочувственное отношение». На этом же совещании депутаты разъяснили появившиеся в газетах сведения о том, что Демидов, Дуров и Гронский «поступили в полк в качестве рядовых, чтобы примером личного мужества побудить одну войсковую часть отправиться в окопы». По словам думцев, дело обстояло следующим образом: «Когда они (Демидов, Дуров и Гронский — А.Н.) явились в штаб дивизии, то узнали, что одна войсковая часть отказывается идти в окопы для смены своих товарищей», ссылаясь на то, что «уже давно на фронте». Тогда думцы «решили поступить в качестве простых рядовых-добровольцев в войсковую часть, чтобы показать, что они не только призывают других идти в окопы, но и сами считают нужным идти в окопы вместе с теми, кто пойдет за ними». По словам прессы, «депутаты заявили о своем решении в присутствии всего полка», и это заявление «произвело огромное впечатление». Депутаты были «определены в строй в 1 роту и обратились к командиру роты с просьбой дать им об-

²⁴ РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 7. ЛЛ. 102, 400.

²⁵ Там же. Оп. 5. Д. 1348. ЛЛ. 121—121 об.

²⁶ Совещание членов Государственной думы / Хроника // Вестник Временного правительства. 1917. 23 апреля.

²⁷ Вместе с тем «Известия Временного комитета» сообщали, что А.А. Дуров сделал доклад на частном совещании 24 апреля 1917 г. (Депутаты на фронте // Государственная дума. Известия Временного комитета. 1917. № 7. 25 мая. С. 2). На этом же совещании, по утверждению той же газеты, выступил и депутат И.П. Демидов (Депутаты на фронте // Государственная дума. Известия Временного комитета. 1917. № 5. 14 мая. С. 2). Но уже 23 апреля пресса сообщала о докладе Демидова на ЧСГД, которое проходило 22 апреля (Совещание членов Государственной думы / Хроника // Вестник Временного правительства. 1917. 23 апреля). Иначе говоря, «Известия Временного комитета» ошиблись с датировками частных совещаний, на которых выступали Дуров и Демидов. Можно также утверждать, что и ЧСГД 24 апреля 1917 г. не проходило.

мундирование» и «стали вместе со всеми солдатами в ряды роты».²⁸ Как выяснилось, эти события действительно произошли в начале апреля, о чем 4 апреля в Государственную думу сообщил командир 7-го Сибирского армейского корпуса генерал-лейтенант Г.В. Ступин. Он писал, что депутаты сумели вывести в окопы 73-й Сибирский стрелковый полк, были в окопах под сильным артиллерийским огнем, чтобы проверить как встали 73-й и 74-й сибирские стрелковые полки.²⁹

Следующее частное совещание прошло утром 21 апреля 1917 г. и было оно связано с Апрельским политическим кризисом. «Петроградский листок» писал, что на частном совещании «сделан доклад о ходе событий и обсуждалось создавшееся положение». По словам этой же газеты, «депутаты в подавляющем большинстве своем высказывают твердую уверенность в том, что здоровые начала в русском народе помогут ему побороть навязываемые ему извне анархические тенденции, и столь нужное для укрепления завоеванной свободы единение всех слоев населения России восстановится». Литовский депутат М.М. Ичас (кадет) убеждал «немногих сомневающихся» в том, что «кризис окончится благополучно». В качестве доказательства своих слов он ссылался на то, «как велико число заявляющих о необходимости поддержать Временное правительство». «Ведь в их массе, — восклицал Ичас, — тонут противники правительства». Депутат В.И. Алмазов (кадет) говорил, что правительство «стоит на верном пути», а «иное отношение означало бы разрыв с союзниками, измену общему делу, одиночество России и величайшую опасность для дела нашей свободы».³⁰ В.В. Комин писал, что в ходе совещания обсуждался вопрос и о позиции Государственной думы, которая, по словам депутатов, «ведет себя неправильно: «молчит и не высказывает точки зрения по поводу событий, имевших место в последнее время»». По словам Комина, депутаты «призвали Думу занять подобающее ей место, как органу законодательной власти, каким она и является на самом деле».³¹

22 апреля 1917 г. частное совещание в составе около 60 человек³² проходило под председательством октябриста С.И. Шидловского.³³ С докладами на нем выступили депутаты Государственной думы о. Ф.Д. Филоненко, М.А. Караулов, П.П. Гронский и И.П. Демидов.

²⁸ Депутаты на фронте // Новое время. 1917. 23 апреля.

²⁹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1348. Л. 83.

³⁰ Среди депутатов / Исторические дни // Петроградский листок. 1917. 22 апреля.

³¹ Комин В.В. Указ. соч. С. 266.

³² Ознобишин Д.В. Указ. соч. С. 293.

³³ Буржуазия и помещики в 1917 году: частные совещания членов Государственной думы. С. 286.

Филоненко сообщил о работах Синода. Комиссар ВКГД и Временного правительства Терской области М.А. Караулов (независимый) доложил о положении дел в Терской области, а также о своей поездке по Северному Кавказу. Караулов заявил, что «на Северном Кавказе положение можно считать удовлетворительным». Что касается весьма болезненного вопроса об отношениях между казаками и крестьянами, а также между казаками и инородцами, то они, по словам докладчика, «налаживаются» и «эксцессов нет». П.П. Гронский сообщил о своей поездке на Юго-Западный фронт совместно с И.П. Демидовым и А.А. Дуровым.³⁴ В частности, Гронский рассказал «о необычайном мужестве и исключительной храбрости роты чехов, состоящей частью из пленных, поступивших добровольцами, а частью из добровольцев чехов, живших до войны в России».³⁵ «Современное слово» писало, что на частном совещании с «интересным докладом» выступил И.П. Демидов. Он говорил, что «из всех впечатлений, которые нам пришлось вынести при посещении армии, — самым дорогим <...> было то, что имя Гос[ударственной] думы, звание члена Гос[ударственной] думы [—] это, пожалуй, самое высокое и самое дорогое для армии». Демидов также рассказал о том, как он разяснял Декларацию Временного правительства от 27 марта, но отнюдь не в пользу отказа от завоевательных целей: «Когда задавался, например, вопрос, который волнует всю армию, — что же, мир с Константинополем и Дарданеллами или без них, — то стоило только сохранить при этих вопросах объективность и разяснить, что такое Константинополь и Дарданеллы для России, как уже не было безапелляционного «без аннексий и без контрибуций», а было стремление войти в обсуждение вопроса по существу».³⁶ На этом же совещании обсуждался вопрос о проекте В.В. Шульгина, предусматривавшего созыв совещательного думско-советского органа при Временном правительстве. Но каких-либо конкретных решений принято по проекту не было. Частное совещание также высказало сомнение в необходимости возобновления законодательной деятельности Государственной думы.³⁷ Некоторые депутаты говорили о необходимости повысить роль частных совещания за счет допуска на них представителей печати, «дабы вопросы, поднимаемые на этих совещаниях,

³⁴ Совещание членов Государственной думы / Хроника // Вестник Временного правительства. 1917. 23 апреля.

³⁵ Частное совещание членов Государственной думы // Биржевые ведомости. 1917. 23 апреля (утр. вып.).

³⁶ Совещание членов Гос[ударственной] думы // Современное слово. 1917. 27 апреля.

³⁷ Частное совещание членов Государственной думы // Биржевые ведомости. 1917. 23 апреля (утр. вып.).

и обмен мнений, происходящий на них, могли бы полнее освещаться в газетах и страна знала бы, какого мнения по тому или иному вопросу держатся депутаты». ³⁸ «Биржевые ведомости» сообщали, что о необходимости допуска представителей печати на частные совещания говорил 22 апреля депутат IV Государственной думы о. А.Л. Трегубов (балашевец). С.И. Шидловский обещал передать это предложение на обсуждение Временного комитета Государственной думы. ³⁹ В.В. Комин заметил, что в результате частных совещаний 21 и 22 апреля Временный комитет Государственной думы выступил с обращением, в котором потребовал «передачи всей полноты власти в стране Временному правительству, ибо последнее «не может исполнить своей задачи, если ему не будет предоставлена вся сила и мощь государственной власти»». ⁴⁰

27 апреля прошло торжественное заседание с участием депутатов всех четырех созывов, приуроченное к 11-й годовщине открытия I Государственной думы. ⁴¹ Праздничное мероприятие было омрачено речью меньшевика М.И. Скобелева, заявившего: «Гос[ударственная] дума умерла, да здравствует Учредительное собрание». ⁴² Эту фразу вспомнили депутаты Государственной думы и позднее в 1917 г., и в эмиграции, одни соглашались с ней, ⁴³ другие воспринимали ее с горечью. ⁴⁴ Подчеркнем, что от заседания 27 апреля ждать принятия каких-либо решений было трудно, так как оно организовывалось как праздничное мероприятие, фактически являлось, по словам депутата Н.В. Савича, «митингом членов всех Государственных дум». ⁴⁵ Вместе с тем Государственная дума, так и не возобновив своей законодательной деятельности в апреле 1917 г., продолжила в дальнейшем свою работу, в том числе и в форме частных совещаний.

³⁸ Почему молчит Государственная дума? // Петроградский листок. 1917. 24 апреля.

³⁹ Частное совещание членов Государственной думы // Биржевые ведомости. 1917. 23 апреля (утр. вып.).

⁴⁰ *Комин В.В.* Указ. соч. С. 266. См. также: Временный комитет Гос[ударственной] думы о событиях 20 и 21 апреля // Современное слово. 1917. 27 апреля.

⁴¹ См. подробнее: *Кириянов И.К.* Указ. соч. С. 84.

⁴² Речь Скобелева / Торжественное заседание четырех дум // День. 1917. 29 апреля.

⁴³ *Мансырев С., кн.* Что посеешь — то и пожнешь! // Русская будущность. 1917. № 5. 28 июля. С. 6.

⁴⁴ *Савич Н.В.* Воспоминания. СПб.; Дюссельдорф, 1993. С. 231.

⁴⁵ Там же. С. 230.

Таким образом, можно утверждать, что в апреле 1917 г. прошло не три, как считалось ранее, а пять частных совещаний членов Государственной думы. Любопытно, что председатель Государственной думы и ее Временного комитета М.В. Родзянко пропустил два из них — 7 и 22 апреля. Это, да и тот факт, что в апреле частных совещаний было проведено значительно меньше, чем в марте, говорило о снижении интереса к ним со стороны М.В. Родзянко. Частные совещания оставались и в апреле 1917 г. олицетворением Государственной думы. Они заслушивали отчеты думских комиссаров в правительственных учреждениях (комиссар по Главному управлению почт и телеграфов М.И. Гродзицкий), областных комиссаров (комиссар Терской области М.А. Караулов), думцев, командированных на фронт, а также заслушали доклад члена Синода о. Филоненко. Частные совещания обсуждали важные политические вопросы (о создании думско-советского совещательного органа, о возобновлении законодательной деятельности Государственной думы, о характере власти Временного правительства), принимая тем самым участие в формировании повестки работы думского Комитета. В отличие от предыдущего периода, т.е. марта 1917 г., частные совещания не принимали решений о командировании депутатов Государственной думы на фронт и в провинцию, не создавали новых думских органов.

Парламентская биография

Т.Г. ФРУМЕНКОВА

Член Государственного совета В.В. фон Валь — почетный опекун Ксениинского института в Петербурге (конец XIX — начало XX вв.)

Виктор Вильгельмович фон Валь (1840—1915) происходил из лифляндских дворян и в 1861 г. окончил Николаевскую инженерную академию. Он участвовал в подавлении польского восстания 1863—1864 гг., служил в Варшавском военном округе, а в 1875 г. был командирован к Министерству внутренних дел. Вскоре В.В. фон Валь был назначен Ярославским вице-губернатором (1876—1878), затем служил Гродненским, Харьковским, Витебским, Подольским, Волынским, Курским губернатором (1878—1892 гг.), при этом уже тогда участвовал в работе местных благотворительных учреждений, таких как знаменитый Дом призрения ближнего в Ярославле. В 1892—1895 гг. В.В. фон Валь занимал пост Петербургского градоначальника, а после отставки с последней должности стал почетным опекуном Петербургского опекунского совета. В 1901—1902 гг. он был Виленским губернатором.¹ В 1902 г. по его приказу была разогнана первомайская демонстрация рабочих, а заключенные в виленскую тюрьму были наказаны розгами. За эти действия В.И. Ленин назвал В.В. фон Валя «разоренным негодяем», а за товарищей поклялся отомстить сапожник Г. Леккерт. На жизнь В.В. фон Валя было совершено покушение. Он был ранен в руку и ногу. По сведениям, попавшим в газеты, «генерал настолько сохранил присутствие духа, что лично задержал преступника». Спустя месяц Г. Леккерт был казнен.² В 1902—1903 гг. В.В. фон

¹ *Шилов Д.Н.* Валь Виктор Вильгельмович, фон // Государственный совет Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 30.

² [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. Режим доступа: [http://pomni.pro.ru/memo/page33085/bibliography](http://pomni.pro.ru/.memo/page33085/bibliography)

Валь был товарищем министра внутренних дел и командиром корпуса жандармов. 31 декабря 1903 г. он был назначен членом Государственного совета и оставался им до конца жизни (входил в правую группу).³

Почетным опекуном самого молодого столичного женского института Мариинского ведомства — Ксениинского — В.В. фон Валь стал вскоре после его основания.

Ксениинский институт был торжественно, в присутствии особ императорской фамилии, открыт в Петербурге 24 марта 1895 г. Покровительницей его была в. кн. Ксения Александровна. В подготовке церемонии открытия института В.В. фон Валь участвовал в качестве петербургского градоначальника, озаботившись, в частности, снабжением прислуги и официантов специальными билетами-пропусками.⁴

13 декабря 1896 г. генерал-лейтенант В.В. фон Валь в качестве почетного опекуна был назначен управляющим Ксениинским институтом. В конце XIX в. служба почетного опекуна стала в значительной степени формальной и была очень забюрократизирована, и определить его личный вклад в то или иное дело не так просто. Тем не менее не вызывает сомнений, что под управлением В.В. фон Валя в Ксениинском институте было принято Положение о профессиональных курсах, а также проходил процесс освоения подаренного институту дворца вел. кн. Николая Николаевича Старшего, расположенного на Благовещенской площади (ныне Дворец Труда на одноименной площади).

С хозяйственными проблемами новый почетный опекун столкнулся с первых дней своей работы. Во-первых, в ходе перестройки дворца по ходатайству предшественника В.В. фон Валя на посту почетного опекуна барона А.П. Гершау институту разрешено было продать «некоторые предметы, не представляющие надобности для института, а именно: мраморные кормушки для лошадей, медные шары с перегородок стойл, мраморный бассейн для фонтана и части чугунных колонн — 13 штук — освободившихся при разборке сводов».⁵ 17 июня 1897 г. В.В. фон Валь обратился к главному управляющему Мариинским ведомством с просьбой разрешить дальнейшую продажу «безусловно непригодных для нужд института предметов» и получил такое разрешение.⁶ Не менее сложным и дорогостоящим делом стало устройство в институте электрического освещения. Работы начали предшественники В.В. фон Валя после того, как дворец был передан учебному заведению. В ходе их проведения потребовалось к установке на 40 «дей-

³ *Шилов Д.Н.* Указ. соч. С. 30.

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 9. Оп. 1. Д. 203. ЛЛ. 2—3.

⁵ РГИА. Ф. 759. Оп. 25. Д. 74. Л. 3.

⁶ Там же. ЛЛ. 3, 25.

ствующих сил» добавить паровой котел с паро-динамо-машиной на 60 сил, затраты только на их закупку и установку составили свыше 33 тыс. руб. Военный инженер по образованию, фон Валь со знанием дела вел все финансовые документы по «электрическим вопросам».⁷

Для истории образования в России значительно более важной была организация при Ксениинском институте профессиональных курсов. Их создание было связано с тем, что императорским указом от 25 июля 1894 г. Ксениинский институт был учрежден «на общих основаниях с прочими институтами Ведомства императрицы Марии, но с тем, чтобы: 1, в это учебное заведение принимались исключительно полусироты; 2, дети в нем воспитывались в более скромной обстановке, чем в других институтах, и 3, сверх общеобразовательного курса из 7 классов были бы учреждены профессиональные курсы из 3 классов с целью предоставить воспитанницам возможность приобрести те практические сведения, которые, делая женщину полезной в собственной семье, давали бы ей, при современном спросе на женский труд, честный заработок».⁸

Разработка положения и обсуждение планов его практического применения была возложена на комиссию под председательством главноуправляющего, учрежденную 21 мая 1894 г.

Комиссия подготовила проект положения, штата и учебной таблицы общих классов с их открытием с 25 марта 1895 г., а также меры по приспособлению дворца. Эти документы Николай II утвердил 14 февраля и 7 мая 1895 г. Затем члены комиссии перешли к разработке положения о курсах. Они остановились на необходимости организации двух отделений: «1, коммерческого для приготовления счетчиц, конторщиц, бухгалтеров и 2, технического — для приготовления мастериц и учительниц преимущественно тех отраслей женского труда, для развития коих ныне выписываются мастера из-за границы».⁹

Став управляющим Ксениинским институтом 13 декабря 1896 г.,¹⁰ В.В. фон Валь по должности, естественно, был включен в состав комиссии. Комиссия решила сначала ознакомиться с постановкой женского профессионального образования не только в России, но и в Западной Европе. В некоторые города России и за границу командировали бывшего инспектора классов Петербургского Александровского института М. Захарченко, ставшего чиновником особых поручений при главноуправляющем по учебной части.

⁷ РГИА. Ф. 759. Оп. 25. Д. 56. ЛЛ. 30—167.

⁸ Там же. Оп. 85. Д. 44. Л. 17.

⁹ Там же. Л. 17 об.

¹⁰ ЦГИА СПб. Ф. 9. Оп. 1. Д. 3290. Л. 1.

В ходе командировки чиновник обнаружил: «1. Вопрос о профессиональном женском образовании на началах, спроектированных для специальных классов Ксениинского института, является совершенно новым в нашем отечестве; 2. В России есть только женские профессиональные школы с ограниченным профессиональным курсом и более ремесленным, а не научным характером; 3. Нет в России и профессиональных преподавателей и наставниц. Наряду с этим выяснилось, что: 1. Некоторые образцовые женские профессиональные школы Западной Европы, поставленные на надлежащую высоту, представляют весьма ценный руководящий материал при организации профессиональных курсов... института; 2. В случае их устройства на европейских началах необходимо пригласить для них, хотя бы на первое время, и наставниц из-за границы с тем, чтобы впоследствии подготовить русских девиц путем командирования их в школы Западной Европы».¹¹

Для подготовки собственных преподавателей и наставниц члены комиссии отправили трех девушек на учебу в Дрезден, Лион и Париж и поручили М. Захарченко на основе изученного опыта составить положение о курсах и другие уставные документы, а также «войти в соглашение с преподавательницами-иностранками» для приглашения их в Петербург.

Представленный чиновником особых поручений проект положения, в целом, был принят, но подвергся некоторым изменениям, предложенным, во-первых, членами комиссии, а, во-вторых, вызванным замечаниями Контроля ведомства и переменой в соглашениях с иностранными преподавательницами. Об этом напомнил почетный опекун, представляя в июне 1901 г. проект на утверждение сметной комиссии. Проект благополучно прошел все инстанции и был утвержден императором 27 августа 1901 г.

Согласно положению, в работе над которым активное участие принимал В.В. фон Валь, на коммерческих и технических (по рисованию и женским рукоделиям) курсах должны были учиться 90 «успешных выпускниц Ксениинского института. Право выбора специальности принадлежало самим выпускницам с согласия родителей или опекунов. Незанятые места предоставлялись выпускницам других институтов Мариинского ведомства. 45 вакансий являлись бесплатными, а остальные 45 учащихся платили по 250 р. в год. При переходе на курсы выпускницы сохраняли те вакансии, которыми пользовались в институте. Но если не все бесплатные вакансии оказывались занятыми, то на них могли поступать своекоштные институтки, «отличные по поведению, лучшие по успехам и беднейшие». Зачисляли девушек по представлению учебной конференции и после утверждения почетного опекуна.

¹¹ РГИА. Ф. 759. Оп. 85. Д. 44. Л. 18.

При приеме проводилось «проверочное испытание: для коммерческих курсов по арифметике, русской, французской и немецкой орфографии, на технических — по рисованию, рукоделию и геометрии». Курс обучения продолжался 3 года. Изучались обязательные предметы: закон Божий, русский язык и словесность, французский и немецкий языки и словесность, каллиграфия, педагогика и гигиена, домоводство и кулинарное искусство, по желанию за дополнительную плату — музыка.

На коммерческих курсах преподавался широкий круг специальных предметов: коммерческая арифметика, бухгалтерия и коммерческая корреспонденция, торговое и промышленное счетоводство, банковое, земское, городское и другие виды специальных счетоводств, железнодорожное письмоводство, практические работы по счетоводству и конторскому делопроизводству, методика и преподавательская практика по обучению счетоводству и коммерческой корреспонденции, общее законоведение, торговое и вексельное право, основы политической экономии и финансов, история торговли и коммерческая география, химия и товароведение, коммерческая корреспонденция на немецком и французском языках, английский язык и корреспонденция на нем, письмо и счет на машинке и стенография.

Технические курсы со второго года обучения подразделялись на два отделения: рисовальное и рукодельное. Обязательными предметами на курсах были черчение, рисование карандашом, пером и красками, рисование цветов, перспектива и теория теней, композиция монограмм, узоров и образцов, преподавательская практика по обучению рисованию и чистописанию, история изящных искусств, очерк орнаментов и стилей, история костюмов, общие и изящные рукоделия, «цветоделие», головные уборы, кройка и шитье белья и платьев, товароведение и счетоводство и преподавательская практика по обучению женским рукоделиям. Начиная с третьего курса, преподавались живопись по ткани, коже, дереву, стеклу и фарфору, чертежные работы, ретушевка и фотография, декоративное искусство, изящные рукоделия, шитье платьев и небольших «верхних вещей», а также модное дело. Выбор этих предметов зависел от воспитанниц.

Общее заведование профессиональными курсами под началом почетного опекуна осуществляло правление института. «Ближайшее руководство» возлагалось на завуча при участии учебной конференции, надзор за воспитанницами поручался 4 наставницам, которые должны были следить за учебными занятиями и помогать учащимся, особенно по иностранным языкам.

При курсах был создан особый попечительский совет под председательством почетного опекуна. В его состав входили начальница института, заведующие его учебной и хозяйственной частями, наставни-

цы курсов, три члена по избранию конференции от преподавательского персонала и шесть членов, избранных правлением из «опытных лиц по данным профессиям или могущих содействовать в приискании мест для выпускниц». Члены попечительского совета из посторонних лиц именовались почетными блюстителями профессиональных курсов Ксениинского института и пользовались правами 5-го класса по чиновному производству. Члены попечительского совета должны были иметь попечение о выпускницах и содействовать тому, чтобы преподавание специальных предметов находилось на уровне современных требований. Для этого они присутствовали на всех экзаменах и участвовали в оценке выставленных работ воспитанниц.

Наставницы на курсах могли быть как русскими, так и иностранными. От них требовалось полное среднее образование, знание одного иностранного языка — французского или немецкого, окончание не менее чем двухгодичных профессиональных курсов. В институте им предоставлялась квартира с отоплением, освещением, прислугой, столом вместе с воспитанницами, жалование и права классных дам педагогических классов столичных институтов. Наставницы должны были давать 6—9 уроков в неделю по своей специальности за поурочную плату.

Учителей по общеобразовательным предметам набирали из числа лиц, получивших право преподавать в учебных заведениях Ведомства учреждений императрицы Марии, по профессиональным — тех, кто имел свидетельство на преподавание специальности.

Воспитанницы курсов должны были ежедневно посвящать учебным занятиям (не считая пения, музыки и танцев) не менее 8 часов. Учебное время продолжалось с 9 до 12 до полудня, с 2 до 5 после полудня и с 6 до 8 часов вечера. Утром и днем велись занятия в классах, вечером девушки готовились к ним. Уроки в зависимости от предмета продолжались час, 1,5 часа или 2 часа, а по кулинарному искусству могли быть и более длительными. Для проверки знаний устраивались годовые испытания с учетом годовых баллов за устные ответы и письменные работы. Воспитанницы «заведовали своим гардеробом и бельем», по возможности приучались обходиться без прислуги, чинить свои вещи. На Рождество и Пасху они могли получить «домашний отпуск».

Успешно окончившие курсы получали аттестат с баллами по поведению и всем предметам. Воспитанницы, имевшие не менее 10 баллов в среднем по специальным предметам и не менее 7 баллов по общеобразовательным (по 12-балльной системе), получали звание «ученой конторщицы, ученой рисовальщицы или ученой мастерицы по женским рукоделиям». Кроме того, воспитанницы, получившие не меньше 11 баллов в среднем по специальным предметам и не меньше 10 по остальным, получали право преподавания по своей специальности в средних общеобразовательных и в низших профессиональных учеб-

ных заведениях. Независимо от этих прав все выпускницы Ксениинского института, успешно окончившие полный курс, как и выпускницы других институтов ведомства, имели право на звание «домашней наставницы» по всем общеобразовательным предметам (если имели оценки по ним не ниже 8 баллов) и могли получить дипломы в Министерстве народного просвещения без дополнительных экзаменов.¹²

Занятия на курсах начались в августе 1901 г. Во время работы над положением и подготовки к открытию профессиональных курсов по ходатайству почетного опекуна В.В. фон Валя несколько сотрудников ведомства были награждены за составление чертежей и планов для нового подразделения учебного заведения. По требованию опекунского совета он представил справку о «положении всех строительных работ по Ксениинскому институту, нынешних и намеченных в ближайшем будущем», и принимал меры для того, чтобы «постройки и приспособления производились на возможно скромных началах и новые работы — при крайней надобности».¹³

Кроме двух главных дел — перестройки дворца и организации профессиональных курсов, почетный опекун В.В. фон Валь занимался повседневными делами института. В 1897 г. он обратился к главному управляющему с просьбой о выделении институту дополнительных средств в связи с приемом в 1898 г. новых 30 воспитанниц. Затребованные ассигнования были внесены в смету, но расходы на книги и приборы были несколько урезаны.¹⁴ История повторилась в 1900 и 1901 гг., когда небольшие новые средства потребовались на содержание будущих воспитанниц института в малолетних отделениях ведомства и на жалование учительницам музыки.¹⁵ Руководству ведомства почетный опекун сообщал и об освобождавшихся в институте вакансиях. Так, в 1898 г. он известил, что мать забрала одну из «казенных воспитанниц» по семейным обстоятельствам, и, следовательно, вакантным стало одно казенное (бюджетное) место.¹⁶

Через руки В.В. фон Валя проходили «дневные рапорты о состоянии Ксениинского института». К примеру, 7 февраля 1898 г. в институте были 153 воспитанницы. Необходимые сведения о воспитателях в рапорте отсутствовали, и кто-то из начальства, возможно, почетный опекун, поставил на полях большой знак вопроса. На обед в тот день институтки получили «суп с клецками, сосиски с картофельным пюре, слойку с яблок», а на ужин — «винегрет с селедкой, саго на красном

¹² РГИА. Ф. 759. Оп. 85. Д. 44. ЛЛ. 3—4, 68—70.

¹³ Там же. ЛЛ. 42 об., 43 об.

¹⁴ Там же. Оп. 25. Д. 333. ЛЛ. 1—37 об.

¹⁵ Там же. Д. 1139. ЛЛ. 1—12; Оп. 26. Д. 171. ЛЛ. 8—9.

¹⁶ ЦГИА СПб. Ф. 9. Оп. 1. Д. 696. Л. 25.

вине, чай и молоко».¹⁷ В дневном рапорте 18 февраля 1898 г. сведения о воспитателях по-прежнему отсутствовали, и на полях рапорта вновь стоял вопросительный знак. День, видимо, был постным, и девочки пообедали «ухой из окуней и налимов. Судаком жареным с картофельным салатом», а поужинали «котлетами картофельными с грибным соусом, компотом, ватрушками с вареньем и чаем с булками».¹⁸

Новое учебно-воспитательное заведение, даже до организации уникальных профессиональных курсов, очевидно, получилось интересным и заслуживающим внимания. Во всяком случае, главноуправляющий Мариинским ведомством 20 февраля 1898 г. поставил В.В. фон Валя в известность, что императрица Мария Федоровна разрешила «американской писательнице мисс Рейнольдс, прибывшей в Санкт-Петербург с целью ознакомления с женским образованием в России и с наиболее выдающимися учреждениями,.. посетить Воспитательное общество благородных девиц, Петербургское училище ордена Св. Екатерины и Ксениинский институт».¹⁹

В.В. фон Валь оставался управляющим Ксениинским институтом до того момента, как 2 октября 1901 г. был назначен Виленским губернатором «с оставлением почетным опекуном».²⁰ Членом опекунского совета по Петербургскому присутствию он состоял и тогда, когда занимал высокие должности в Петербурге, в том числе, был членом Государственного совета и оставался им до конца своих дней,²¹ то есть до февраля 1915 г. Конкретных поручений по управлению каким-либо учебно-воспитательным или медицинским заведением В.В. фон Валь больше не имел.

¹⁷ ЦГИА СПб. Ф. 9. Оп. 1. Д. 696. ЛЛ. 14—15.

¹⁸ Там же. ЛЛ. 15 об.—16 об.

¹⁹ Там же. ЛЛ. 18—18 об.

²⁰ *Шилов Д.Н., Кузьмин Ю.А.* Члены Государственного совета Российской империи. 1801—1906. Биобиблиографический справочник. СПб., 1906. С. 109.

²¹ Адрес-календарь (далее — АК) за 1903 г. Ч. 1. Стб. 105; АК за 1904 г. Ч. 1. Стб. 110; АК за 1905 г. Ч. 1. Стб. 115; АК за 1906 г. Ч. 1. Стб. 119; АК за 1907 г. Ч. 1. Стб. 124; АК за 1908 г. Ч. 1. Стб. 124; АК за 1909 г. Ч. 1. Стб. 145; АК за 1910 г. Ч. 1. С. 166; АК за 1911 г. Ч. 1. Стб. 181; АК за 1912 г. Ч. 1. Стб. 185; АК за 1913 г. Ч. 1. Стб. 193; АК за 1914 г. Ч. 1. Стб. 209.

А.С. СОКОЛОВ

А.С. Салазкин: общественный и торгово-промышленный деятель

Прошло сто лет с момента деятельности IV Государственной думы России. Однако до сих пор проблема становления российского парламентаризма остается актуальной для ученых, историков, политологов. Анализ истории функционирования парламента Российской империи необходим для научного осмысления общих вопросов отечественной политической истории XX в. Он важен при выборе дальнейшего пути демократического развития России на современном этапе. В условиях проводившихся хозяйственных реформ идет поиск путей стабилизации товарно-денежных отношений, возрос интерес научной общественности к проблеме перехода от плана к рынку. В связи с этим интерес представляет не только накопленный опыт перехода к рыночным отношениям до 1917 г., но и судьба конкретных людей, осознавших необходимость этих реформ, приложивших усилия для их осуществления. При изучении отечественной исторической литературы выясняется, что эта сторона вопроса наименее исследована. Биография Аркадия Сергеевича Салазкина (1870—1919) отражает драматизм эпохи, в которой он жил и работал. А.С. Салазкин родился в г. Касимове 24 января 1870 г. в семье крупного коммерсанта, владельца железолудильного завода, потомственного почетного гражданина Сергея Леонтьевича Салазкина. В 1896 г. он окончил физико-математический факультет Киевского университета, получив степень кандидата естественных прав. В родном городе Салазкин избирался почетным мировым судьей, гласным уездного и губернского земств, Касимовской городской думы, состоял председателем попечительского совета Касимовской женской гимназии и многочисленных комиссий и комитетов.¹ Он занимался предпринимательской деятельностью в сфере железоделательной и чугунопромышленности, возглавлял Правление Товарищества «Салазкина С.А. наследники». В начале 1910-х гг. обороты железной торговли Салазкина только в одном Касимове достигли 300 тыс. руб. в год.² С 1906 г. А.С. Салазкин являлся лидером касимовской группы конституционно-демократической партии и играл важную роль в деятельности ее Рязанского губернского комитета. Каси-

¹ *Акулышин П.В., Князева И.С.* Выборы и представительство Рязанской губернии в Государственной думе Российской империи. Рязань, 2011. С. 123.

² *Филиппов Д.Ю.* Предприниматели и общественные деятели Салазкины: материалы к биографии // Исторические личности России. СПб., 1998. С. 240.

мовский уездный исправник сообщал рязанскому губернатору, что Аркадий и его брат Сергей Салазкины «успели заявить себя как дельцы и борцы за свободу, обладая высшим образованием, а главное смелостью и наглостью они давят и подчиняют себе остальных».³ В феврале 1907 г. А.С. Салазкин был избран во II Государственную думу, входил в состав комиссий по народному образованию, по городскому самоуправлению, по рабочему вопросу. После смерти П.М. Калашникова с 1910 г. А.С. Салазкин возглавил Нижегородский ярмарочный и биржевой комитет. Он сумел держать «высоко знамя независимости общественного управления».⁴ В октябре 1912 г. был избран в IV Государственную думу от общего состава выборщиков Рязанского губернского избирательного собрания. Как представитель кадетской фракции вошел в состав бюджетной комиссии и комиссии по торговле и промышленности, а также комиссии по исполнению государственной росписи доходов и расходов. Избрание А.С. Салазкина в IV Государственную думу было осложнено препятствиями, возведенными на его пути нижегородским губернатором А.Н. Хвостовым. По инициативе губернатора он как председатель Нижегородского ярмарочного комитета был отдан под суд Нижегородским губернским по земским и городским делам присутствием по обвинению в превышении власти, а вслед за этим по предложению и.д. рязанского губернатора А.Н. Оболенского исключен Касимовской уездной комиссией по выборам из числа выборщиков. Но он не смирился с этим: подал жалобу на постановление присутствия председателю Совета министров, министрам торговли и промышленности, юстиции и внутренних дел, добился у них приема и доказал неправомочность действий нижегородского присутствия. 25 октября 1912 г. вопрос рассматривался в Сенате, который признал «разрешить вопрос в положительном для Салазкина смысле».⁵ Вскоре губернская комиссия по выборам в Думу восстановила А.С. Салазкина в правах выборщика. Эта история только добавила ему авторитета в губернском избирательном собрании.⁶ Спустя несколько месяцев после избрания в Думу А.С. Салазкин произнес речь, сделавшую его знаменитым на всю Россию. 16 августа 1913 г. на Нижегородской ярмар-

³ Филиппов Д.Ю. Страсти вокруг головы // Рязанские ведомости. 1998. 30 октября.

⁴ Мельников А.П. Очерки бытовой истории Нижегородской ярмарки (1817—1917). Нижний Новгород, 1993. С. 286.

⁵ Акульшин П.В., Князева И.С. Выборы в Государственную думу Российской империи IV созыва в Рязанской губернии // Выборы: теория и практика. 2012. № 2. С. 51—62.

⁶ Хвостов А.И. Кадеты Рязанской губернии в 1907—1914 гг. // Материалы исследования по рязанскому краеведению. М., 2003. Т. 4. С. 97—98.

ке в присутствии председателя Совета министров В.Н. Коковцова состоялось экстренное заседание Нижегородского ярмарочного комитета, на котором широко были представлены торгово-промышленные круги страны. По их поручению на заседании выступил А.С. Салазкин, заявивший в своей речи о «неотложной необходимости» осуществления реформ, обещанных Манифестом 17 октября 1905 г. «...Торгово-промышленный класс, вмещающий в себя все сословия и национальности Российской империи, — заявил он, — желает принимать ближайшее участие в делах общественного самоуправления и государственного строительства. Речь А.С. Салазкина вызвала широкий резонанс в обществе. Газета «Голос Москвы» назвала его выступление «выражением мнения самых широких торговых торгово-промышленных кругов», подчеркнув, что когда Москва и Нижний Новгород «говорят в один тон одним и тем же голосом, то это уже голос России и на всю Россию».⁷

В качестве докладчика бюджетной комиссии Салазкин был одним из разработчиков законопроекта о внесении в эмеритальную кассу морского ведомства 110 000 руб. на образование особого фонда для офицеров флотилии отдельного корпуса пограничной стражи. В ходе рассмотрения законопроекта об установлении размера обложения государственным налогом доходности недвижимых имуществ в городах, посадах и местечках 3 декабря 1913 г. А.С. Салазкин выступил за поправку к п. 2 законопроекта, которая гласила, что «поступающие с недвижимых имуществ, расположенных на территории Нижегородской ярмарки, суммы поступают в доход ярмарочного общественного управления». А.С. Салазкин объяснил важность этой поправки тем, что исходя из формулировки финансовой комиссии, денежные суммы, поступающие из городов и земств, должны возвращаться органам общественного самоуправления, лишая тем самым Нижегородскую ярмарку денежных средств. Поправка, предложенная рязанским депутатом, была принята в ходе голосования.

В ходе рассмотрения проекта закона о переходе торговых и промышленных предприятий А.С. Салазкин выступил с большим докладом как представитель Комиссии о торговле и промышленности. Заявляя о давней необходимости принятия данного законопроекта, докладчик заметил, что с развитием отечественной торговли и промышленности торгово-промышленные предприятия стали являться объектом сделок, как юридических, так и торговых. Участились случаи фиктивных сделок в интересах предприятий для уклонения от выплаты долгов, что наносило значительный ущерб кредиторам, которым

⁷ *Акулышин П.В., Князева И.С.* Выборы и представительство Рязанской губернии в Государственной думе Российской империи. С. 209.

приходилось доказывать несостоятельность сделки. В своем докладе рязанский депутат обозначил суть представленного законопроекта, подготовленного Министерством торговли и промышленности. Законопроект устанавливал требования в отношении совершения актов только в нотариальном порядке, при этом нотариусу необходимо было представить список всех кредиторов переходимого предприятия. В своем докладе А.С. Салазкин высветил многие недостатки сложившейся законодательной практики по отношению к системе торгового кредита в стране. Это побудило депутатов выразить пожелание в адрес правительства о выработке в ближайшее время и внесении на одобрение законодательных учреждений законопроектов о фирмах, о торговой регистрации, об изменении производства дел о несостоятельности и о торговых книгах.

В годы Первой мировой войны А.С. Салазкин являлся уполномоченным председателя Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по перевозке топлива, продовольственных и военных грузов уполномоченным Министерства земледелия по заготовке хлеба для армии в Нижегородской губернии. Он был также представителем IV Государственной думы в Центральном бюро по мукомолью при Особом совещании для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу. В 1915 г. А.С. Салазкин вошел в состав членов Прогрессивного блока.⁸ В марте 1917 г. министр земледелия Временного правительства А.И. Шингарев назначил его уполномоченным по продовольствию судовых команд. Месяц спустя А.С. Салазкин получил полномочия комиссара Временного правительства по Нижегородской ярмарке. На 9-м съезде КДП в июле 1917 г. был выдвинут кандидатом в члены Учредительного собрания по Рязанскому избирательному округу. После октября 1917 г. участвовал в антибольшевистской подпольной организации всероссийского Национального центра, вел контрреволюционную борьбу на юге России в составе Добровольческой армии генерала А.И. Деникина, затем эмигрировал. Дальнейшая судьба А.С. Салазкина неизвестна.

А.С. Салазкин был известными общественным и политическим деятелем первой четверти XX в. Он являлся депутатом Государственной думы, представителем торгово-промышленных кругов дореволюционной России. А.С. Салазкин обладал такими качествами как служение высшим интересам Отечества, профессионализм и компетентность, умение проводить в жизнь собственную позицию. Не случайно, что и у наших современников эти имена вызывают уважение.

⁸ Николаев А.Б. Салазкин Аркадий Сергеевич // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 546.

В.В. КАРА-МУРЗА

Поездка П.Н. Милюкова в США в январе 1908 г. и реакция в России

Поездка лидера думской оппозиции П.Н. Милюкова в США в январе 1908 г., продлившаяся неполных четыре дня («совсем по-американски» — отмечал он сам), стала заметным событием в политической жизни России и Америки, однако осталась практически не исследованной в историографии обеих стран.¹

Приглашение общественной организации «Гражданский форум» (Civic Forum) посетить Нью-Йорк и выступить с лекцией о положении дел в России поступило Милюкову еще летом 1907 г., до его избрания членом III Государственной думы от Петербурга.² Депутатский статус внес изменения в график: организаторы согласились перенести лекцию на период думских рождественских каникул, а сам Милюков сократил свое пребывание в Америке до четырех дней, чтобы вернуться в Петербург для участия в заседаниях Думы.³

Подробные сообщения о предстоящем визите появились на страницах американских газет задолго до прибытия самого Милюкова. Отъезд российского депутата из Ливерпуля в Нью-Йорк на лайнере *Carmania* подавался отдельной новостью.⁴ Американская печать называла Милюкова «единственным человеком в России, способным направить социалистические и революционные тенденции в конституционное русло».⁵ «Партия, которую возглавляет профессор Милюков... добивается в первую очередь представительного правления, осуществляемого практически... в форме ответственности царского министерства перед парламентом», — сообщала читателям «The New York Times».⁶

П.Н. Милюков прибыл в Нью-Йорк 31 декабря (13 января).⁷ В тот же день в Городском клубе (City Club) был дан прием в его честь с участием профессоров, журналистов, политических и общественных деятелей, а 1 (14) января лидер Партии народной свободы выступил с

¹ Милюков П.Н. Воспоминания (1859—1917). Нью-Йорк, 1955. Т. II. С. 23.

² Речь. 1908. 6 января.

³ Там же.

⁴ The New York Times. 1908. January 5. (Здесь и далее перевод автора.)

⁵ The Outlook. 1908. January 25.

⁶ The New York Times. 1908. January 10.

⁷ Первая дата здесь и далее указана по действовавшему в России юлианскому календарю, вторая — по действовавшему в США григорианскому календарю.

лекцией на тему «Конституционное правление для России». В собрании, которое проходило в Карнеги-холле под председательством вице-президента «Гражданского форума», англиканского епископа Нью-Йорка Генри Поттера, участвовало около четырех тысяч человек.⁸ «Мы считаем невозможным построить стену между нами и любой другой страной, — обратился председательствующий к российскому гостю. — Особенно, мой дорогой профессор, это касается той великой страны, которой мы были столь многим обязаны в самые критические моменты нашей истории».⁹

Основную часть своего выступления П.Н. Милюков посвятил историческому экскурсу в события 1905—1907 гг., которые он разделил на четыре отчетливо различимых периода: «общенациональную фазу» освободительного движения, завершившуюся подписанием Манифеста 17 октября 1905 г., «революционную фазу», связанную с декабрьским восстанием в Москве, «конституционную фазу» — недолгий период работы I Государственной думы и «контрреволюционную фазу», начавшуюся с роспуском первой Думы и окончательно оформившуюся после «третьеиюньского переворота» 1907 г. «При новом режиме народного представительства исполнительная власть попыталась остаться тем, чем была раньше, и даже не подумала менять свои прежние методы управления», — отметил лидер кадетов, приведя в пример участие властей в организации погромов, государственную поддержку крайне правого «Союза русского народа» и изданные в обход Основных законов избирательные правила 3 июня 1907 г., по которым «около тридцати тысяч крупнейших землевладельцев получили право избирать большинство третьей Думы».¹⁰ Как подчеркнул Милюков, установившееся политическое положение «крайне нестабильно, поскольку представляет собой чрезмерный компромисс с самодержавием» и «вероятно, приведет к новым осложнениям и спровоцирует новое противостояние».¹¹ «Боюсь, что это не то сообщение, которого вы от меня ждали, — заметил Милюков. — Мне самому было бы гораздо приятнее ответить... что в Россию вернулись спокойствие и безопасность. Но я здесь, чтобы говорить вам правду».¹²

Лидер кадетов отметил, что его партия, находящаяся «в центре политического движения» и выступающая за установление подлинного конституционного строя с ответственным министерством, вызывает

⁸ *Milyoukov P.* Constitutional Government for Russia. New York, 1908. [P. I].

⁹ The New York Times. 1908. January 15.

¹⁰ *Milyoukov P.* Op. cit. P. 16, 24.

¹¹ Ibid. P. 5.

¹² Ibid. P. 26.

одинаковое неприятие со стороны реакции и со стороны революционеров — «именно потому, что она всегда оставалась в рамках практических возможностей. [...] Если в России укоренится конституция, а широкие социальные реформы приведут к успокоению, какие надежды останутся на восстановление самодержавия или на социальный переворот?»¹³ «Меня вызывали на резкости, — вспоминал Милюков о вопросах, последовавших из аудитории после лекции. — Этого я не хотел, а иногда — когда суждения о власти переходили в суждения о России — мне приходилось не только обороняться, но и самому переходить в наступление».¹⁴

Стоит отметить, что в интервью для американской печати во время своей поездки П.Н. Милюков ответил и на обвинения со стороны российского правительства в том, что его партия отказывается осуждать революционный террор. «Мы осуждаем подобные убийства, — заявил кадетский лидер корреспонденту нью-йоркского журнала «The Outlook». — Но возлагаем ответственность за них и за все террористические действия на правительство... Политические преступления невозможно устранить нашим осуждением до тех пор, пока не устранена причина. [...] Нет иного способа предотвратить революцию, кроме проведения реформ».¹⁵

В завершение своей нью-йоркской лекции — предвосхищая политическую бурю, которая разразится по его возвращении в Петербург, — П.Н. Милюков обозначил цель своей поездки. «Как только я уехал в Америку, официозные газеты в России начали распространять ложь, будто я отправился в вашу страну с целью получить деньги для своей партии. Подобными приемами... стараются дискредитировать все и всех, кто стоит в связи с освободительным движением в России, — заметил лидер думской оппозиции. — Но, может быть, в самом деле я явился сюда за какой-нибудь помощью? [...] Пусть так, я согласен, мм. гг.: мне действительно нужно от вас нечто в высшей степени ценное и важное для моей родины. Я добиваюсь здесь вашего человеческого сочувствия: сочувствия всему великому страданию и горю униженных и оскорбленных моей родины; сочувствия всем благородным усилиям положить конец этому страданию».¹⁶ «Судя по аплодисментам, — отмечала «The Washington Post», — его миссия была выполнена».¹⁷ Собрание «Гражданского форума» завершилось единогласным принятием резолюции с благодарностью докладчику.¹⁸

¹³ Ibid. P. 4—5.

¹⁴ Ibid.; Милюков П.Н. Указ. соч. Т. II. С. 25.

¹⁵ The Outlook. 1908. January 25.

¹⁶ Речь. 1908. 27 января.

¹⁷ The Washington Post. 1908. January 15.

¹⁸ Milyoukov P. Op. cit. P. 32.

На следующий день, 2 (15) января, П.Н. Милюкову предстояло выполнить последний пункт своей американской поездки — выступить в Вашингтоне перед членами Конгресса и правительства США. В столице, куда он приехал из Нью-Йорка десятичасовым утренним поездом, Милюков поселился в гостинице «New Willard». ¹⁹ Вечером в доме конгрессмена Герберта Парсонса на 19-й улице состоялся прием в честь члена российской Государственной думы, на котором присутствовали около ста гостей, в том числе 57 членов обеих палат Конгресса США. ²⁰ Среди последних были спикер Палаты представителей Джозеф Кэннон и лидер республиканского большинства в палате Серено Пэйн. На вечере присутствовали трое членов кабинета министров: военный министр Уильям Тафт, министр внутренних дел Джеймс Гарфилд и министр торговли Оскар Страус. ²¹ Кэннон, Пэйн и Тафт в числе прочих были и на ужине с Милюковым, который проходил в более тесном кругу перед началом официального приема.

Выступление П.Н. Милюкова в Вашингтоне почти полностью повторило его нью-йоркскую лекцию: лидер кадетов рассказал об истории освободительного движения после 1905 г., о работе I и II Государственных дум, о попытках правительства ограничить свободы, данные Манифестом 17 октября, о последствиях третьиюньского избирательного закона и раскладе сил в третьей Думе, подробно остановившись на описании политических позиций различных думских фракций. Касаясь программы собственной партии, Милюков подчеркнул, что она, в отличие от революционеров, «не поддерживает упразднение монархической формы правления, но стремится ограничить ее полномочия так же, как они ограничены в Великобритании или Италии». ²² «Тут было собрание государственных людей и видных политических деятелей; их интересовало не столько мое освещение фактов, сколько самые факты, — вспоминал Милюков. — Я нашел собрание довольно малоосведомленным. Но понимали они меня с полуслова». ²³ Подробный отчет о выступлении лидера думской оппозиции на приеме в доме конгрессмена Парсонса был опубликован на следующий день в газете «The Washington Herald». ²⁴ Хозяин вечера отметил, что «лидер Конституционно-демократической партии России пользуется полным сочувствием

¹⁹ Herbert Parsons Papers, 1898—1925 (Columbia University). Box 7. Letter from Robert Ely to Herbert Parsons. January 14, 1908.

²⁰ Herbert Parsons Papers. Box 7. List of guests; The Washington Post. 1908. January 16.

²¹ Herbert Parsons Papers. Box 7. List of guests.

²² The Washington Herald. 1908. January 16.

²³ Милюков П.Н. Указ. соч. Т. II. С. 26.

²⁴ The Washington Herald. 1908. January 16.

каждого члена правительства Соединенных Штатов»; эти слова были встречены «продолжительными аплодисментами всех присутствующих». ²⁵

Впрочем, один из гостей, предполагавших присутствовать на ужине в честь П.Н. Милюкова, был вынужден отклонить приглашение. Еще в декабре 1907 г. председатель нью-йоркского Общества друзей русской свободы Джон Рейнолдс рассказал президенту США Теодору Рузвельту о предстоящем визите российского депутата и возможном ужине в его честь. ²⁶ Рузвельт нашел эту идею «прекрасной» и выразил надежду, что она будет осуществлена. ²⁷ По сведениям американской печати, президент намеревался либо посетить прием в доме Парсонса, либо пригласить Милюкова на встречу в Белый дом. ²⁸ «Визит русского гостя президенту республики считался вполне естественным и само собой подразумевающимся как самим Рузвельтом, так и друзьями П.Н., — сообщала петербургская «Речь». — Эти последние еще до приезда Милюкова составили нечто вроде расписания его времени, в которое был включен и прием [Рузвельтом] в Вашингтоне». ²⁹

Однако встреча не состоялась. Узнав о предполагавшемся визите П.Н. Милюкова в Белый дом, российский посол в Вашингтоне бар. Р.Р. Розен сам поехал к президенту и «обратил внимание на то, что партия, во главе которой стоит П.Н., русским правительством считается революционной». ³⁰ «Президент Рузвельт очень расположен к Милюкову, но не может его принять из-за возражения русского посла, — пояснили организаторы визита кадетского лидера. — Президент Рузвельт выразил глубокое сожаление по поводу того, что не смог встретиться со столь выдающимся... государственным деятелем». ³¹ Сам Милюков заявил, что «Рузвельт не мог поступить иначе». ³² Демарш бар. Розена, по свидетельству журналистов, был сочтен в Вашингтоне «крупной бестактностью». ³³ «Уже после моего приезда в Вашингтон, за полчаса до предполагавшегося обеда и приема, мне предложили написать письмо к г. Розену с просьбой об интродукции к г. Рузвельту, после чего, говорили мне, президент меня тотчас же примет», — вспоминал

²⁵ *Milyoukov P.* Op. cit. [P. I]

²⁶ Herbert Parsons Papers. Box 6. Letter from John Bronson Reynolds to Herbert Parsons. December 23, 1907.

²⁷ Ibid.

²⁸ The Washington Herald. 1908. January 14.

²⁹ Речь. 1908. 18 января.

³⁰ Там же.

³¹ The Washington Post. 1908. January 17.

³² Ibid.

³³ Речь. 1908. 18 января.

П.Н. Милюков.³⁴ Однако писать такое обращение он отказался. «Произошло это... не потому, чтобы я избегал сношений с представителями моего правительства за границей, — объяснял лидер кадетов, — а потому, что после всех предыдущих шагов г. Розена не был уверен, что наш представитель взглянет на дело так, как взглянул бы, например, представитель республиканского правительства в Петербурге на визит в нашу столицу демократа Брайана».

Приведенный Милюковым пример не был случайным. Уильям Дженнингс Брайан — политический оппонент Теодора Рузвельта, один из лидеров Демократической партии США, трижды выдвигавшийся на пост президента, посещал Россию в 1903 и 1906 гг. Оба раза назначенные республиканцем Рузвельтом послы в Петербурге оказывали демократу Брайану всяческое содействие: в 1903 г. Роберт Маккормик устроил ему встречу с Николаем II; в 1906-м Джордж Майер организовал Брайану билет в дипломатическую ложу в зале заседаний Государственной думы и пригласил на обед в свою резиденцию.³⁵ Как видно, отношение российского посла к визиту члена российского парламента было иным. «Г. Розен в Вашингтоне, как и большинство наших дипломатов, так мало избалован победами в вопросах, относящихся к действительным государственным интересам России, что активность, проявленная в вопросе о завтраке П.Н. Милюкова [в Белом доме], может составить большой плюс в его дипломатической деятельности, — ехидно замечала «Речь». — Престиж внешнего могущества России был спасен г. Розеном, и П.Н. Милюков приглашения на завтрак от Рузвельта действительно не получил. [Однако] в Вашингтоне в честь П.Н. Милюкова был устроен банкет, на котором приняли участие министры, члены Конгресса и др. выдающиеся общественные деятели, — этого опасного для России предприятия и бар. Розен предотвратить не мог».³⁶

На следующее утро, 3 (16) января, лидер партии народной свободы вернулся в Нью-Йорк и отбыл в Европу французским пароходом «La Logaine». Уже после отъезда Милюкова в Нью-Йорк на его имя пришла срочная телеграмма из России: «Необходимо, чтобы вы привезли полный отчет о своих выступлениях в Америке».³⁷ Это было первым предупреждением о готовящемся скандале.

Кампания против П.Н. Милюкова на страницах проправительственной и консервативной печати началась еще до его возвращения в Петербург. Крайне правые газеты рассказывали своим читателям фанта-

³⁴ Речь. 1908. 22 января.

³⁵ *Bryan W.J.* The Old World and Its Ways. St. Louis, 1907. P. 545, 406; The Washington Post. 1906. June 14.

³⁶ Речь. 1908. 6 января.

³⁷ The Washington Post. 1908. January 17.

стические истории о торжественном приеме, устроенном Милюкову «в переполненной евреями нью-йоркской кафедральной синагоге», о том, что «миллиардеры собрали для кадетов 250 000 долларов» и что лидер партии народной свободы обещал «передачу американцам Восточной приморской полосы Сибири после свержения царского правительства». ³⁸ Газета «Русское знамя» — центральный орган «Союза русского народа» — выпустила специальное приложение, посвященное поездке кадетского лидера, в котором говорилось, что в своем выступлении в Карнеги-холле «Милюков самым подробным образом изложил перед собранием ход финансируемого американцами предприятия по расчленению России, до мелочей оправдываясь во всех произведенных затратах». ³⁹ «Жидовский наймит», «Иуда-предатель», «клеветник», «изменник своему народу» — эти и подобные эпитеты по адресу лидера думской оппозиции не сходили со страниц правых газет. ⁴⁰ «Это новое, торжественное, на весь свет, оскорбление несчастной родине нашей, гадкая пощечина ей, подстроенная жидами обоих полушарий и нанесенная рукой бездарного продавшегося евреям ех-профессора, — писал ведущий публицист «Нового времени» М.О. Меньшиков. — Реальная опасность нью-йоркской демонстрации пока невелика, но это не уменьшает безмерной низости русского человека, поехавшего в Америку, чтобы способствовать иностранному вмешательству в дела России». ⁴¹

Правые газеты публиковали письма читателей, возмущенных выступлением Милюкова в США, в том числе его «дальнего родственника» А. . и «сторонников партии народной свободы», пожелавших «выразить... негодовани[е] по поводу его выходов против России». ⁴² Письмо «сторонников», впрочем, было опубликовано без подписей — как пояснила редакция газеты «Свет», авторы просили остаться неизвестными «страха ради иудейска». ⁴³ «Г-дам Жидюковым не место в русском парламенте, — негодовал Меньшиков. — Неужели в Государственной думе нашей... не найдется горсти патриотов, чтобы высказать г. Милюкову негодование за его предательскую, оскорбительную для России поездку в Америку?» ⁴⁴

³⁸ Русское знамя. 1908. 8 января; Вече. 1908. 2 февраля; Русское знамя. 1908. 23 января.

³⁹ Русское знамя. 1908. 23 января.

⁴⁰ Вече. 1908. 27 января; Колокол. 1908. 29 января; Колокол. 1908. 7 февраля.

⁴¹ Новое время. 1908. 19 января.

⁴² Вече. 1908. 31 января; Свет. 1908. 28 января.

⁴³ Свет. 1908. 28 января.

⁴⁴ Новое время. 1908. 19 января.

Словно услышав призыв публициста «Нового времени», правые продолжили свою кампанию против П.Н. Милюкова уже в самом Таврическом дворце. На заседании 22 января (4 февраля) во время дебатов о предложении председателя комиссии государственной обороны А.И. Гучкова закрыть заседания комиссии для членов Думы, не входящих в ее состав (депутаты оппозиции, не включенные в комиссию, восприняли это как оскорбление в свой адрес и как «классификацию народных представителей на способных и неспособных хранить государственные тайны»), на трибуну поднялся один из лидеров думских правых В.М. Пуришкевич.⁴⁵ «Если бы я был морским министром или русским военным министром и если бы, господа, в такую комиссию, которая меня пригласила бы, вошел депутат Милюков, я бы... застегнулся на все пуговицы и вышел бы из этой комиссии», — заявил оратор.⁴⁶ Сходя с трибуны, Пуришкевич указал рукой на лидера кадетов и выкрикнул: «Милюков мерзавец... Милюков подлец!» На предложение председателя Государственной думы Н.А. Хомякова извиниться за то, что он «позволил себе оскорбить одного из наших товарищей по Думе», Пуришкевич заявил, что предпочитает «выйти на десять заседаний... но с удовольствием плюнуть в лицо члена Государственной думы Милюкова».⁴⁷ По инициативе Хомякова Дума постановила устранить Пуришкевича на 15 заседаний; решение было принято подавляющим большинством против десяти голосов крайне правых.⁴⁸

Выходка Пуришкевича не была согласована с руководителями правых фракций. «Новое время» замечало, что своим поведением депутат «переводит себя в такие сферы, где убожество мысли покрывается употреблением площадных слов», а один из лидеров умеренно правых П.Н. Крупенский заявил, что способ, выбранный Пуришкевичем, «прямо мешает нашему делу».⁴⁹

Впрочем, уже на следующем заседании Думы, 25 января (7 февраля), правые и октябристы — по инициативе того же Крупенского — сумели облечь обструкцию Милюкова в парламентские формы.⁵⁰ Как только лидер кадетской фракции поднялся на трибуну, чтобы выступить по вопросу о закрытии заседаний комиссии государственной обороны и ответить критикам по поводу своей американской поездки, правые и большинство октябристов поднялись со своих мест и покину-

⁴⁵ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. СПб., 1908. Ч. I. Стб. 1514.

⁴⁶ Там же. Стб. 1417—1418.

⁴⁷ Там же. Стб. 1419.

⁴⁸ Русь. 1908. 23 января.

⁴⁹ Новое время. 1908. 23 января; Русь. 1908. 23 января.

⁵⁰ Русь. 1908. 27 января.

ли зал, тем самым сорвав кворум.⁵¹ То же самое члены думского большинства проделали и после перерыва, вынудив председательствующего кн. В.М. Волконского объявить заседание закрытым. «Должен признать, что мое первое впечатление было жуткое, — вспоминал Милюков. — Как-никак это же была Государственная дума, законное народное представительство».⁵² Несколько октябристов остались на своих местах: в их числе были В.А. Остроградский, В.В. Хвоцинский, В.М. Петрово-Соловово, а также А.И. Гучков.⁵³ Последний, впрочем, после перерыва в зал уже не вернулся; как отмечала либеральная газета «Русь», «по обыкновению А.И. оказался весьма гибким и растяжимым. Не демонстрировал перед Милюковым, но и не обидел и своих».⁵⁴ В «Воспоминаниях», написанных три десятилетия спустя «при отсутствии всяких материалов, кроме запаса... памяти», П.Н. Милюков ошибочно указал, что лидер октябристов вышел из зала вместе с остальными.⁵⁵ «Я смотрел на Гучкова и ждал, как поступит мой бывший университетский товарищ, сидевший в центре, — писал Милюков. — Когда эта часть залы опустела, поднялся и он — и своей тяжелой походкой (последствие раны в ногу, полученной в бурской войне) направился к выходу».⁵⁶ По всей видимости, эта сцена, оставшаяся в памяти Милюкова на многие годы, произошла после объявления председательствующим перерыва.

«Поступок большинства, или, как его называют, демонстрацию я считаю некорректной, — заявлял левый октябрист М.Я. Капустин. — Нельзя целый день говорить по адресу политического деятеля, безусловно, непроверенные слова и суждения — и бежать, когда он хочет что-то разъяснить».⁵⁷ Справа, напротив, требовали не останавливаться на бойкоте и «изгнать из... состава [Думы] оскорбителя национального достоинства русского народа».⁵⁸ На последнее требование правых защитники Милюкова замечали, что, будучи одним из немногих членов Государственной думы, избранных прямой подачей голосов (Петербург наряду с еще четырьмя городами имел в Думе особое представительство), он имеет большее право говорить от лица избирателей, нежели его критики. «В упоении механическим успехом июньского

⁵¹ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. Ч. I. Стб. 1507—1508.

⁵² Милюков П.Н. Указ. соч. Т. II. С. 19—20.

⁵³ Русь. 1908. 26 января.

⁵⁴ Русь. 1908. 29 января.

⁵⁵ Милюков П.Н. Указ. соч. Т. I. С. 7.

⁵⁶ Милюков П.Н. Указ. соч. Т. II. С. 20.

⁵⁷ Русь. 1908. 27 января.

⁵⁸ Колокол. 1908. 27 января.

закона реакционная печать слишком быстро старается забыть, что меньшинство в третьей Думе — оппозиция — представляет большинство в стране, — писала «Русь». — Правые должны всегда иметь в виду, что столь ненавистного им Милюкова выбирали прямой подачей голосов; за него было подано 22 000 записок! [...] Правые же по куриям крупных землевладельцев избирались хорошо, если несколькими сотнями голосов, чаще десятками и иногда даже единицами». ⁵⁹

Демонстрация против П.Н. Милюкова, грозившая остановить работу Государственной думы, продлилась один день. Уже на следующем заседании, 29 января (11 февраля), лидер конституционно-демократической фракции выступил по вопросу о закрытии комиссии государственной обороны, ни словом не упомянув об американской поездке. Своеобразный демарш устроили лишь три десятка депутатов на крайне правом фланге, «как по команде» развернувшие газеты, когда Милюков поднялся на трибуну. ⁶⁰ Бойкот был окончен. Впрочем, еще многие месяцы и даже годы выступления лидера кадетов в Думе прерывались выкриками из правой части зала на «американские» темы. ⁶¹ Последнее упоминание о поездке встречается на заседании 30 марта (12 апреля) 1911 г. в выступлении Н.Е. Маркова-второго, заявившего, что Милюков «ездил в Америку бороться с русским государством». ⁶²

Скандал, устроенный правой печатью и правым крылом Думы, послужил поводом для дискуссий о сути патриотизма и о том, тождественна ли критика власти критике страны. «Надо домашний сор не копить в избе, а поскорее из нее вымести, — написал Милюков в своей не произнесенной из-за думского бойкота речи. — Я предоставляю... моим противникам решать, нужно или не нужно, преступно или не преступно возбуждать симпатии цивилизованных наций к нашему народу... и тем укрепить наше международное положение. ...Пусть обиженные моей критикой не кричат об обиде, нанесенной России». ⁶³ «Чествование Милюкова выдающимися общественными и политическими американскими деятелями выставляется как обида для русского народа, точно сам Милюков не является частью и представителем этого народа, точно овации, устроенные ему, не были в то же время овации-

⁵⁹ Русь. 1908. 27 января.

⁶⁰ Новое время. 1908. 30 января.

⁶¹ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. СПб., 1908. Ч. III. Стб. 2004; Там же. Сессия вторая. СПб., 1908. Ч. I. Стб. 1491; Там же. Сессия третья. СПб., 1910. Ч. II. Стб. 1621; Там же. Сессия четвертая. СПб., 1910. Ч. I. Стб. 1296.

⁶² Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1911 г. Сессия четвертая. Ч. III. СПб. 1911. Стб. 2066.

⁶³ Речь. 1908. 27 января.

ями и по адресу тех десятков тысяч избирателей, которые П.Н. Милюкову поручили защиту высших интересов своей родины», — писал прабокадетский публицист А.С. Изгоев, обвинивший критиков Милюкова в стремлении «вместо правового государства насадить господство черни, натравливаемой демагогами, доносчиками и авантюристами... под флагом патриотизма». ⁶⁴ Изгоев подчеркивал, что патриотизм невозможно отождествлять «с благом сотни и тысячи русских чиновников». ⁶⁵ Либеральная печать напоминала, что выразители официальной позиции не раз апеллировали к западному мнению; в их числе были К.П. Победоносцев, В.К. Плеве, П.А. Столыпин, а также сам М.О. Меньшиков. ⁶⁶ «Когда представители оппозиции изображают положение дел в России в истинном свете... тогда это есть призыв к «моральному вмешательству», граничащий с государственной изменой, — отмечала «Речь». — А когда организаторы официального мнения за границей систематически пытаются представить то же положение в ложном свете, с намерением привлечь симпатии иностранного мнения не к России вообще, а к своей ничтожной кучке, то это, вероятно, есть высший подвиг патриотизма?» ⁶⁷

Демарш В.М. Пуришкевича, демонстрация думского большинства против лидера кадетов и дебаты вокруг его поездки в США подробно освещались в американской печати. В июле 1908 года «The New York Times» опубликовала пространное — почти на всю полосу — интервью своего петербургского корреспондента с П.Н. Милюковым, посвященное политической ситуации в России. «Картина, которую рисует господин Милюков... не слишком обнадеживающая[:] произвольный контроль за печатью, преобладание чрезвычайных законов, насмешка над правосудием в виде военно-полевых судов, — отмечала газета в редакционном комментарии. — Но уже то, что господин Милюков находится не в темнице и не на Сахалине, а является лидером важной группы в национальном парламенте, указывает на то, какой прогресс был достигнут». ⁶⁸

⁶⁴ Речь. 1908. 24 января.

⁶⁵ Речь. 1908. 26 января.

⁶⁶ Речь. 1908. 25 января.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ The New York Times. 1908. July 19.

С.В. КУЛИКОВ

Камарилья и IV Государственная дума: назначение товарища председателя нижней палаты А.Д. Протопопова управляющим МВД

Отношения камарильи, неофициального окружения Николая II, и IV Государственной думы рассматриваются в историографии прежде всего в аспекте доминирующего влияния камарильи на формирование личного состава царского правительства, что, якобы, нашло свое выражение в той решающей роли, которую она сыграла при назначении управляющими МВД депутата нижней палаты А.Н. Хвостова¹ (сентябрь 1915 г.) и товарища (заместителя) председателя IV Думы А.Д. Протопопова² (сентябрь 1916 г.). Если относительно А.Н. Хвостова закрепившееся в историографии мнение получило развернутое опровержение,³ то в случае с А.Д. Протопоповым⁴ по направлению к пересмотру исторического стереотипа предприняты лишь первые шаги.⁵ По мнению Р. Пайпса, неординарность назначения А.Д. Протопопова состояла в том, что у него... отсутствовал чин,⁶ хотя, в действительности, при получении министерского портфеля А.Д. Протопопов имел чин действительного статского советника, т.е. чин «статского генерала». Но главное, конечно же, не в этом — впервые за всю историю дореволюционной Государственной думы 16 сентября 1916 г. Николай II поставил во главе самого влиятельного министерства Российской империи не просто депутата Думы, но товарища ее председателя!

¹ См. о думской деятельности А.Н. Хвостова: *Николаев А.Б.* Хвостов Алексей Николаевич // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 658—659.

² См. о думской деятельности А.Д. Протопопова: *Николаев А.Б.* Протопопов Александр Дмитриевич // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 506.

³ *Куликов С.В.* Назначение Алексея Хвостова управляющим МВД: предыстория и механизм // Петербургский исторический журнал. 2014. № 2—4.

⁴ Служебный формуляр А.Д. Протопопова см.: *Шилов Д.Н.* Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений. 1802-1917. Биобиблиографический справочник. СПб., 2001. С. 550-551.

⁵ *Куликов С.В.* Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914—1917). Рязань, 2004. С. 278—280.

⁶ *Пайпс Р.* Русская революция: в 2-х ч. М., 1994. Ч. 1. С. 278.

Между тем большинство современников и исследователей разделяли мнение о назначении А.Д. Протопопова исключительно по выбору старца Г.Е. Распутина, которого поддержали императрица Александра Федоровна и подруга царской семьи А.А. Вырубова и настроили, в соответствующем смысле, доктор тибетской медицины П.А. Бадмаев и его пациент генерал П.Г. Курлов, являвшийся, одновременно, однополчанином и другом А.Д. Протопопова. Это мнение, впервые обоснованное следователем ЧСК Ф.П. Симсоном,⁷ нашло поддержку у некоторых эмигрантских авторов, например — генерала А.И. Спиридовича,⁸ и даже у серьезных советских историков, в частности — В.С. Дякина и А.Я. Авреха. А.Д. Протопопов, отмечал В.С. Дякин, был назначен потому, что Г.Е. Распутин «усилил нажим на Николая II».⁹ В свою очередь, А.Я. Аврех дал наиболее подробное обоснование версии о решающей роли камарильи при подготовке назначения А.Д. Протопопова.¹⁰ Какие же основания для этого дают исторические источники?

В конце 1915 — начале 1916 гг. А.Д. Протопопов проходил курс лечения в санатории П.А. Бадмаева, который как «давнишний врач и старый друг» П.Г. Курлова¹¹ тогда же принимал у себя и опального генерала. Сам факт появления думца в санатории на Поклонной горе нельзя расценивать как нечто необычное, поскольку пациентом П.А. Бадмаева А.Д. Протопопов, по данным Ф.П. Симсона, являлся «всю жизнь, начиная с того времени, когда он был еще юным офицером Конно-гренадерского полка и Бадмаев лечил его от какой-то венерической болезни».¹² Согласно телеграммам А.Д. Протопопова П.А. Бадмаеву, он пользовал этого пациента, как минимум, с 1903 г.¹³ Кроме того, по свидетельству П.А. Бадмаева, А.Д. Протопопов болел не «какой-то венерической болезнью», а «острым миелитом и опухолью ног».¹⁴

⁷ Постановление следователя ЧСК Временного правительства Ф.П. Симсона. 1 ноября 1917 г. // *Искендеров И.И.* Закат Империи. М., 2001. С. 332—333, 357—358.

⁸ *Спиридович А.И.* Великая война и Февральская революция. Воспоминания. Минск, 2004. С. 353—354.

⁹ *Дякин В.С.* Царизм и Первая мировая война // Кризис самодержавия в России. 1895—1917. Л., 1984. С. 606.

¹⁰ *Аврех А.Я.* Царизм накануне свержения. М., 1989. С. 136—139.

¹¹ *Курлов П.Г.* Гибель Императорской России. М., 1991. С. 167.

¹² Постановление следователя ЧСК Временного правительства Ф.П. Симсона. С. 357.

¹³ *Бадмаев П.А.* За кулисами царизма. Минск, 2001. С. 24.

¹⁴ Постановление следователя ЧСК Временного правительства Ф.П. Симсона. С. 357.

Когда у А.Д. Протопопова, показывал председатель IV Думы М.В. Родзянко, «сделалась туберкулезная язва на ноге, и вообще врачи от него отказались, говорили, что ногу надо ампутировать, а Бадмаев вылечил». ¹⁵

Явно вступая в противоречие даже с Ф.П. Симсоном, А.Я. Аврех писал, что уже осенью 1914 г. «окончательно сложился тройственный союз — Протопопов, Бадмаев, Курлов», подтверждение чему видел в следующих дневниковых записях журналиста С.Д. Протопопова, младшего брата Александра Дмитриевича: «Бадмаев — эгоист и подхалим при сильных: дружит с Курловым, Распутиным. Груб, хитер и шарлатан» (4 ноября 1914 г.); «Подчинил он (Бадмаев. — С.К.) себе Александра Дмитриевича бесхарактерного» (27 февраля 1915 г.); «Вчера Александр Дмитриевич отправился к Бадмаеву... Нельзя не поехать: там можно узнать о Распутине» (29 июня 1916 г.). ¹⁶ Элементарное сопоставление этих дневниковых записей не дает никаких оснований для вывода, сделанного советским историком, позволяя лишь убедиться, что отношение младшего брата к старшему, равно как и к его знакомым, отличала ярко выраженная ирония, иногда — довольно злая.

В конце 1915 — начале 1916 г. санаторий П.А. Бадмаева навещал и Г.Е. Распутин, к которому ранее доктор относился отрицательно, но сблизился с ним осенью 1914 г., хотя и после примирения доктора и старца, подчеркивал следователь ЧСК В.М. Руднев, «их личные отношения не выходили из рамок отдельных услуг со стороны Распутина по проведению очень немногочисленных ходатайств». ¹⁷ Более того, старец «не особенно верил Бадмаеву», говорил журналисту И.Ф. Манасевичу-Мануйлову: «Этот китаец за грош продаст» и позднее «предостерегал» А.Д. Протопопова от П.А. Бадмаева. ¹⁸ Сам А.Д. Протопопов показывал, что познакомился с Г.Е. Распутиным у П.А. Бадмаева по его инициативе «зимой 1915 г.», т.е., очевидно, в декабре указанного года. «С того времени, — вспоминал А.Д. Протопопов, — я изредка встречался с Распутиным у Бадмаева. Курлов тоже часто бывал у него». ¹⁹

¹⁵ Допрос М.В. Родзянко // Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства: в 7-ми т. М.; Л., 1927. Т. 7. С. 141.

¹⁶ Аврех А.Я. Указ. соч. С. 139, 180.

¹⁷ Руднев В.М. Правда о царской семье и «темных силах» // Святой черт. Тайна Григория Распутина. Воспоминания. Документы. Материалы Следственной комиссии. М., 1990. С. 290.

¹⁸ Допрос И.Ф. Манасевича-Мануйлова. 10 апреля 1917 г. // ПЦР. М.; Л., 1925. Т. 2. С. 67.

¹⁹ Показания А.Д. Протопопова // ПЦР. М.; Л., 1925. Т. 4. С. 12—13.

Показания А.Д. Протопопова каких-либо возражений со стороны Ф.П. Симсона не вызвали.²⁰

Подразумеваемая старца, А.Д. Протопопов резонно отмечал: «Мое знакомство и его расположение ко мне — дело случая отношений моих к Бадмаеву и Распутину к нему же, а затем к Курлову и ко мне».²¹ Между тем А.Я. Аврех относил знакомство А.Д. Протопопова и Г.Е. Распутину... к осени 1913 г., поскольку утверждал, что «Распутину понадобилось, по меньшей мере, три года, чтобы совершить свой очередной «мудрый акт», т.е. вручить А.Д. Протопопову министерский портфель, хотя — тут же противоречил самому себе, когда далее делал вывод, что «Распутин еще в 1914 г. обещал ему, что он будет министром, но дальше слов не шел». Обосновывая свой вывод, А.Я. Аврех сослался на конкретное место из допроса А.Д. Протопопова от 21 марта 1917 г.,²² но при обращении к этому источнику обнаруживается, что там говорится совсем о другом — об обстоятельствах поиска трупа старца после его убийства в ночь с 16 на 17 декабря 1917 г.

«Мысль провести меня на административный пост, — полагал А.Д. Протопопов, — возникла у Бадмаева; думаю, он хлопотал главное за Курлова, которого очень любил, и видя, что и я с ним сошелся». Однако учитывая недоверие старца к доктору, представляется, что в данном случае первый действовал независимо от последнего. В самом деле, однажды, в отсутствие А.Д. Протопопова, Г.Е. Распутин сказал П.А. Бадмаеву, что «его осенило» и что товарищ председателя Думы будет «полезен, как председатель Совета министров», и доктор поддержал идею старца, выступая за проведение в «члены правительства» не только А.Д. Протопопова, но и П.Г. Курлова. «Распутин, — показывал А.Д. Протопопов, — все наши разговоры передавал царице и царю, что нам и говорил».²³ Почему же именно в декабре 1915 г. старец решил выдвинуть перед венценосцами кандидатуру А.Д. Протопопова в премьеры? В это время Николай II искал преемника председателю Совета министров И.Л. Горемыкину, о чем Г.Е. Распутину было хорошо известно, причем поиски царя остановились на его личном кандидате Б.В. Штюмере.²⁴ Однако А.Я. Аврех, не используя

²⁰ Постановление следователя ЧСК Временного правительства Ф.П. Симсона. С. 357.

²¹ Показания А.Д. Протопопова. С. 13.

²² Допрос А.Д. Протопопова. 21 марта 1917 г. // ПЦР. М.; Л., 1924. Т. 1. С. 163.

²³ Показания А.Д. Протопопова. С. 13, 61.

²⁴ См. подробнее: *Куликов С.В.* Назначение Бориса Штюмера председателем Совета министров: предыстория и механизм // Источник. Историк. История. Сборник научных работ. СПб., 2001. Вып. 1. С. 387—428.

даже фиктивные ссылки, писал: «Лишь летом 1916 г. под влиянием П.А. Бадмаева и П.Г. Курлова «старец» решил, наконец, вывести Протопопова из «резерва» и дать ему министерский пост... В результате возникла идея о Министерстве внутренних дел, и даже обсуждался вариант о премьерстве».²⁵ Но, как видно из показаний А.Д. Протопопова, «вариант о премьерстве» появился не летом 1916, а еще зимой 1915 г., и если советский историк утверждал иное, то только потому, что, некритически воспринимая «распутинскую легенду», вставил эпизод с идеей старца о выдвижении думца в премьеры непосредственно перед получением им, в сентябре 1916 г., министерского портфеля. Между тем зимнюю рекомендацию Г.Е. Распутина Николай II попросту проигнорировал. «Через некоторое время, — вспоминал А.Д. Протопопов, — Бадмаев мне передал, что царь сказал, что меня не знает, и дело заглохло».²⁶ Кстати, именно поэтому мнение А.Я. Авреха, что А.Д. Протопопов «являлся полноправным членом шайки»,²⁷ т.е. камарилья, является курьезом, иначе бы Николай II немедленно исполнил пожелание старца.

Зимой 1915—1916 гг., когда стало колебаться положение министра финансов П.Л. Барка, показывал банкир Д.Л. Рубинштейн, закончилась неудачей и попытка группы его петроградских коллег, в которую входили А.И. Вышнеградский, А.И. Путилов и Е.Г. Шайкевич, провести А.Д. Протопопова через Г.Е. Распутина в министры финансов.²⁸ Впрочем, сам Д.Л. Рубинштейн говорил А.Д. Протопопову, что П.Л. Барк «думал» о его проведении на пост товарища министра финансов.²⁹ Во всяком случае, 23 августа 1915 г. А.Д. Протопопов виделся с П.Л. Барком,³⁰ который «говорил» о нем Николаю II.³¹ Так или иначе, но, в силу отсутствия влияния камарилья на высшую кадровую политику самодержавия, в начале 1916 г. А.Д. Протопопов не стал ни председателем Совета министров, ни министром финансов.

Возвышение товарища председателя нижней палаты предопределила не камарилья, а именно IV Государственная дума, которая выбрала А.Д. Протопопова руководителем заграничной делегации законодательных учреждений Российской империи. Делегация в течение ап-

²⁵ Аврех А.Я. Указ. соч. С. 137.

²⁶ Показания А.Д. Протопопова. С. 13.

²⁷ Аврех А.Я. Указ. соч. С. 140.

²⁸ Протокол допроса Д.Л. Рубинштейна. 31 марта 1917 г. // ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 548. ЛЛ. 52—53.

²⁹ Показания А.Д. Протопопова. С. 32.

³⁰ Малоизвестный источник по истории кризиса верхов накануне Февральской революции (из дневника С.Д. Протопопова) // Советские архивы. 1985. № 1. С. 54.

³¹ Показания А.Д. Протопопова. С. 13.

реля — июня 1916 г. посетила нейтральные (Швеция, Норвегия) и союзные (Великобритания, Франция и Италия) страны.

В Лондоне А.Д. Протопопов «очаровал собою»³² короля Георга V, который «был от него в восторге, от его, так сказать, разговоров»,³³ и вел переговоры с ведущими английскими государственными деятелями, в частности — с Э. Греем.³⁴ Советник посольства России в Лондоне К.Д. Набоков, в ретроспективе относившийся к А.Д. Протопопову отрицательно, признавал, что англичане «приветствовали» в том числе и его выступления. «Особенно памятен мне банкет в Глазго, — вспоминал К.Д. Набоков. — На этом банкете тосты за Россию, речи русских гостей принимались с энтузиазмом, которого трудно было ожидать от невозмутимых шотландцев... На этом обеде от имени делегации речь на английском языке произнес А.Д. Протопопов, и произнес вполне удовлетворительно, хотя сам, кажется, не понимал и половины произносимых им слов».³⁵ Последняя оговорка — яркое доказательство экстраполирования К.Д. Набоковым позднейшей репутации А.Д. Протопопова на более ранний период. Президент Франции Р. Пуанкаре оказался объективнее и, сообщая в дневнике о данном им 23 мая 1916 г. (по н.ст.) завтраке для парламентской делегации, упомянул только о своей беседе с А.Д. Протопоповым.³⁶ Итальянский корреспондент «Русского слова» А.В. Амфитеатров, описывая «в повышенных тонах» прием, оказанный А.Д. Протопопову в столице Италии, 28 июня 1916 г. отмечал, что он «буквально очаровал римское общество всех его классов» и удостоверял: «редко я видел человека, которого в Риме полюбили так быстро и так серьезно».³⁷

А.Д. Протопопов, подытоживал М.В. Родзянко через год, «очаровал всех членов-дипломатов» и «общественных государственных деятелей за границей».³⁸ Будучи эмигрантом, М.В. Родзянко также констатировал, что А.Д. Протопопов «имел успех во время поездки парламентской делегации».³⁹ «Поездка Протопопова за границу во главе

³² *Жевахов Н.Д.* Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода: в 2-х т. М., 1993. Т. 1. С. 178.

³³ Допрос князя М.М. Андроникова. 6 апреля 1917 г. // ПЦР. Т. 1. С. 400.

³⁴ Малоизвестный источник по истории кризиса верхов. С. 55.

³⁵ *Набоков К.Д.* Испытания дипломата. СПб., 2014. С. 32, 35.

³⁶ *Пуанкаре Р.* На службе Франции. 1915—1916: в 2-х т. М.; Минск, 2002. Т. 2. С. 472.

³⁷ *Мельгунов С.П.* Легенда о сепаратном мире. Канун революции. М., 2006. С. 301.

³⁸ Допрос М.В. Родзянко. С. 141.

³⁹ *Родзянко М.В.* Крушение Империи // Архив русской революции. Берлин, 1926. Т. 17. С. 138.

парламентской делегации, — подчеркивал журналист Д.О. Заславский, — его встречи с виднейшими государственными людьми союзных держав, аудиенции у английского и итальянского королей — все это подняло Протопопова на высоту чрезвычайную». ⁴⁰ Воистину заграничный вояж А.Д. Протопопова стал его личным политическим триумфом.

О новоявленном триумфаторе российские послы в Лондоне, Париже и Риме, граф А.К. Бенкендорф, А.П. Извольский и М.Н. Гирс, которые дипломатическую деятельность А.Д. Протопопова «считали полезной», информировали министра иностранных дел С.Д. Сазонова, ⁴¹ а тот — сообщал о ней царю. ⁴² Но самое главное — однозначно положительный отзыв о главе делегации дал двоюродный брат Николая II, Георг V, который, по сведениям дворцового коменданта генерала В.Н. Воейкова, написал императору письмо «с самой горячей рекомендацией» А.Д. Протопопову: он, подчеркивал английский король, «произвел как на него, так и на государственных деятелей Англии, впечатление человека, обладающего большой государственной мудростью». ⁴³ Близкий к В.Н. Воейкову журналист и издатель князь М.М. Андроников показывал: Георг V «писал государю, что он находится под чрезвычайно хорошим впечатлением после беседы с Протопоповым и радуется, что в России есть такие выдающиеся люди». ⁴⁴ Товарищ обер-прокурора Синода князь Н.Д. Жевахов вспоминал, что король «написал письмо государю императору, прося его величество обратить особое внимание на исключительные способности и дарования А.Д. Протопопова». ⁴⁵ «Английский король, — отмечал министр торговли и промышленности кн. В.Н. Шаховской, подразумевая А.Д. Протопопова, — в личном письме государю дал о нем восторженный отзыв». ⁴⁶ По признанию царя, сделанному им В.Н. Воейкову, ⁴⁷ коро-

⁴⁰ Заславский Д.О. Последний временщик Протопопов. Л., 1927. С. 27. Вопрос о происшедшей в Стокгольме встрече А.Д. Протопопова с сотрудником посольства Германии в Швеции Ф. Варбургом в настоящей статье не анализируется, поскольку данный вопрос получил исчерпывающее рассмотрение у С.П. Мельгунова. См.: Мельгунов С.П. Указ. соч. С. 283—316.

⁴¹ Допрос А.Д. Протопопова. 21 марта 1917 г. С. 113, 119.

⁴² Показания А.Д. Протопопова. С. 59—60.

⁴³ Воейков В.Н. С царем и без царя. Воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II. М., 1994. С. 101.

⁴⁴ Допрос князя М.М. Андроникова. 6 апреля 1917 г. С. 400.

⁴⁵ Жевахов Н.Д. Указ. соч. Т. 1. С. 178.

⁴⁶ Шаховской В.Н. Sic transit gloria mundi. 1893—1917 гг. Париж, 1952. С. 84.

⁴⁷ Воейков В.Н. Указ. соч. С. 101.

левский отзыв явился одной из трех причин назначения Николаем II А.Д. Протопопова министром внутренних дел. Во всяком случае после возвращения главы делегации в Россию П.Л. Барк передавал А.Д. Протопопову, что самодержец «лестно отзывался» о нем.⁴⁸ Королевским отзывом дело, однако, не ограничилось.

По признанию Николая II В.Н. Воейкову, другой причиной назначения А.Д. Протопопова управляющим МВД было выдвижение его кандидатуры М.В. Родзянко на пост министра торговли и промышленности.⁴⁹ Вообще, А.Д. Протопопов «мечтал всегда быть министром торговли и промышленности»,⁵⁰ желая, в крайнем случае, «перейти в Министерство торговли и промышленности на пост товарища министра». ⁵¹ Первой ступенью к вожделенному посту стало назначение А.Д. Протопопова после начала мировой войны председателем Комитета суконной промышленности при Министерстве торговли и промышленности. Председателем комитета он оказался благодаря ходатайству перед руководителем Торгово-промышленного ведомства В.Н. Шаховским начальника Главного интендантского управления Военного министерства генерала Д.С. Шуваева,⁵² с которым А.Д. Протопопов «тесно сошелся», беря на себя посреднические функции по делам комитета,⁵³ причем генерал не просто говорил Николаю II о А.Д. Протопопове,⁵⁴ но отзывался царю «с похвалою» о его деятельности в комитете.⁵⁵

Продвижению А.Д. Протопопова к посту министра торговли и промышленности должны были содействовать и его близкие отношения с главноуправляющим землеустройством и земледелием и фактическим премьером А.В. Кривошеиным, так как он «высоко ценил»⁵⁶ думца, выступавшего в роли информатора фактического премьера. В письме А.В. Кривошеину от 14 июля 1915 г. А.Д. Протопопов ходатайствовал «о часочке времени, который Вы могли бы мне великодушно подарить, дабы я мог устно рассказать то, что письменно не смогу изложить».⁵⁷ А.В. Кривошеин уже прямо проводил А.Д. Протопопо-

⁴⁸ Допрос А.Д. Протопопова. 21 марта 1917 г. С. 119.

⁴⁹ *Воейков В.Н.* Указ. соч. С. 101.

⁵⁰ Допрос И.Ф. Манасевича-Мануйлова. 10 апреля 1917 г. С. 65.

⁵¹ Показания С.П. Белецкого // ПЦР. Т. 4. С. 470.

⁵² *Шаховской В.Н.* Указ. соч. С. 80.

⁵³ Показания С.П. Белецкого. С. 470.

⁵⁴ Допрос А.Д. Протопопова. 21 марта 1917 г. С. 119.

⁵⁵ Показания А.Д. Протопопова. С. 13, 60.

⁵⁶ *Шаховской В.Н.* Указ. соч. С. 84.

⁵⁷ *Куликов С.В.* А.В. Кривошеин и общественные деятели в годы Первой мировой войны. Письма А.И. Гучкова, А.Д. Протопопова, П.Б. Струве // Русское прошлое. 1994. Кн. 5. С. 49.

ва в министры торговли и промышленности,⁵⁸ а для начала — в его товарищи.⁵⁹ На заседании Совета министров 24 июля 1915 г., при обсуждении вопроса о составе Верховной комиссии по расследованию деятельности бывшего военного министра В.А. Сухомлинова, А.В. Кривошеин предложил назначить А.Д. Протопопова ее членом.⁶⁰ Через месяц, 23 августа 1915 г., в самый разгар формирования Прогрессивного блока, один из его лидеров встречался с фактическим премьером.⁶¹

В.Н. Шаховской также планировал пригласить А.Д. Протопопова на пост товарища министра торговли и промышленности,⁶² хотя и понимал, что целью думца является его собственный министерский портфель.⁶³ Видимо поэтому, беседа с А.Д. Протопоповым 23 августа 1915 г., В.Н. Шаховской «намекал ему на место Коковцова», т.е. на пост министра финансов, оговорившись, что «это еще надо культивировать».⁶⁴ Пока же В.Н. Шаховской провел А.Д. Протопопова в председатели Дровяной секции Особого совещания по топливу.⁶⁵ Однако, роль руководителя Торгово-промышленного ведомства по-прежнему прельщала товарища председателя Думы.

В то время, когда А.Д. Протопопов возвращался из-за границы, М.В. Родзянко и выставил перед Николаем II, находившимся в Могилеве, в Ставке верховного главнокомандующего, кандидатуру товарища председателя Думы в министры торговли и промышленности. По мнению одного из лидеров фракции земцев-октябристов графа Э.П. Беннигсена,⁶⁶ инициатива в данном случае принадлежала, в действительности, не М.В. Родзянко, а А.Д. Протопопову, который сыграл на «податливости Родзянко на всякую лесть, а льстить Протопопов умел».⁶⁷ «До обеда, — отметил Николай II 24 июня 1916 г., — принял Родзянко».⁶⁸ Сообщая Александре Федоровне о всеподданнейшем док-

⁵⁸ Путилов А.С. Период князя Н.Д. Голицына // РГАЛИ. Ф. 1208. Оп. 1. Д. 46. Л. 30.

⁵⁹ *Шаховской В.Н.* Указ. соч. С. 80.

⁶⁰ Запись заседания Совета министров 24 июля 1915 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А.Н. Яхонтова (записи заседаний и переписка). СПб., 1999. С. 205.

⁶¹ Малоизвестный источник по истории кризиса верхов. С. 54.

⁶² Показания С.П. Белецкого. С. 253, 470.

⁶³ *Шаховской В.Н.* Указ. соч. С. 80.

⁶⁴ Малоизвестный источник по истории кризиса верхов. С. 54.

⁶⁵ *Шаховской В.Н.* Указ. соч. С. 80.

⁶⁶ *Николаев А.Б.* Беннигсен Эммануил Павлович // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 49.

⁶⁷ *Беннигсен Э.П.* Первые дни Февральской революции // Возрождение. 1954. Тетр. 33. С. 117.

⁶⁸ Дневники императора Николая II (1894—1918): в 2-х т. М., 2013. Т. 2. Ч. 2. С. 238.

ладе председателя Думы, царь писал, что в преемники В.Н. Шаховского М.В. Родзянко предложил «своего товарища Протопопова. Наш Друг, — писал далее Николай II, подразумевая зимнюю идею Г.Е. Распутина о премьерстве думца, — упоминал, кажется, как-то о нем». Услышав положительный отзыв о А.Д. Протопопове и от М.В. Родзянко, император «улыбнулся и поблагодарил его за совет». ⁶⁹ Более того, Николай II «не возражал», но, как и при других докладах председателя Думы, «делал заметки в записной книжке». ⁷⁰ Не менее характерно и другое. «На письмо, — подчеркивал С.П. Мельгунов, — Александра Федоровна никак не реагировала, следовательно, кандидатура Протопопова серьезно не выдвигалась в этот момент». ⁷¹ Иными словами, царица, а значит — и Г.Е. Распутин, попросту забыли о А.Д. Протопопове. Между тем, отмечал земец-октябрист Н.В. Савич, ⁷² Николай II «помнил» рекомендацию М.В. Родзянко и, назначая А.Д. Протопопова управляющим МВД, «был убежден, что его выбор пал на кандидата, близкого сердцу Думы». ⁷³ Мотивация царя выглядит вполне логичной: если удовлетворение Думы вызовет назначение А.Д. Протопопова на пост министра торговли и промышленности, то насколько больше будет удовлетворение нижней палаты при получении им еще более важного министерского поста!

После возвращения А.Д. Протопопова из-за границы, пишет А.Я. Аврех, «вся троица», т.е. П.А. Бадмаев, П.Г. Курлов и А.Д. Протопопов, «провела интенсивную серию тайных совещаний друзей со «старцем» на Поклонной горе», но, согласно источнику, который использовал советский историк (дневник С.Д. Протопопова), А.Д. Протопопов был у П.А. Бадмаева только 28 июня 1916 г. ⁷⁴ Судя по всему, именно тогда Г.Е. Распутин, явно под суфлирование П.А. Бадмаева, говорил А.Д. Протопопову, что все-таки «постарается» «добиться» его назначения председателем Совета министров, хотя А.Д. Протопопов по-прежнему надеялся на получение поста министра торговли и промышленности или его товарища, поскольку знал, что М.В. Родзянко говорил о нем императору «как о кандидате на место Шаховского». Желая заручиться, в связи с этим, поддержкой председателя Совета министров Б.В. Штюрмера (а значит — действительно не претендую на

⁶⁹ Николай II — Александре Федоровне. 25 июня 1916 г. // Переписка Николая и Александры. М., 2013. С. 662.

⁷⁰ Родзянко М.В. Указ. соч. С. 162—163.

⁷¹ Мельгунов С.П. Указ. соч. С. 283.

⁷² Николаев А.Б. Савич Никанор Васильевич // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 544.

⁷³ Савич Н.В. Воспоминания. СПб.; Дюссельдорф, 1993. С. 173.

⁷⁴ Аврех А.Я. Указ. соч. С. 139, 180.

премьерство), А.Д. Протопопов обратился к людям из ближайшего окружения премьера: состоявшему в его распоряжении И.Ф. Манасевичу-Мануйлову и члену Совета министра внутренних дел И.Я. Гурлянду, наконец, к супруге премьера — Е.В. Штюмер.⁷⁵

В конце июля 1916 г. А.Д. Протопопов «очень сошелся» и с самим Б.В. Штюмером,⁷⁶ а в августе того же года максимально усилил активность, нацеленную на получение поста министра торговли и промышленности, однако В.Н. Шаховской «сумел разрушить планы Протопопова».⁷⁷ «Я говорил Распутину, — показывал А.Д. Протопопов, — о своем желании быть министром торговли, но заметил, что это ему не особенно нравится, позже я узнал об его дружбе с князем Шаховским».⁷⁸ Однако А.Я. Аврех утверждал, будто «летом 1916 г.» старец «вначале», «по-видимому», «склонился к мысли, что его подопечный должен стать министром торговли и промышленности»,⁷⁹ хотя ничего подобного не наблюдалось и наблюдаться не могло. Летом 1916 г., как и ранее, как и позднее, у Г.Е. Распутина отсутствовало влияние для проведения А.Д. Протопопова не то что в премьеры, но даже в преемники кн. В.Н. Шаховского, пользовавшегося вплоть до Февральской революции неизменным благоволением прежде всего Николая II.

Третьей причиной назначения А.Д. Протопопова управляющим МВД были, по признанию царя, сделанному дворцовому коменданту, «хвалебные отзывы» о думце, исходившие от министра иностранных дел С.Д. Сазонова,⁸⁰ с которым А.Д. Протопопов находился «в особенно хороших отношениях».⁸¹ Неудивительно, что сразу после возвращения в Россию, 26 июня 1916 г.,⁸² глава парламентской делегации встретился с министром иностранных дел и сообщил ему о своих заграничных впечатлениях. «Весь мой рассказ, — вспоминал А.Д. Протопопов, — показался интересным Сазонову, и он сказал, что было бы важно все это подробно рассказать государю».⁸³ На следующий день, 27 июня, министр уехал в Ставку,⁸⁴ где 29 июня, «после завтрака», его принял Николай II.⁸⁵ Во время всеподданнейшего доклада С.Д. Сазо-

⁷⁵ Показания А.Д. Протопопова. С. 60.

⁷⁶ Шаховской В.Н. Указ. соч. С. 178.

⁷⁷ Показания С.П. Белецкого. С. 470—471.

⁷⁸ Показания А.Д. Протопопова. С. 60.

⁷⁹ Аврех А.Я. Указ. соч. С. 137.

⁸⁰ Воейков В.Н. Указ. соч. С. 101.

⁸¹ Допрос М.В. Родзянко. С. 142.

⁸² Малоизвестный источник по истории кризиса верхов. С. 55.

⁸³ Допрос А.Д. Протопопова. 21 марта 1917 г. С. 113.

⁸⁴ Дневник МИД // Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны. Сборник документов. М., 2014. С. 151.

⁸⁵ Дневники императора Николая II. Т. 2. Ч. 2. С. 239.

нов сообщил императору о возвращении делегации,⁸⁶ исходатайствовал у него аудиенцию для думца⁸⁷ и рекомендовал «поближе познакомиться» с А.Д. Протопоповым и «довериться» ему «как человеку, весьма подходящему для занятия ответственной государственной должности»,⁸⁸ в общем — дал А.Д. Протопопову «наилучшую аттестацию».⁸⁹ С.Д. Сазонов предложил Николаю II вызвать в Ставку не только А.Д. Протопопова, но и лидера кадетов, однако «царь отклонил Милюкова»,⁹⁰ и тогда вместо него министр посоветовал пригласить другого участника делегации — члена Государственного совета по выборам октябриста графа Д.А. Олсуфьева,⁹¹ с чем Николай II согласился.⁹² Вернувшись из Могилева в Петроград 1 июля,⁹³ С.Д. Сазонов написал А.Д. Протопопову, что «государь, — показывал он, — желает меня видеть, срока не назначил, а о сроке надо спросить у Нератова»,⁹⁴ т.е. товарища министра иностранных дел, поскольку 2 июля⁹⁵ С.Д. Сазонов уехал на отдых в Финляндию.

Пока решался вопрос об аудиенции А.Д. Протопопова по линии МИД, Николай II 7 июля 1916 г. назначил министром иностранных дел Б.В. Штюрмера, к которому, в бытность премьером и министром внутренних дел, А.Д. Протопопов также обращался по поводу аудиенции еще в начале марта 1916 г., после избрания его симбирским губернским предводителем дворянства, желая по этому поводу представиться царю.⁹⁶ Теперь А.Д. Протопопов через И.Ф. Манасевича-Мануйлова⁹⁷ снова добился приема у Б.В. Штюрмера и просил его, уже как министра иностранных дел, доложить императору, что «желает представиться» в связи не только с избранием в предводители дворянства, но и с поездкой за границу.⁹⁸ Б.В. Штюрмер обещал А.Д. Протопопову исходатайствовать ему «особый и продолжительный» всеподданнейший доклад⁹⁹ и затем уехал в Ставку,¹⁰⁰ где 12 июля Николай II записал:

⁸⁶ Допрос А.Д. Протопопова. 21 марта 1917 г. С. 113.

⁸⁷ Шаховской В.Н. Указ. соч. С. 82.

⁸⁸ Воейков В.Н. Указ. соч. С. 101.

⁸⁹ Шаховской В.Н. Указ. соч. С. 84.

⁹⁰ Малоизвестный источник по истории кризиса верхов. С. 55.

⁹¹ Бородин А.П. Олсуфьев Дмитрий Адамович // Государственный совет Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 190.

⁹² Спиридович А.И. Указ. соч. С. 335.

⁹³ Дневник МИД. С. 152.

⁹⁴ Допрос А.Д. Протопопова. 21 марта 1917 г. С. 113.

⁹⁵ Дневник МИД. С. 152.

⁹⁶ Допрос Б.В. Штюрмера. 31 марта 1917 г. // ПЦР. Т. 1. С. 269.

⁹⁷ Допрос И.Ф. Манасевича-Мануйлова. 10 апреля 1917 г. С. 64.

⁹⁸ Допрос Б.В. Штюрмера. 31 марта 1917 г. С. 269.

⁹⁹ Показания С.П. Белецкого. С. 472.

¹⁰⁰ Допрос И.Ф. Манасевича-Мануйлова. 10 апреля 1917 г. С. 64.

«Принял Штюмера, назначенного министром иностранных дел». ¹⁰¹ Приехав из Могилева, Б.В. Штюмер сообщил А.Д. Протопопову 14 июля, ¹⁰² что «государь, — показывал он, — меня вызывает в Ставку». ¹⁰³ Здесь нельзя не согласиться с А.Д. Протопоповым, что особую аудиенцию испросили ему исключительно С.Д. Сазонов и Б.В. Штюмер, ¹⁰⁴ причем — без какого бы то ни было участия камарильи.

Встреча Николая II и А.Д. Протопопова произошла 19 июля 1916 г., когда царь отметил: «Принял Протопопова — товарища председателя Государственной думы. Обедали на балконе». ¹⁰⁵ Николая II А.Д. Протопопов «видел 2 раза: утром по нескольку минут и вечером от 7 до 8 и от 8 до 10 во время обеда». ¹⁰⁶ Основной доклад длился около 2-х часов, причем император «остался доволен» докладом. ¹⁰⁷ Вечером Николай II был «очень ласков» с собеседником, заметив ему, как бы намекая на близость его возвышения: «Мы успеем еще с вами поговорить» ¹⁰⁸ (по другой версии: «Мы еще с вами поговорим не раз» ¹⁰⁹). Лейб-хирург Г.Е. Рейн, оказавшийся свидетелем общения монарха и думца, вспоминал, что по окончании обеда царь «настолько долго разговаривал с ним, что все находившиеся при этом испытывали чувство некоторого нетерпения. Известно, что, согласно этикету, приглашенные не могли позволить себе уйти, пока государь император не окончит обхода и, сделав общий поклон, не удалится во внутренние покои. Исключительно милостивое отношение государя императора к А.Д. Протопопову бросилось всем в глаза. Казалось, что он, как и в беседах с другими лицами, очаровал монарха своими интересными рассказами и образностью речи». ¹¹⁰

Несомненно, что общение Николая II и А.Д. Протопопова навело царя на мысль о возможности вручения ему министерского портфеля. «Протопопов, — указывала А.А. Вырубова, — был назначен лично государем под влиянием хорошего впечатления, которое он произвел на его величество после его поездки за границу в должности товарища председателя Государственной думы». ¹¹¹ «Когда случилось это свидан-

¹⁰¹ Дневники императора Николая II. Т. 2. Ч. 2. С. 242.

¹⁰² Малоизвестный источник по истории кризиса верхов. С. 55.

¹⁰³ Допрос А.Д. Протопопова. 21 марта 1917 г. С. 113.

¹⁰⁴ Показания А.Д. Протопопова. С. 61.

¹⁰⁵ Дневники императора Николая II. Т. 2. Ч. 2. С. 243.

¹⁰⁶ Малоизвестный источник по истории кризиса верхов. С. 55.

¹⁰⁷ Показания А.Д. Протопопова. С. 61.

¹⁰⁸ Допрос А.Д. Протопопова. 21 марта 1917 г. С. 113.

¹⁰⁹ Показания А.Д. Протопопова. С. 5.

¹¹⁰ Рейн Г.Е. Из пережитого. 1907—1918: в 2-х т. Берлин, б.г. Т. 2. С. 86—87.

¹¹¹ Танеева (Вырубова) А.А. Страницы моей жизни // Рассулин Ю.Ю. Верная Богу, Царю и Отечеству. Анна Александровна Танеева (Вырубова) — монахиня Мария. СПб., 2005. С. 108.

ние, — вспоминал придворный историограф генерал Д.Н. Дубенский, — стали говорить, что это неспроста, что, вероятно, Протопопов получит назначение». ¹¹² Оно и неудивительно — собеседник императора действительно произвел на него самое лучшее впечатление. «Вчера, — писал Николай II Александре Федоровне 20 июля, — я видел человека, который мне очень понравился — Протопопов, товарищ председателя Государственной думы. Он ездил за границу с другими членами Думы и рассказал мне много интересного. Он бывший офицер Конно-гренадерского полка, и Максимович (помощник командующего Императорской главной квартирой. — С.К.) хорошо его знает». ¹¹³ А.Я. Аврех ошибочно утверждал, что встреча царя и думца произошла 19 июня, поскольку далее историк цитировал письмо Николая II от 20 июля, датировав его 20 июня. ¹¹⁴ Как отмечал С.П. Мельгунов, Александра Федоровна «опять никак не реагировала на сообщение мужа», ¹¹⁵ однако в данном случае был не прав. «Ее величество, — вспоминала А.А. Вырубова, — получая ежедневно письма от государя из Ставки, однажды прочла мне письмо, в котором говорилось о Протопопове, представлявшемся государю по возвращении из-за границы в Ставке. Государь писал о прекрасном впечатлении, которое произвел на него Протопопов». ¹¹⁶ Эта цитата, лишний раз подтверждая, что воспоминания А.А. Вырубовой являются достоверным источником, соотносится и с ее показаниями ЧСК. А.Д. Протопопов, говорила она на заседании комиссии, «хорошее впечатление произвел», «когда Протопопов приехал из-за границы, им очень увлекались, т.е. он произвел очень хорошее впечатление... На бывшего императора». ¹¹⁷

Вскоре после возвращения А.Д. Протопопова в Петроград, 24 июля 1916 г., из Сибири вернулся Г.Е. Распутин, ¹¹⁸ который на следующий день, 25 июля, встретился у А.А. Вырубовой с Александрой Федоровной. ¹¹⁹ Царица сообщила старцу о встрече мужа и А.Д. Протопопова,

¹¹² Допрос Д.Н. Дубенского. 9 августа 1917 г. // ПЦР. М.; Л., 1926. Т. 6. С. 380.

¹¹³ Николай II — Александре Федоровне. 20 июля 1916 г. // Переписка Николая и Александры. С. 687.

¹¹⁴ Аврех А.Я. Указ. соч. С. 136.

¹¹⁵ Мельгунов С.П. Указ. соч. С. 303.

¹¹⁶ Танеева (Вырубова) А.А. Указ. соч. С. 108.

¹¹⁷ Стенографический отчет допроса бывшей фрейлины А.А. Вырубовой. Заседание ЧСК 6 мая 1917 г. // *Рассулин Ю.Ю.* Указ. соч. С. 306—307.

¹¹⁸ Александра Федоровна — Николаю II. 24 июля 1916 г. // Переписка Николая и Александры. С. 692.

¹¹⁹ Александра Федоровна — Николаю II. 25 июля 1916 г. // Там же. С. 694.

поскольку, когда он рассказал П.А. Бадмаеву про «ласковый прием» в Могилеве, доктор ответил, что «уже знает это от Распутина, что царь сообщил царице о благоприятном впечатлении, которое я, — показывал А.Д. Протопопов, — на него произвел; говорит, что я вовсе не октябрист, а свой — правый, и приказал царице благодарить Распутина за то, что он меня рекомендовал».¹²⁰ При сравнении рассказа П.А. Бадмаева с письмом Николая II видно, что, беседуя с А.Д. Протопоповым, П.А. Бадмаев многое добавил от себя. В частности, слова царя о политических взглядах думца перекликаются с аналогичными взглядами самого доктора. «К левым, — писал он императору еще в 1907 г., — я отношу октябристов, обновленцев, кадетов и многих других крайних — все они желают одного: ограничить самодержавие и взять власть в свои руки».¹²¹ На самом деле А.Д. Протопопов являлся левым октябристом¹²² и сторонником Прогрессивного блока.¹²³ У доктора думец общался и со старцем, который, подтвердив рассказанное П.А. Бадмаевым, сообщил, в свою очередь, что его, Г.Е. Распутина, за А.Д. Протопопова «благодарили» (несомненно — Александра Федоровна) и заявил, что «теперь я, — вспоминал А.Д. Протопопов, — скоро получу назначение, что сразу председателем Совета министров я не буду, что временно я получу министерство, какое — он мне сказать не мог». Тут очевидна полная зависимость мнения Г.Е. Распутина от мнения Александры Федоровны, а ее мнения — от мнения Николая II. Пока царь сам не принял решения относительно судьбы А.Д. Протопопова, царица и старец могли о ней только гадать. В это время А.Д. Протопопов «предполагал», что получит Министерство торговли и промышленности или Министерство земледелия либо Министерство внутренних дел.¹²⁴ Почему в списке министерств появилось МВД?

В июле-августе 1916 г. отличалось непрочностью положение министра внутренних дел А.А. Хвостова (не путать с его племянником А.Н. Хвостовым, который руководил МВД в сентябре — марте 1916 г. и скандально прославился своей причастностью к делу Б.М. Ржевского¹²⁵), ранее занимавшего пост министра юстиции. Вопрос о переходе А.А. Хвостов из Министерства юстиции в МВД, в связи с переходом

¹²⁰ Показания А.Д. Протопопова. С. 5, 13, 62.

¹²¹ Записка П.А. Бадмаева Николаю II во время 2-й Думы. 1907 г. // *Бадмаев П.А.* Указ. соч. С. 198.

¹²² *Родзянко М.В.* Указ. соч. С. 138.

¹²³ *Глинка Я.В.* Одиннадцать лет в Государственной думе. 1906—1917. Дневник и воспоминания. М., 2001. С. 149.

¹²⁴ Показания А.Д. Протопопова. С. 13, 62.

¹²⁵ См. о нем: *Куликов С.В.* Дело Б.М. Ржевского // *Из глубины времен.* 2012. Вып. 16.

Б.В. Штюрмера из МВД в МИД, был решен Николаем II 3 июля 1916 г., когда он «до обеда» принял премьера.¹²⁶ Б.В. Штюрмер рекомендовал А.А. Хвостова с оговоркой, что «это временно, если будет найден другой преемник ему».¹²⁷ Когда 4 июля, по возвращении из Ставки, премьер объявил А.А. Хвостову о его перемещении из Министерства юстиции в МВД, А.А. Хвостов, недовольный тем, что «без него его женили», отказался принять новый пост, о чем тогда же написал Николаю II, фактически подавая в отставку. В ответном письме царь, уговаривая А.А. Хвостова принять новую должность, вместе с тем писал: «Я смотрю на Ваше назначение, как на временное».¹²⁸ А.А. Хвостов согласился, и 7 июля Николай II подписал указ о его назначении, однако с этого момента монарх, очевидно, начал размышлять о подыскании преемника новому министру внутренних дел. Непрочность положения А.А. Хвостова усугублялась тем, что он всячески поддерживал директора Департамента полиции генерала Е.К. Климовича, между тем Б.В. Штюрмер полагал, что, как он заявил императору 1 августа «после чая»,¹²⁹ Е.К. Климович «должен быть ... устранен от служебной деятельности по Министерству внутренних дел».¹³⁰ Упорство А.А. Хвостова в отстаивании Е.К. Климовича привело к перманентному конфликту между министром и премьером и также делало скорую отставку А.А. Хвостова неизбежной.

Противником руководителя МВД был и Г.Е. Распутин, однако — по другой причине. После встречи с близким к старцу И.Ф. Манасевичем-Мануйловым М.М. Андроников сообщал В.Н. Воейкову 2 августа 1916 г., что Г.Е. Распутин «гипнотизирует против Хвостова, говоря, что он одного направления с Алексеем Николаевичем Хвостовым. Мануйлов говорит, — писал далее М.М. Андроников, — что кандидатом Ставки на пост министра внутренних дел является князь Оболенский (продовольственный), а потому его и надо назначить вместо Хвостова».¹³¹ Характерно, что связанный со старцем журналист, а значит — и Г.Е. Распутин, указывал как на желательного преемника А.А. Хвостова не на А.Д. Протопопова, а на председателя Особого комитета по борьбе с дороговизной князя Н.Л. Оболенского. Следо-

¹²⁶ Дневники императора Николая II. Т. 2. Ч. 2. С. 240.

¹²⁷ Допрос Б.В. Штюрмера. 31 марта 1917 г. С. 268.

¹²⁸ Допрос А.А. Хвостова. 12 июля 1917 г. // ПЦР. М.; Л., 1926. Т. 5. С. 448, 449, 455.

¹²⁹ Дневники императора Николая II. Т. 2. Ч. 2. С. 245.

¹³⁰ Доклады Штюрмера Николаю II // Монархия перед крушением. 1914—1917. Бумаги Николая II и другие документы. М.; Л., 1927. С. 144.

¹³¹ Куликов С.В. «Успокоения нечего ожидать». Письма князя М.М. Андроникова Николаю II, Александре Федоровне, А.А. Вырубовой и В.Н. Воейкову // Источник. Документы русской истории. 1999. № 1. С. 38.

вательно, в это время старец, который 9 августа вместе с А.А. Вырубовой вообще уехал в Сибирь,¹³² о назначении А.Д. Протопопова министром внутренних дел не задумывался.

«В конце августа»,¹³³ согласно А.Д. Протопопову, в действительности — в начале этого месяца (9 августа он сделал доклад о стокгольмском свидании в Московском дворянском собрании,¹³⁴ уехал и А.Д. Протопопов, сначала — в Москву, а затем — к себе в имение, попросив П.Г. Курлова «известить меня, — показывал А.Д. Протопопов, — если мне надо будет приехать».¹³⁵ Между тем конфликт премьера и руководителя МВД из-за директора Департамента полиции достиг апогея: последней каплей стало взятие под стражу 19 августа «человека Штюмерера» — И.Ф. Манасевича-Мануйлова, который был арестован с использованием провокации по приказу Е.К. Климовича и с полного согласия его непосредственного начальника.¹³⁶ После этого Б.В. Штюмерер поставил А.А. Хвостову ультиматум: «Я не могу больше жить — или я, или Климович», в ответ на что А.А. Хвостов заявил: «Для чего же решаться на такие экстренные меры? У вас есть вернейший способ убрать Климовича, если вам так хочется, — перемените министра внутренних дел. Раз вы перемените министра, перемените и Климовича, а пока я министр внутренних дел, до тех пор Климович останется директором Департамента». В результате Б.В. Штюмерер и А.А. Хвостов обсуждали вопрос о преемнике последнего и даже остановились на конкретном кандидате — это был некий «военный человек»,¹³⁷ возможно — петроградский градоначальник генерал-майор Свиты князь А.Н. Оболенский, являвшийся посетителем политического салона Б.В. Штюмерера.¹³⁸ Премьер даже ездил с «военным человеком» в Ставку для представления его Николаю II,¹³⁹ причем, судя по всему, смотрины произошли 21 августа, когда «до 8 ч.» вечера царь принял Б.В. Штюмерера.¹⁴⁰ Совместный кандидат премьера и министра впечатления на Николая II не произвел, и тут он вспомнил о А.Д. Протопопове.

¹³² Александра Федоровна — Николаю II. 9 августа 1916 г. // Переписка Николая и Александры. С. 704.

¹³³ Показания А.Д. Протопопова. С. 62.

¹³⁴ Мельгунов С.П. Указ. соч. С. 286.

¹³⁵ Показания А.Д. Протопопова. С. 13, 62.

¹³⁶ Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914—1917). С. 320, 376.

¹³⁷ Допрос А.А. Хвостова. 12 июля 1917 г. С. 456, 457.

¹³⁸ Показания С.П. Белецкого. С. 383.

¹³⁹ Допрос А.А. Хвостова. 12 июля 1917 г. С. 457.

¹⁴⁰ Дневники императора Николая II. Т. 2. Ч. 2. С. 248.

В свои планы относительно думца царь посвятил Александру Федоровну и вернувшуюся из Сибири А.А. Вырубову, которые жили в Могилеве с 22 августа¹ по 4 сентября.² Николай II сообщил им, «(как всегда — под впечатлением минуты, что характеризовало все его назначения) что он, — вспоминала подруга венценосцев, подразумевая А.Д. Протопопова, — думает назначить его министром внутренних дел: “Тем более, — писал государь, — что я всегда мечтал о министре внутренних дел, который будет работать совместно с Думой”».³ Здесь А.А. Вырубовой немного изменила память: поскольку в письме Николая II Александре Федоровне от 20 июля 1916 г., а именно на него намекала мемуаристка, воспроизведенных слов царя нет, он их мог только сказать. Это подтверждается и показаниями подруги царской семьи. А.Д. Протопопов, говорила она на заседании ЧСК, «ездил в Ставку, когда приехал из-за границы, и он произвел хорошее впечатление, и тогда уже было решено, что он будет одним из министров». На вопрос председателя комиссии: «Кем было решено?» А.А. Вырубова ответила: «Государем, а он был у него в Ставке».⁴ «Помню, как после его возвращения из-за границы и посещения Ставки, — уточняла А.А. Вырубова письменно, имея в виду А.Д. Протопопова, — государь сразу заметил его кандидатом в министры [внутренних дел]».⁵ Вспоминая свой первый всеподданнейший доклад, А.Д. Протопопов показывал, подразумевая монарха: «Это он мне буквально сказал: «Вы мой личный выбор»... Он особенно подчеркивал, что он меня хотел на этом месте».⁶ «Протопопов, — подчеркивала А.А. Вырубова, — был личным выбором государя».⁷ Следовательно, назначение А.Д. Протопопова управляющим МВД стало следствием личного выбора Николая II. Естественно, что к избранию им кандидатуры А.Д. Протопопова Г.Е. Распутин, вернувшийся в Петроград из Сибири только в начале сентября,⁸ и П.А. Бадмаев, находившийся в столице, никакого отношения не имели. На заседании Бюро Прогрессивного блока 3 октября 1916 г. земец-октябрист граф Д.П. Капнист сообщил, что, по сведениям то-

¹⁴¹ Александра Федоровна — Николаю II. 20 августа 1916 г. // Переписка Николая и Александры. С. 722.

¹⁴² Александра Федоровна — Николаю II. 4 сентября 1916 г. // Там же. С. 723.

¹⁴³ *Танеева (Вырубова) А.А.* Указ. соч. С. 108.

¹⁴⁴ Стенографический отчет допроса бывшей фрейлины А.А. Вырубовой. Заседание ЧСК 6 мая 1917 г. С. 307.

¹⁴⁵ Письменное заявление Анны Вырубовой от 18 мая 1917 г. // *Рассулин Ю.Ю.* Указ. соч. С. 333.

¹⁴⁶ Допрос А.Д. Протопопова. 21 марта 1917 г. С. 5, 115.

¹⁴⁷ Письменное заявление Анны Вырубовой от 18 мая 1917 г. С. 333.

¹⁴⁸ *Спиридович А.И.* Указ. соч. С. 351.

варища министра внутренних дел князя В.М. Волконского, друга А.Д. Протопопова, он был «назначен помимо Григория Ефим[овича]». ¹⁴⁹ Ф.П. Симсон писал, что П.А. Бадмаев «рекламировал» думца «в своих политических записках, которые он направлял Вырубовой», ¹⁵⁰ но в письмах доктора подруге царской семьи за февраль — сентябрь 1916 г., т.е. за период, предшествующий назначению А.Д. Протопопова, он не упоминается ни разу. ¹⁵¹

Приехав вместе с императрицей из Могилева в Царское Село, А.А. Вырубова 6 сентября 1916 г. встретила со старцем и затем побывала у Александры Федоровны. ¹⁵² Несомненно, что именно тогда А.А. Вырубова и сообщила Г.Е. Распутину о планах Николая II относительно А.Д. Протопопова, поскольку «в начале сентября» (а не «около 1 сентября 1916 г.»), А.Д. Протопопов получил две телеграммы: от П.Г. Курлова («Приезжай скорее») и от княгини М.М. Мышецкой («Будешь назначен, не на торговлю, а внутренние дела»). Вернувшись в Петроград, А.Д. Протопопов узнал, что П.Г. Курлов послал телеграмму по поручению Г.Е. Распутина, М.М. Мышецкая же была предупреждена о назначении княгиней С.В. Тархановой, а та — секретарем старца А.Я. Симановичем. ¹⁵³ Судя по всему, встреча А.Д. Протопопова и Г.Е. Распутина произошла 10 сентября 1916 г., когда С.Д. Протопопов записал: «Александр Дмитриевич сказал, по телефону, что Штюмер рекомендует в министры внутренних дел Оболенского (Н.Л. — С.К.) ...а из придворных сфер Александра Дмитриевича». ¹⁵⁴ Во время встречи Г.Е. Распутин заявил А.Д. Протопопову, что А.А. Хвостов «уходит» и он будет назначен «на его место». ¹⁵⁵

Теперь необходимо остановиться подробнее на роли А.Я. Симановича, так как в своих хлестаковских мемуарах он утверждал, что «нам удалось провести в министры внутренних дел Протопопова». «Протопопов, — читаем секретаря старца, — решив выдвинуть себя на пост министра, вошел сперва в сношения со мной. Мы скоро с ним подружились и стали на ты. Я его свел с Распутиным, который начал ему доверять. Он часто разговаривал с царем о Протопопове и старался

¹⁴⁹ Прогрессивный блок в 1915—1917 гг. // Красный архив. 1933. Т. 56. С. 83.

¹⁵⁰ Постановление следователя ЧСК Временного правительства Ф.П. Симсона. С. 332—333.

¹⁵¹ Бадмаев П.А. Указ. соч. С. 25, 26, 28—29, 33—34, 37.

¹⁵² Александра Федоровна — Николаю II. 6 сентября 1916 г. // Переписка Николая и Александры. С. 726.

¹⁵³ Показания А.Д. Протопопова. С. 13, 62.

¹⁵⁴ Малоизвестный источник по истории кризиса верхов. С. 56.

¹⁵⁵ Показания А.Д. Протопопова. С. 62.

царя им заинтересовать. Его старания не остались без результатов. Первые встречи Распутина с Протопоповым происходили у княжны (надо: княгини. — С.К.) Тархановой. Потом они встречались в доме князя Мышецкого. Протопопов мечтал о министерской карьере. Мы выдвинули ему наши условия: заключение сепаратного мира с Германией и проведение мер к улучшению положения евреев. Он согласился. Однажды Протопопов, Распутин и я поехали в Царское Село к Вырубовой. Она подвергла его, по своему обычаю, особому испытанию. Все сошло хорошо. В лазарете Вырубова представила Протопопова царице, на которую он произвел хорошее впечатление. Скоро он сделался министром внутренних дел...».¹⁵⁶ Этот отрывок, как и воспоминания А.С. Симановича в целом, с точки зрения достоверности содержит огромную гору шлака и лишь маленькие крупички руды.

Прежде всего А.Д. Протопопов познакомился с А.С. Симановичем только после убийства Г.Е. Распутина.¹⁵⁷ В декабре 1915 и в январе — феврале 1916 г. А.Д. Протопопов действительно встречался с Г.Е. Распутиным на квартире княгини С.В. Тархановой, принадлежавшей к числу лиц, к которым «особо доверчиво» относились не только старец, но и петроградский митрополит Питирим, причем А.Д. Протопопов оказывал ей материальную поддержку.¹⁵⁸ Дело в том, что С.В. Тарханова, будучи матерью княгини Н.Г. Геловани, вдовы депутата I—II и IV Государственных дум (и одного из лидеров фракции трудовиков) князя В.Л. Геловани, хлопотала о пенсии своей дочери, и Протопопов, «насколько мог, помогал ей».¹⁵⁹ С.В. Тарханова характеризовалась И.Ф. Манасевичем-Мануйловым как «большая приятельница Протопопова и большая приятельница Симановича»,¹⁶⁰ но это отнюдь не означало, что «большими приятелями» были они. Княгиня М.М. Мышецкая являлась кузиной А.Д. Протопопова,¹⁶¹ точнее — его двоюродной сестрой, а потому до получения министерского портфеля он руководил продажей С.Г. Лианозову прав на каменноугольные копи, арендованные ее мужем князем М.М. Мышецким.¹⁶² А.А. Вырубова «впервые видела» А.Д. Протопопова уже после его назначения министром,¹⁶³ самое раннее — тогда, когда его назначение уже было предре-

¹⁵⁶ *Симанович А.С.* Распутин и евреи. Воспоминания личного секретаря Григория Распутина. М., 1991. С. 106.

¹⁵⁷ Показания А.Д. Протопопова. С. 34.

¹⁵⁸ Показания С.П. Белецкого. С. 471.

¹⁵⁹ Показания А.Д. Протопопова. С. 35.

¹⁶⁰ Допрос И.Ф. Манасевича-Мануйлова. 10 апреля 1917 г. С. 65.

¹⁶¹ Допрос князя М.М. Андроникова. 6 апреля 1917 г. С. 400.

¹⁶² Показания А.Д. Протопопова. С. 34, 58.

¹⁶³ Стенографический отчет допроса бывшей фрейлины А.А. Вырубовой. Заседание ЧСК 6 мая 1917 г. С. 304.

шено Николаем II.¹⁶⁴ Наконец, Александра Федоровна впервые общалась с А.Д. Протопоповым также после его назначения, 21 сентября 1916 г.,¹⁶⁵ а до этого она А.Д. Протопопова «совсем не знала».¹⁶⁶

Тем более показательно, что 7 сентября 1916 г. после аудиенции, данной Б.В. Штюмеру, и встречи с Г.Е. Распутиным Александра Федоровна сообщала мужу, подразумевая старца: «Я пересказала ему мой разговор со Штюмером, который говорит, что Климовича непременно следует уволить (он назначается сенатором), и тогда уйдет старый Хвостов, та как он без него не сможет обойтись. Хвостов нервничает и плохо себя чувствует... Штюмер хочет предложить на пост министра внутренних дел князя Оболенского из Курска — Харькова (Н.Л. Оболенский занимал посты курского и харьковского губернаторов. — С.К.) (перед тем он был в старой Ставке при Николаше (великом князе Николае Николаевиче. — С.К.!), работающего теперь по продовольственному вопросу, но Григорий убедительно просит назначить на этот пост Протопопова. Ты знаешь его, и он произвел на тебя хорошее впечатление, он член Думы (не левый), а потому будет знать, как с ними себя держать. Мне кажется, что ты не мог бы ничего сделать лучше, как назначив его. Бедный Орлов (А.А., генерал, друг царской семьи. — С.К.) был его большим другом — я думаю, что Максимович должен хорошо его знать. Уже, по крайней мере, 4 года, как он знает и любит нашего Друга (в действительности — меньше года. — С.К.), а это многое говорит в пользу человека. Оболенский же, наверное, опять из той клики. Я не знаю его, но верю в мудрость и руководство нашего Друга».¹⁶⁷ На основании процитированного письма А.Я. Аврех делал вывод, что «Распутин (а следовательно, и Александра Федоровна) окончательно решил, что Протопопова надо сделать министром внутренних дел».¹⁶⁸ Если вырвать это письмо из контекста источников, которые использованы выше, то советский историк будет прав, однако в таком случае его следовало бы переквалифицировать из историка в публициста, подгоняющего факты под партийную схему.

Лишь после того, как 6 сентября 1916 г. А.А. Вырубова сообщила приехавшему из Сибири Г.Е. Распутину о желании Николая II поставить во главе МВД А.Д. Протопопова, старец, выступавший в начале

¹⁶⁴ Показания А.Д. Протопопова. С. 13.

¹⁶⁵ Александра Федоровна — Николаю II. 21 сентября 1916 г. // Переписка Николая и Александры. С. 758.

¹⁶⁶ Стенографический отчет допроса бывшей фрейлины А.А. Вырубой. Заседание ЧСК 6 мая 1917 г. С. 307.

¹⁶⁷ Александра Федоровна — Николаю II. 7 сентября 1916 г. // Переписка Николая и Александры. С. 730.

¹⁶⁸ Аврех А.Я. Указ. соч. С. 136.

августа, до отъезда из Петрограда, за замену А.А. Хвостова Н.Л. Оболенским, немедленно дистанцировался от кандидата Б.В. Штюмерера и всецело присоединился к царскому мнению, хотя — поддержка, оказанная Г.Е. Распутиным замыслу самодержца, могла не ускорить, а задержать его воплощение, что продемонстрировало письмо Николая II Александре Федоровне от 9 сентября 1916 г. «Мне кажется, — писал тогда император, — что этот Протопопов — хороший человек, но у него много дел с заводами и т.п. Родзянко уже давно предлагал его на должность министра торговли вместо Шаховского. Я должен обдумать этот вопрос, так как он застигает меня совершенно врасплох. Мнения нашего Друга о людях бывают иногда очень странными, ты сама это знаешь, поэтому нужно быть осторожным, особенно при назначениях на высокие должности. Этого Климовича я лично не знаю. Разве хорошо одновременно уволить обоих — министра внутренних дел и начальника полиции? Это нужно тщательно обдумать! И с кого начать? От всех этих перемен голова идет кругом. По-моему, они происходят слишком часто. Во всяком случае, это не очень хорошо для внутреннего состояния страны, потому что каждый новый человек вносит также перемены и в администрацию. Мне очень жаль, что мое письмо стало таким скучным, но мне нужно было ответить на твои вопросы».¹⁶⁹ Николай II хорошо знал о широком распространении в массовом сознании депутатского корпуса IV Думы «распутинской легенды», а потому, хотя А.Д. Протопопов являлся его личным кандидатом, одна косвенная причастность Г.Е. Распутина к назначению думца управляющим МВД заставляла царя повременить с этим.

Александра Федоровна, однако, при выявившемся разногласии между Николаем II и Б.В. Штюмерером относительно кандидата в руководители МВД, естественно, продолжала, как и год назад, в случае с А.Н. Хвостовым, поддерживать избранника супруга. «Пожалуйста, — просила царица 9 сентября 1916 г., — назначь Протопопова министром внутренних дел; так как он член Думы, то это произведет на них большое впечатление и закроет им рты».¹⁷⁰ «Пожалуйста, — телеграфировала она 10 сентября, — не забудь о моем письме, потому что тот, которого хочет предложить старик, опять из тех, кто против того, кого мы любим. Оставь его на его месте».¹⁷¹ Оправдывая свое вмешательство, Александра Федоровна писала 10 сентября: «Так досадно, что пришлось докучать тебе этими вопросами, но я только хотела подготовить тебя. Шаховского жаль увольнять, а так как Хвостов хочет подать

¹⁶⁹ Николай II — Александре Федоровне. 9 сентября 1916 г. // Там же. С. 733—734.

¹⁷⁰ Там же. С. 733.

¹⁷¹ Александра Федоровна — Николаю II. 10 сентября 1916 г. // Там же. С. 734.

в отставку, а Протопопов, как говорит Григорий, подходящий человек, то я должна была тебе это сказать, а также и то, что князь Оболенский — опять человек из враждебной клики, а не друг».¹⁷² Император телеграфировал 10 сентября: «От всего сердца благодарю за дорогие письма. Будет исполнено».¹⁷³ Принимая Б.В. Штюрмера 10 сентября «после чая»,¹⁷⁴ Николай II заявил: «Я исполняю просьбу А.А. Хвостова (у Штюрмера — оговорка: «А.Д. Протопопова». — С.К.), передайте А.А. Хвостову, что я благодарю и увольняю его»; «Хвостов просил его уволить, так как я обещал, что он будет назначен временно министром внутренних дел. Я нашел ему заместителя — Протопопова».¹⁷⁵ По возвращении из Могилева Б.В. Штюрмер 13 сентября 1916 г. был принят Александрой Федоровной, которой сообщил об избрании царем кандидатуры А.Д. Протопопова.¹⁷⁶ Кроме того, желая обеспечить себе поддержку будущего министра в кабинете, премьер пригласил его к себе и «передал, — показывал А.Д. Протопопов, — что в числе кандидатов на пост управляющего МВД он назвал мою фамилию, и царь на ней остановился»,¹⁷⁷ хотя, в действительности, Б.В. Штюрмер проводил в руководители МВД Н.Л. Оболенского. Наконец, премьер информировал о решении Николая II товарища главноуправляющего Собственной канцелярией его величества Н.А. Воеводского, который 15 сентября представил императору указы об увольнении А.А. Хвостова с оставлением его членом Государственного совета и сенатором и о назначении управляющим МВД А.Д. Протопопова,¹⁷⁸ а 16 царь их подписал. Почему же Николай II, несмотря на сомнения, высказанные им в письме Александре Федоровне от 9 сентября, не стал откладывать назначение своего избранника?

Во время состоявшейся 10 сентября встречи царя и премьера последний сообщил о том, что 6 сентября лидеры Прогрессивного блока поручили М.В. Родзянко доложить императору «о необходимости образования нового кабинета в составе лиц, облеченных общественным доверием, а также о необходимости ускорить срок созыва Государственной думы».¹⁷⁹ О том же, после беседы с Б.В. Штюрмером, императри-

¹⁷² Александра Федоровна — Николаю II. 10 сентября 1916 г. // Там же. С. 734.

¹⁷³ Там же. С. 736.

¹⁷⁴ Дневники императора Николая II. Т. 2. Ч. 2. С. 252.

¹⁷⁵ Допрос Б.В. Штюрмера. 31 марта 1917 г. С. 270, 279.

¹⁷⁶ Александра Федоровна — Николаю II. 14 сентября 1916 г. // Переписка Николая и Александры. С. 740.

¹⁷⁷ Показания А.Д. Протопопова. С. 14.

¹⁷⁸ Н.А. Воеводский — Николаю II. 15 сентября 1916 г. // РГИА. Ф. 1409. Оп. 9. Д. 334. Л. 1.

¹⁷⁹ Доклады Штюрмера Николаю II. С. 154.

ца информировала мужа 7 сентября: «Эти мерзкие люди собрались и постановили, чтоб Родзянко отправился к тебе и просил сменить всех министров и назначить их кандидатов, — дерзкие скоты».¹⁸⁰ Следовательно, лидеры оппозиции по-прежнему настаивали на фактическом установлении парламентаризма, а потому Николай II, дабы нейтрализовать оппозиционность нижней палаты, не выходя за границы дуализма, и пошел на назначение А.Д. Протопопова. «Я, — признавался царь английскому послу Д.У. Бьюкенену 30 декабря 1916 г., — избрал господина Протопопова из рядов Думы с целью быть с ней в согласии».¹⁸¹ Воспроизводя (естественно — не свои) мотивы назначения А.Д. Протопопова, Г.Е. Распутин говорил И.Ф. Манасевичу-Мануйлову после состоявшегося 2 октября 1916 г. освобождения журналиста из-под ареста: «ведь надо же и для Государственной думы что-нибудь, надо из Государственной думы брать. Мы ошиблись на толстопузом (т.е. на А.Н. Хвостове. — С.К.), потому что он тоже из этих дураков, правых. Я тебе говорю, все правые дураки. Вот теперь мы взяли между правыми и левыми — Протопопова».¹⁸² Не случайно, что, по наблюдениям С.П. Мельгунова, официальное Петроградское телеграфное агентство «поспешило сообщить за границу, что в думских кругах назначение Протопопова принято сочувственно и что после этого назначения Дума примирительно отнесется к Штюмеру».¹⁸³

«Государь и императрица думали, — подчеркивал П.Л. Барк, — что назначение популярного депутата на ответственный министерский пост, в особенности в виду того, что этот депутат был рекомендован председателем Государственной думы, произведет отличное впечатление как среди депутатов, так и в стране. Вместе с тем государь рассчитывал, что с привлечением Протопопова в состав правительства установятся более близкие отношения между Думой и Советом министров».¹⁸⁴ «Государь император, — отмечал П.Г. Курлов, — под обаянием личности А.Д. Протопопова и в желании пойти навстречу Государственной думе в ее постоянных стремлениях, чтобы министры избирались из ее среды, назначил его на пост министра внутренних дел».¹⁸⁵ «Протопопов, — показывал М.М. Андроников, — являлся чрезвычайно желанным кандидатом на пост министра внутренних дел, благодаря тому, что он был вице-президентом в Государственной думе: он должен был оказаться *trait d'union*, так сказать, мостиком между

¹⁸⁰ Александра Федоровна — Николаю II. 7 сентября 1916 г. // Переписка Николая и Александры. С. 730.

¹⁸¹ Бьюкенен Д.У. Мемуары дипломата. М., 1991. С. 195—196.

¹⁸² Допрос И.Ф. Манасевича-Мануйлова. 10 апреля 1917 г. С. 65.

¹⁸³ Мельгунов С.П. Указ. соч. С. 314.

¹⁸⁴ Барк П.Л. Воспоминания // Возрождение. 1966. Кн. 179. С. 102.

¹⁸⁵ Курлов П.Г. Указ. соч. С. 230.

Государственной думой и правительством». ¹⁸⁶ «По поводу Протопопова, — показывал, в свою очередь В.М. Волконский, — можно было найти объяснение: тут возвращение к тем принципам, которые существовали при назначении князя Щербатова (Н.Б., управляющий МВД в июне — сентябре 1915 г.): общественный деятель, предводитель дворянства, член Государственной думы и товарищ председателя Государственной думы». ¹⁸⁷ «Возможно, — указывал Н.В. Савич, — что, назначая Протопопова на этот пост, государь думал внести некоторое успокоение в общество, по крайней мере, в думскую среду». ¹⁸⁸ «Возможно, — допускал даже П.Н. Милоков, — что назначение Протопопова состоялось с той мыслью, что Протопопов, как член делегации, обладает некоторыми данными, дающими повод к смягчению [отношений между правительством и Думой]». ¹⁸⁹ Подводя итоги своего не всегда объективного расследования причин возвышения А.Д. Протопопова, Ф.П. Симсон писал, что «вечные трения с Государственной думой стали самым большим местом верховного управления, и очаровательный товарищ председателя Государственной думы, человек, о котором в одинаково восторженных выражениях отзывались и английский король, и Распутин, бывшему императору должен был казаться каким-то неожиданным для отвыкшей от чудес России даром небес и человеком, отмеченным перстом свыше». ¹⁹⁰

То, что назначение А.Д. Протопопова было следствием личного выбора Николая II, а не Г.Е. Распутина и Александры Федоровны признавали... они сами. «Да благословит Господь выбор тобою Протопопова! — писала Александра Федоровна Николаю II 14 сентября 1916 г. — Наш Друг говорит, что ты этим избранием совершил акт величайшей мудрости». ¹⁸¹ Сообщая на следующий день, 15 сентября, о реакции Г.Е. Распутина, с которым Александра Федоровна встретила накануне у А.А. Вырубовой, на назначение А.Д. Протопопова, царица перепутала его с государственным контролером Н.Н. Покровским, назначенным на свой пост еще 25 января 1916 г.: «Он очень рад,

¹⁸⁶ Допрос князя М.М. Андроникова. 8 апреля 1917 г. // ПЦР. Т. 2. С. 18.

¹⁸⁷ Показания князя В.М. Волконского. 19 июля 1917 г. // ПЦР. Т. 6. С. 139.

¹⁸⁸ Савич Н.В. Указ. соч. С. 169.

¹⁸⁹ Показания П.Н. Милокова. 4 августа 1917 г. // ПЦР. Т. 7. С. 342—343.

¹⁹⁰ Постановление следователя ЧСК Временного правительства Ф.П. Симсона. С. 357—358.

¹⁹¹ Александра Федоровна — Николаю II. 14 сентября 1916 г. // Переписка Николая и Александры. С. 740.

что ты назначил Покровского. Он находит, что это чрезвычайно мудрое назначение; конечно, будут и недовольные, но он может повлиять на выборы в следующую (не в эту) Думу». ¹⁹² Между тем А.Я. Аврех утверждал, ссылаясь на письмо от 15 сентября, будто «против назначения Покровского, например, Распутин не только не возражал, но и полностью его одобрил». ¹⁹³ Перед непосвященными виновником возвышения А.Д. Протопопова старец, однако, выставлял себя и, показывая на свою руку, говорил И.Ф. Манасевичу-Мануйлову, выпущенному из Дома предварительного заключения: «Вот, пока ты там сидел на замке, Протопопов назначен, теперь Россия здесь держится... Это я сделал». ¹⁹⁴ В очередной раз Г.Е. Распутин выдавал желаемое за действительное.

«Общественная молва считала, — вспоминал В.Н. Шаховской, — что Протопопов является ставленником Распутина. Да можно ли это считать верным, раз его рекомендовали: Родзянко, Сазонов, английский король и на самого государя он произвел отличное впечатление? Если Распутин прибавил и свой голос за Протопопова, то все же, после всех перечисленных рекомендаций, нельзя было считать его “ставленником Распутина”». ¹⁹⁵ «Ставленником Распутина я, — показывал А.Д. Протопопов, — себя не чувствовал, считал свое назначение, если таковое будет, зависящим от многих причин и, лишь, в том числе и от разговоров обо мне Распутина». ¹⁹⁶ Главным фактором, обусловившим назначение А.Д. Протопопова управляющим МВД, была не камарилья, а IV Государственная дума.

¹⁹² Александра Федоровна — Николаю II. 15 сентября 1916 г. // Там же. С. 742.

¹⁹³ Аврех А.Я. Указ. соч. С. 148.

¹⁹⁴ Допрос И.Ф. Манасевича-Мануйлова. 10 апреля 1917 г. С. 65.

¹⁹⁵ Шаховской В.Н. Указ. соч. С. 84.

¹⁹⁶ Показания А.Д. Протопопова. С. 5, 13.

А.А. ИВАНОВ

**Отношение к Германии и немцам правого депутата
Н.Е. Маркова накануне, во время и после Первой мировой
войны**

Накануне Первой мировой войны большинство русских правых придерживались прогерманской внешнеполитической ориентации, полагая, что добрососедские отношения с кайзеровской Германией, близкой царской России не только политически и династически, но и являвшейся для нее важным экономическим партнером, куда важнее сомнительного, с их точки зрения, союза с республиканской «революционной» Францией или конституционной «масонской» Англией. Об этом до войны достаточно много и аргументированно писали такие консервативные публицисты как Ю.С. Карцов, А.Е. Вандам (Едрихин), князь А.Г. Щербатов, К.Н. Пасхалов и др.¹ Не был исключением и председатель Главного совета Союза русского народа, депутат III—IV Государственных дум, один из неформальных вождей фракции правых Николай Евгеньевич Марков (1866—1945).² Как и большинство его единомышленников, вплоть до самого начала войны с Рейхом Марков относился к Германии, ее кайзеру и немцам вполне дружелюбно. Марков, по словам его соратника М.Я. Говорухо-Отрока, «хвалил императора Вильгельма, плюющего на конституцию и прижавшего хвост социалистам»,³ видел в немцах близкий по духу народ и делал все возможное, чтобы изменить внешнеполитический курс Российской империи и добиться заключения русско-германского союза.

За два месяца до начала Первой мировой войны, в мае 1914 г., Н.Е. Марков, оппонируя с думской кафедры лидеру кадетской партии П.Н. Милюкову, придерживавшемуся англофильских позиций, заявлял: «Лучше вместо большой дружбы с Англией иметь маленький союз с Германией: это будет проще, и здесь, мне кажется, мы гораздо легче можем договориться. С Германией мы не воевали [...] со времени Ели-

¹ См., напр.: *Белянкина В.Ю.* Внешнеполитические взгляды русских правых в начале XX века. (1905—1914 гг.): Автореф. дисс. ... к. ист. н. Кострома, 2005; *Репников А.В.* Консервативные концепции переустройства России. М., 2007. С. 234—240; *Иванов А.А., Репников А.В.* Предисловие // Первая мировая война в оценке современников: власть и российское общество. 1914—1918 гг.: в 4 т. М., 2014. Т. 2. С. 12—18.

² См. биографию Н.Е. Маркова: *Николаев А.Б., Ромов Р.Б.* Марков (Марков 2-й) Николай Евгеньевич // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 357—359.

³ Цит. по: *Ромов Р.Б.* Фракция правых в III Государственной думе (1907—1912). Дисс. ... к. ист. н. М., 2003. С. 416.

заветы Петровны [...] У нас нет причин для войны: нужна война между Францией и Германией, нужна война между Англией и Германией, да, но между Россией и Германией война не нужна ни для России, ни для Германии, это очевидно. Но нас вовлекают, потому что у нас как-никак 2.000.000 штыков и небольшая броненосная эскадра...».⁴ Поэтому, подчеркивал правый политик, «первейший долг настоящего момента заключается для нашей дипломатии в возможном отыскании миролюбивого, не нарушающего достоинства ни той, ни другой стороны, не нарушающего взаимных интересов соглашения с Германией <...> ибо это единственный способ избегнуть ужаснейшей войны, результаты которой никто не может учесть».⁵

Однако эти призывы не встретили поддержки в российском МИДе. Как вспоминал член Главной палаты Русского народного союза имени Михаила Архангела Ю.С. Карцов незадолго до войны на одном из вечеров, устроенных министром иностранных дел С.Д. Сазоновым, Марков «попробовал было заикнуться о союзе с Германией», но глава МИДа «прервал его категорическим заявлением: “Союз с Германией в предположения русского правительства не входит”».⁶ К тому же к 1914 г. союз, которого желал Марков, не входил не только в планы официального Петербурга, но и Берлина, в котором, по справедливому замечанию С.С. Ольденбурга, «в это время не замечалось никакого желания “пойти навстречу”».⁷ Поэтому даже среди своих соратников и единомышленников Марков не всегда встречал понимание в этом вопросе. Его земляк и софракционер Г.А. Шечков, имевший репутацию «горячего сторонника Маркова»,⁸ тем не менее, предупреждал правых и их лидера, что прогерманская ориентация обернется в конце концов пустой тратой времени и усилий, поскольку Германия определенно готовится к войне с Россией, но оказался не услышанным.⁹ И даже когда официоз германского внешнеполитического ведомства «Kölnische Zeitung» опубликовал статью, предупреждавшую немецкое общество о якобы нависшей над ним опасности со стороны России, призывая «ради собственного выживания» решиться «на предупредительную войну против своих противников, еще не готовых полностью к военному столк-

⁴ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия вторая. СПб., 1914. Ч. II. Стб. 430—431.

⁵ Там же.

⁶ Архив ДРЗ. Ф. 1. Д. М—76 (1). Л. 284.

⁷ *Ольденбург С.С.* Царствование императора Николая II. Мюнхен, 1949. Т. 2. С. 133.

⁸ Архив ДРЗ. Ф. 1. Д. М—76 (1). Л. 187.

⁹ *Ромов Р.Б.* Фракция правых в III Государственной думе (1907—1912). С. 336.

новению», подконтрольная Н.Е. Маркову газета «Земщина» старалась убедить своих читателей, что, несмотря на «газетный шум», Германия по-прежнему желает избежать военного столкновения с Россией.¹⁰

С началом Первой мировой войны, когда «доктрина» Маркова в отношении Германии и немцев потерпела крах, Николай Евгеньевич стал стремительно менять риторику. Выступая на одном из патриотических вечеров, устроенных монархистами, Марков, не жалея красок, рисовал следующую страшную картину: «Поблекли образы Наполеона, Аттилы, Тамерлана. В океане человеческой крови, среди развалин, мы зрим зловещий лик Вильгельма Кровавого. 50 лет мечтали народы Европы. Выработывали нормы о мире и сокращении вооружений, нормы международного права: Женевская конвенция, Гагская конференция, съезды пацифистов. Лиги мира выработывали правила войны, запрещали трогать мирное население, стрелять разрывными пулями, мучить раненых, убивать пленных. 50 лет народы Европы мечтали о благах мира, о разоружении. А все эти 50 лет германцы мечтали о благах войны и без шума и огласки систематично вооружались против Европы. Христианские правители народов Европы влеклись к выполнению завета Христова к добру, милости и всепрощению, а германские правители, злорадно смеясь, ковали в подземельях Круппа оковы для всего человечества, готовили из своего народа палачей, уничтожителей христианства, лихорадочно изготавливали орудия истребления людей. Мы, христиане, учили детей наших жить в мире и добре. Они, германцы, учили своих детей военным упражнениям и презрению и ненависти ко всему не германскому. Мы мечтали о всечеловечестве. Германцы о всегерманстве. <...> Мы обрабатывали нивы, они отливали чудовища-пушки. Мы искали Христа, Германцы — Антихриста. И вот грянул гром, перекрестился русский народ: «Чур нас нечистая сила!» Из огненных недр подземных заводов, скрежета стальными зубами, отравляя дыхание убийственными газами, кидая миллионы смертей, пуль, бомб и мин, на ужаснувшееся человечество набросился с окровавленной пастью зверь Апокалипс, Антихрист и, как истый Антихрист, он прикрылся именем Божьим».¹¹

Рассуждая о национальном характере и религиозности немцев, в которых, по мнению русского политика и крылась причина их коварности и бесчеловечности, Марков продолжал: «Какой же это бог германцев? Есть ли это Бог христианский? Это старый германский бог. Во имя своего бога германцы объявили все свои договорные обяза-

¹⁰ *Котов Б.С.* «Что можно германскому Зевсу...» Образ Германии в русской прессе в период «газетной войны» весны 1914 года // Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки». 2011. № 3. С. 89, 93—94.

¹¹ Вестник Союза русского народа. 1915. 17 июля.

тельства клочками бумаги, ограбили всех мирных жителей, изнасиловали женщин, засекли детей до смерти. Если матери жаловались на голод, то избивали детей, дабы дети не голодали. Расстреливали тех, кто не снимал шляпы перед ними, разрушали города, цветущие развалины, древние соборы, взяли в плен оставшихся в живых жителей, обратили в рабство пленных, избивали и мучили раненых, соскабливали живое мясо с костей разведчиков, вырезывали на ногах лампасы, четвертовали казаков. Германцы обливали керосином русские санитарные поезда и сжигали раненых вместе с врачами и сестрами, хохотали, среди тонущих англичан, падавших с взорванного корабля, расстреливали других англичан, пытавшихся спасти тонувших германцев. [...] Германцы суть злодеи, не только мужчины, но и женщины и даже дети. Германские писатели, художники, ученые, германские учителя, пасторы, парламентарии, германское общество поголовно не только оправдывают злодеяния своих войск и своих правителей, но и восхваляют их, восторгаются проявлениями германской ярости, ибо все, что усиливает Германию есть добро, все, что полезно не германцам есть зло. Старый бог германцев есть бог ярости, бог истребления, бог мести, бог злобы и проклятия».¹²

«В образе тевтонов на нас обрушилось нашествие скопищ рабов ветхозаветной морали, людей, которые живут идеалами за 2000 лет до нашего времени, — говорил Марков в другой своей речи. — Мы видим людей, которые говорят: человек — это германец, человечество — это германский народ, все остальные народы — или выючный скот для германцев или зверье, подлежащее истреблению. «Падающего толкни», вот философия истинного германизма, которую в свое время недостаточно оценили, а теперь пора вспомнить. Победа Германии — это сплошное разрушение городов, сел, избиение мирных жителей, насильствие женщин. Где идут победоносные, как они говорят, немецкие войска, там слышится хруст младенческих костей. Детей малых, и тех разрывают на куски эти звери в образе человеческом! Эти полчища бронированных рабов, посланных темною, злою силою, с каким-то механическим, бесчувственным упорством маршируют, как на параде, против наших доблестных молодецких русских войск; они маршируют и несут колоссальные потери, что-то вроде переселения саранчи, наполняют овраги, реки трупами своих воинов, идут по трупам, лезут вперед к какой-нибудь Варшаве, которую они наметили целью своего завоевания».¹³

Естественно, что после таких речей правого политика, у тех, кто хорошо был знаком с предвоенной риторикой Н.Е. Маркова в отно-

¹² Вестник Союза русского народа. 1915. 17 июля.

¹³ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия третья. Пг., 1915. Стб. 127.

шении Германии и немцев, должен был возникнуть резонный вопрос: если немцы оказались именно таковыми, какими их теперь изображает лидер думских правых, то тогда зачем он призывал к союзу с ними накануне войны? Но Марков не тратил время и силы на объяснение произошедшей с ним перемены во взглядах на Германию и немцев, а, как и некоторые другие его единомышленники (например, В.М. Пуришкевич¹⁴), быстро перестраивался в угоду политическому моменту. При этом Марков попытался (впрочем, довольно неуклюже) объединить в одном лице «врага внутреннего» (еврейство) и врага внешнего (германцев). В своих выступлениях он постоянно подчеркивал, что война идет вовсе не с «Австро-Германией», а с «Иудо-Германией». В лекции, прочитанной перед курским дворянским собранием, Марков, например, указывал, что несмотря на то, что на германских касках и кушаках начертано «С нами Бог», следует учитывать, что «бог этот — бог иудейский, бог талмуда».¹⁵ А в речи перед Главным советом Союза русского народа, посвященной тому же вопросу, Марков уже не только голосовно обвинял, но и приводил «доказательства» слияния философии германизма с иудаизмом: немецкий язык он сравнивал с «иудейским жаргоном» (идиш); главенствующее вероисповедание Германии — лютеранство — Марков считал более близким к иудаизму, нежели к христианству и особо подчеркивал «засилье» и «огромное влияние евреев» на политические дела Вены и Берлина. «Идет война христианская с иудо-германством», — таким был конечный вывод правого оратора.¹⁶

Не менее жестким была в годы войны и позиция Н.Е. Маркова в отношении немецких колонистов. Развивая выдвинутую правым лагерем программу борьбы с «немецким засильем», Н.Е. Марков, выступая на XI съезде Объединенного дворянства, проходившем в Петрограде в марте 1915 г., заявлял: «У всех этих хищных германцев надо вырвать зубы, надо отнять у них возможность пожирать русское достоинство. И не следует заботиться вопросом: справедливо это или не справедливо; по германцам надо ударить одним мощным взмахом русского законодательства».¹⁷ А в ноябре того же года, выступая на Нижегородском совещании монархистов, Марков конкретизировал свою программу, предложив «выселить всех немцев-колонистов, приехавших в Россию в

¹⁴ См.: *Иванов А.А. От симпатий к противоборству: представления В.М. Пуришкевича о Германии и немцах // Консерватизм в России и Германии: опыт интернационального диалога. Воронеж, 2012. С. 114—120.*

¹⁵ Курская быль. 1915. 13 мая.

¹⁶ Вестник Союза русского народа. 1915. 17 июля, 9 августа.

¹⁷ Объединенное дворянство: Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. 1906—1916 гг. М., 2002. Т. 3. С. 528.

течение последних 50 лет, а их земли раздать раненым воинам-крестьянам».¹⁸

Впрочем, все эти антигерманские и антинемецкие пассажи, как и постоянные призывы к войне до победного конца, не спасали Н.Е. Маркова от обвинений в германофильстве. Его политические противники из либерального лагеря не верили в искренность германофобских речей, зазвучавших из уст правого политика с началом войны и продолжали муссировать слухи о его тайном германофильстве. Ему вспоминали и «маленький союз с Германией», трактуемый в условиях войны чуть ли не как призыв к государственной измене; называли «лидером германцев», когда он с думской кафедры указывал на то, что патриотическое воспитание немецкого юношества было поставлено перед войной гораздо лучше, чем у нас;¹⁹ видели «доказательство» сочувствия Маркова врагам в том, что он «бестактно» заявил, что в его роду было немало предков немецкой крови.²⁰ Попытки же Маркова оправдаться, указывая на то, что к союзу с Германией он призывал до войны, с единственной целью ее оттянуть; что его предвоенную внешнеполитическую ориентацию следовало понимать исключительно как призыв не ссориться, но в то же время вооружаться до зубов;²¹ что он был искренне убежден — преждевременная война с Германией опасна для России;²² что делать вывод из признания о текущей в его жилах немецкой крови, что он «не русский, а немец, может только помешанный на чистых кровях мозг... национал-психопата»²³ — никого из противоположного политического лагеря не переубедили. Прежнего «германофильства» Маркову не простили, используя его для дискредитации как самого политика, так и всего политического течения, которое он представлял.

Очередной поворот в отношении Н.Е. Маркова и немцам произошел после революции 1917 года. Это отношение, как и накануне 1914 г., из эмоционального снова превратилось в деловое. В 1918 г. он вступил в контакт с немцами, надеясь использовать их для будущего свержения большевиков, рассчитывая, по словам его соратника В.П. Соколова, что «императорская Германия, вынужденная в целях борьбы прибегнуть к большевизму как к средству борьбы, не может, ради своих же собственных интересов, терпеть в соседней с ней России опас-

¹⁸ Труды Всероссийского монархического совещания в г. Н. Новгороде уполномоченных правых организаций с 26 по 29 ноября 1915 г. Пг., 1916. С. 33.

¹⁹ *Арсеньев К.* На темы дня // Вестник Европы. 1916. № 3. С. 333—334.

²⁰ См., напр.: Утро России. 1915. 18 января.

²¹ Новое время. 1915. 5 (18) августа.

²² Курская быль. 1914. 18 декабря.

²³ Земщина. 1915. 13 января; Курская быль. 1915. 16 января.

ный для нее самой «порядок»». ²⁴ Маркову казалось, что после того, как Россия оказалась выведенной из войны, Германия потеряет всякий интерес к большевизму как к «мавр», сделавшему свое дело, и поддержит русские консервативные силы в деле восстановления государственного порядка. Он лично вел переговоры с доверенным лицом немецкого генерала П. Гинденбурга, но из-за кабальных требований германской стороны договоренности достигнуть так и не удалось.

Оказавшись после поражения Белого движения в вынужденной эмиграции в Берлине, Н.Е. Марков приступил к тесному сотрудничеству с местными правыми, в частности с обществом «Aufbau» («Возрождение») и его руководителем М. фон Шейбнер-Рихтером — прибалтийским немцем, одним из первых членов НСДАП, выступавшим сторонником германо-русского единства. При деятельной поддержке Шейбнер-Рихтера Маркову удалось провести в 1921 г. в баварском г. Бад-Рейхенгалль представительный съезд русских монархистов-эмигрантов (Съезд хозяйственного восстановления России), избравший бывшего лидера думских правых председателем Высшего монархического совета. Естественно, что в этот период никакого негатива в отношении Германии и немцев в публичных речах правого политика-эмигранта уже не звучало. После прихода к власти Гитлера Марков счел возможным пойти на сотрудничество с национал-социалистами, поступив в 1935 г. по приглашению У. Флейшгауэра в русскую секцию «Мировой службы». При этом, будучи человеком неглупым, Марков вполне отдавал себе отчет в том, что германские национал-социалисты, являясь врагами коммунизма, не будут особо благосклонны и к русским эмигрантам-монархистам, мечтающим о восстановлении сильной царской России. «Для нас, русских, присутствующих у чужих господ, все это грозит «похмельем на чужом пиру». Как бы ни развернулись здешние события, нам все ж достанется на орехи», — отмечал он в письме к племяннику. ²⁵ Для подобных подозрений у Маркова хватало оснований, о чем он упоминает в другом письме. Отзываясь о немцах, политик отмечал: «Народ симпатичный, но пальца в рот им не клади. Да и очень уж разлакомились они бросать в тюрьму всякого, кто не проявляет полного послушания. наших русских сидит у них под замком целая уйма, притом немало и совсем правых людей. Вообще, лошадке этой надо еще пообъездиться и поугомониться, а пока лучше не подходить, чтобы сдуру не угодила копытом». ²⁶ Но вместе с тем, успокаивал себя

²⁴ Соколов Н.А. Предварительное следствие 1919—1922 гг. [Сб. материалов] / Сост. Л.А. Лыкова. М., 1998. С. 302—303. (Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах. XVIII—XX вв. Вып. 8).

²⁵ Иванов А.А., Машкевич С.В., Пученков А.С. «Царь и народ: вот формула нашего времени». О взглядах Н.Е. Маркова в 1930-е гг. // Новейшая история России. 2014. № 1. С. 148.

²⁶ Там же.

политик-эмигрант, международный бойкот, в котором по его прогнозам в скором времени должна была оказаться нацистская Германия, и «обстоятельства» быстро «угомонят это воспалительное самомнение и приведут к спасительному убеждению, что без добрых людей и хороших исторических соседей с одним своим фаустом²⁷ (не Фаустом) не проживешь. В частности, пусть за это время втемяшат себе в башку (даром, что длинноголовую), что без восстановления великой и сильной России им из ямы не выползти».²⁸ Однако и на этот раз Н.Е. Марков ошибся — создание сильной России совершенно не входило в планы немецких нацистов, что со всей наглядностью показали дальнейшие события.

Таким образом, взгляды Н.Е. Маркова на Германию и немцев пережили ряд серьезных трансформаций и, как представляется, зависели не столько от искреннего изменения его личных воззрений, сколько от менявшейся политической конъюнктуры. Являясь политиком-практиком, человеком, лишенным во внешнеполитических вопросах «слоняной сентиментальности» (выражение В.М. Пуришкевича), Марков быстро перестраивался, стараясь учитывать момент и настроения общества. Но при этом важно заметить, что и перед началом Первой мировой войны, и во время ее, и в период эмиграции Германия и немцы волновали Н.Е. Маркова исключительно с одной точки зрения — насколько полезны или вредны они могли быть для величия и могущества русской самодержавной монархии. А дальше уже было, как говорится, «дело техники»: в зависимости от политических реалий немцы превращались либо в традиционных друзей России, либо в ее непримиримых противников.

²⁷ Faust — кулак (нем.).

²⁸ *Иванов А.А., Машкевич С.В., Пученков А.С.* «Царь и народ: вот формула нашего времени». С. 148—149.

Становление и развитие парламентаризма в странах СНГ

Е.А. ТАРАСОВА

Работа Конституционного совещания РФ (июнь — декабрь 1993 г.)

Идея создания новой конституции возникла в РСФСР на волне подъема демократического движения начала 1990-х гг. На I Съезде народных депутатов РСФСР была создана Конституционная комиссия. В течение трех лет она подготовила проект конституции, отражающий позицию демократических сил на Съезде. Конституционную комиссию все время ее работы возглавлял Б.Н. Ельцин.¹ Разработчики проекта пытались обеспечить эволюцию политической системы России, используя опыт как советского, так и зарубежного конституционного строительства.

Наряду с проектом Конституционной комиссии существовали еще более десяти крупных альтернативных проектов, в которых предлагались различные варианты политического и федеративного устройства страны.² Однако единственным проектом, имеющим официальный статус, оставался проект Конституционной комиссии. Новая конституция должна была быть принята Съездом народных депутатов России. Но хотя на каждом съезде рассматривались вопросы, связанные с подготовкой проекта, его так и не вынесли на голосование. С чем это было связано?

Во-первых, депутаты были озабочены общей кризисной ситуацией как в экономике, так и в политике. Не были до конца урегулированы

¹ Шаблинский И.Г. Пределы власти. Борьба за российскую конституционную реформу (1989—1995 гг.). М., 1997. С. 54.

² См.: Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990—1993 гг.). М., 2009. Т. 5.

вопросы с положением регионов, наблюдались сепаратистские тенденции. В то же время сохранялась надежда на восстановление единства (конечно, на новых условиях) с рядом бывших союзных республик. Необходимо было провести реформы, обеспечить стабильность. Это подталкивало депутатский корпус к выводу, что принятие новой конституции несвоевременно.

Во-вторых, в вопросах о характере нового основного закона не было единства и в рядах депутатов, далеко не все были готовы принять проект Конституционной комиссии. Фракции и депутаты предлагали как существенные поправки, так и свои альтернативные проекты.¹

В-третьих, нужно отметить изменение позиции Б.Н. Ельцина в отношении проекта Конституционной комиссии. Если в 1990 и даже в 1991 гг. он в целом одобрял проект, то, начиная с конца 1991 г., он со своей стороны также высказывал несогласие с рядом статей и настаивал на необходимости его доработки. Б.Н. Ельцин не устраивал предложенный в проекте баланс исполнительных и законодательных органов власти. Получив 28 октября 1991 г. на V съезде народных депутатов РСФСР дополнительные чрезвычайные полномочия на период проведения радикальной экономической реформы,² Президент хотел сохранить их и в новой политической системе.

Четвертой важной причиной является развитие конфликта в высших эшелонах власти России. Эскалация конфликта в 1992—1993 гг. мешала нормальному ходу конституционного процесса.

Проблема принятия новой конституции стала важным элементом в разрастающемся кризисе российской государственности. Каждая сторона конфликта хотела закрепить желаемое государственное устройство, федеративные отношения при общем демократическом векторе развития России. В этих условиях, оставаясь формально главой Конституционной комиссии, Б.Н. Ельцин подготовил свой, так называемый «президентский» проект Конституции. 29 апреля 1993 г. он представил его на совещании руководителей республик в составе Российской Федерации, глав администраций краев, областей, автономных образований и городов федерального значения. Этот проект был подготовлен С.М. Шахраем и С.С. Алексеевым по указанию Президента. Он во многом повторил (даже текстуально) положения проекта Конституционной комиссии, также были привлечены материалы проекта С.М. Шахрая (вариант «О»), проекта международного фонда «Рефор-

³ Конституции РФ: Альтернативные проекты. М., 1993. Т. 2. С. 74—106, 138—139.

⁴ Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и ВС РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1456.

ма» (А.А. Мишин, Ю.И. Скуратов) и проекта рабочей группой РДДР (А.А. Собчак, С.С. Алексеев, Ю.Х. Калмыков, С.А. Хохлов и др.).⁵

Хотя многие статьи официального и президентского проектов похожи, последний значительно меньше по объему. Принципиальные различия наблюдаются в статьях, посвященных государственному устройству, полномочия президента в нем значительно усилены.⁶ Также большое влияние получила Администрация Президента, которая формировалась без участия парламента.⁷ Сам парламент выглядел в проекте очень слабым, а роспуск Федерального Собрания президент мог осуществить единолично.⁸ В обоих проектах было достаточно много заимствований из зарубежного конституционного опыта, в том числе в вопросе формирования политической системы. Можно согласиться с высказыванием А. Витале, что «[...]«совершенная модель» заимствованной на Западе государственности (а вовсе не византийское и самодержавное наследие, как утверждают многие исследователи, например, Р. Пайпс, У. Прокаччия и др.), ее вселили все еще остаются препятствием для возможного индивидуального социально-политического развития страны».⁹

Президентский проект был опубликован в ряде центральных газет в конце апреля — начале мая 1993 г., через несколько дней после проведения Всероссийского референдума 25 апреля 1993 г., результаты которого были расценены Б.Н. Ельциным как выражение поддержки его политики. Хотя большинство граждан России при этом высказались за продолжение работы парламента,¹⁰ Б.Н. Ельцин поспешил объявить о своей победе и начал активно проводить работу по приданию легитимности президентскому проекту в обход как проекта Конституционной комиссии, так и самого этого органа.

В мае — июне 1993 г. Президент издал ряд указов, которыми создавалось Конституционное совещание РФ и регламентировалась его

⁵ Митюков М.А. Конституционное совещание 1993 года: рождение Конституции России: статьи, выступления, интервью, документы, дневниковые и блокнотные записи (1993—2012). М., 2015. С. 12—13.

⁶ Конституции РФ: Альтернативные проекты. М., 1993. Т. 2. С. 98.

⁷ О проекте новой Конституции, подготовленном по инициативе Президента РФ: Тезисы анализа (Материал подготовлен Парламентским центром РФ) // Проекты Конституции РФ и аналитические материалы (В 2-х частях). М., 1993. Ч. 2. С. 67.

⁸ Там же. С. 100—101.

⁹ Витале А. Российская государственность в сравнительной перспективе: русская традиция и западная модель государственного устройства // Новейшая история России. 2013. № 3. С. 33.

¹⁰ Российская газета. 1993. 6 мая.

работа.¹¹ Предполагалось, что в результате работы Конституционного совещания будет создан компромиссный, согласованный проект, учтены интересы различных участников российского политического процесса, регионов, произойдет консолидация общественных сил для разработки новой Конституции. Для достижения этой цели в составе Конституционного совещания было образовано 5 групп: представителей федеральных органов государственной власти (координаторы В.С. Черномырдин и А.М. Яковлев); представителей органов государственной власти субъектов Российской Федерации (координаторы С.М. Шахрай, В.А. Степанов, А.С. Тяжлов); представителей местного самоуправления (координаторы Ю.Ф. Яров и Б.А. Золотухин); представителей политических партий, общественных движений, профсоюзов и конфессий (А.А. Собчак, В.Л. Шейнис); представителей товаропроизводителей и предпринимателей (В.Ф. Шумейко и С.С. Алексеев).¹²

Однако реализация этой идеи не оправдала надежд. В основу для создания новой Конституции в этом органе был положен президентский проект. Другие же проекты, в том числе разработанный Конституционной комиссией, изначально не рассматривались даже как альтернативные. Политика Президента в отношении политических оппонентов с первого же дня работы Конституционного совещания была весьма агрессивной. В первом же своем выступлении Б.Н. Ельцин обвинил Советы в разгоне Учредительного собрания в 1918 г. и заявил, что «нынешние представительные органы избирались на основе советского избирательного закона, а значит, они остаются продолжателями захваченной силой власти».¹³ Попытавшемуся взять слово Председателю Верховного Совета РФ Р.И. Хасбулатову устроили обструкцию. Буквально вынесли из зала лидера одной из коммунистических фракций парламента Ю.М. Слободкина.¹⁴

Подрывала доверие к работе Конституционного совещания и сама организация работы этого органа. Обеспечение деятельности Конституционного совещания и рабочей комиссии было возложено на Администрацию Президента и аппарат правительства РФ. Общее руководство всеми вновь образованными органами по подготовке конституции осуществлял руководитель Администрации Президента С. Филатов.¹⁵ Заседания групп проводились раздельно, по окончании работы каждая из

¹¹ Известия. 1993. 14 мая, 22 мая, 4 июня.

¹² Указ Президента РФ от 02.06.1993 № 840 «О порядке работы Конституционного совещания» // САПП РФ. 1993. № 23. Ст. 2104.

¹³ Российские вести. 1993. 8 июня.

¹⁴ Митюков М.А. Указ. соч. С. 224.

¹⁵ Калмыков Ю.Х. Повороты судьбы: В двух парламентах, одном правительстве. В национальном движении. М., 1996. С. 86.

них направляла в рабочую комиссию таблицу поправок с решением по каждому из них.¹⁶ В результате, как указывает С.А. Авакьян, «каждая группа всего лишь передавала свой вариант рабочей комиссии. И вот эта узкая группа лиц, определенная президентом, как раз и готовила окончательный вариант текста Конституции».¹⁷

Не сумевший выступить на открытии Конституционного совещания Р.И. Хасбулатов не стал принимать участие в его работе, вслед за ним ушла часть депутатов и ряд других участников.¹⁸

Важным аспектом в ходе работы Конституционного совещания стала позиция субъектов Федерации, которые использовали его для отстаивания своего суверенитета, получения большей самостоятельности от федерального центра. В условиях борьбы с парламентом Президент летом 1993 г. шел на уступки регионам. Корректируя президентский проект, участники Совещания обратились к материалам других проектов, прежде всего Конституционной комиссии, однако говорить об интегрированном проекте нам представляется неверным, учитывая кардинальную разницу в понимании характера будущей политической системы у разработчиков исходных текстов.

Конституционное совещание открылось 5 июня 1993 г. Его работа на первом этапе превысила первоначальные сроки (до 16 июня) и продолжилась до 12 июля 1993 г. В результате появился проект, который сохранил основные положения предложенного Б.Н. Ельциным текста, но усилил права регионов и в целом потерял облик «суперпрезидентского». Были скорректированы полномочия Президента, в отношении республик закрепилось определение «суверенные», было предусмотрено больше самостоятельности для субъектов Федерации, формально закреплено их равенство. Изменилось положение Государственной Думы: теперь она должна была состоять из 400 депутатов, ей были преданы некоторые полномочия от Совета Федерации, который являлся избираемым органом и состоял из депутатов. Теперь президент мог распустить не все Федеральное Собрание, а только Государственную Думу. Стало меньше оснований и для отрешения президента от должности.¹⁹

Подготовленный Конституционным совещанием летом 1993 г. проект, согласно действующей Конституции, мог быть рассмотрен и при его одобрении принят Съездом народных депутатов РФ. Однако, понимая, что в условиях противостояния в высших эшелонах российс-

¹⁶ САПП РФ. 1993. № 23. Ст. 2105.

¹⁷ Авакьян С.А. Конституция России: Природа, эволюция, современность. 2-е изд. М., 2000. С. 168—169.

¹⁸ Румянцев О.Г. Основы конституционного строя России. М., 1994. С. 188.

¹⁹ Конституционное совещание, 29 апреля — 10 ноября 1993 г. М., 1996. Т. 17. С. 361—412.

кой власти доля вероятности положительной оценки проекта на Съезде невелика, президент озвучивал другие возможные варианты принятия конституции, в том числе на Учредительном собрании.²⁰ Б.Н. Ельцин издал указ «О порядке согласования Конституции РФ», предписывающий провести согласование проекта Конституционного совещания с представительными и исполнительными органами власти субъектов Федерации.²¹

Конституционная комиссия также активизировала свою работу летом 1993 г. Верховный Совет РФ принял постановления «О порядке согласования и принятия проекта Конституции РФ», «О работе над проектом Конституции РФ» и другие акты, предусматривающие создание согласительного проекта, учитывающего как разработки Конституционной комиссии, так и Конституционного совещания.²² Продолжилось обсуждение проекта Конституционной комиссии, в том числе в субъектах Федерации.

Конституционное совещание не смогло ни заменить, ни вытеснить из процесса конституционного строительства Конституционную комиссию, подготовленный ею проект по-прежнему оставался актуальным. В сентябре Верховный Совет обратился к президенту с предложением начать переговоры по выработке мер в области конституционной реформы, предложив пакет возможных решений.²³ В начале сентября Б.Н. Ельцин также демонстрировал стремление к поиску компромисса. 8 сентября 1993 г. им, как председателем Конституционной комиссии, была создана рабочая группа по рассмотрению проекта Конституции РФ, одобренного Конституционным совещанием, и подготовке предложений по выработке единого согласованного проекта Конституции РФ. Ее руководителем стал Н.Т. Рябов.²⁴

Рабочая группа отметила общность проектов Конституционной комиссии и Конституционного совещания и начала работу над их соединением, приняв за основу проект Конституционного совещания.²⁵

²⁰ Батурин Ю. Конституционные этюды. Институт права и публичной политики. М., 2008. С. 77—78.

²¹ Конституционное совещание, 29 апреля — 10 ноября 1993 г. Т. 17. С. 413—414.

²² Постановления Съезда народных депутатов РФ, ВС РФ и другие нормативные акты по вопросам развития конституционной реформы в РФ (декабрь 1992 — сентябрь 1993 гг.). М., 1993. С. 5—7.

²³ Румянцев О.Г. Основы конституционного строя России. М., 1994. С. 188—189.

²⁴ Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: Стенограммы, материалы, документы (1990—1993 гг.). М., 2009. Т. 4. Кн. 3. С. 410—411.

²⁵ Там же. С. 422—423.

В результате в проект от 12 июля был внесен ряд поправок, самые существенные — ограничение самостоятельности субъектов Федерации, исключение положения о республиках в составе РФ как суверенных государствах. Была сокращена ст. 80: исключено положение о том, что президент определяет основные направления внутренней и внешней политики государства.²⁶

События 21 сентября — 4 октября 1993 г. в корне изменили ситуацию. Государственный переворот, осуществленный президентом, позволил ему самостоятельно решать вопросы, связанные с разработкой и принятием новой конституции. В Москве в соответствии с распоряжением Б.Н. Ельцина возобновило свою работу Конституционное совещание, были образованы Государственная и Общественная палаты.²⁷ Особое значение для разработки Конституции при этом имела комиссия С.А. Филатова.²⁸ При этом, как указывает Ю.Х. Калмыков, свою редакцию уже согласованных на Совещании и в Арбитраже решений проводила также рабочая группа Конституционного совещания под руководством заместителя начальника ГПУ А. Сливы.²⁹ Группы Конституционного совещания осенью 1993 г. редактировали проект от 12 июля 1993 г. Разработки же рабочей группы Конституционной комиссии Н. Рябова сентября 1993 г. были «переданы экспертам» наряду с материалами из других структур.³⁰

3 ноября была создана Согласительная комиссия под руководством С. Филатова, в которую вошли А.С. Беляков, Ю.М. Лужков, В.Н. Степанов, Б.А. Золотухин, А.А. Собчак, С.М. Шахрай, М.А. Митюков, Б.Н. Топорнин.³¹ Работа над проектом Конституции продолжалась до 7 ноября, затем он был передан Президенту.

В результате работы групп Конституционного совещания осенью 1993 г. летний проект этого органа был существенно переработан. Были внесены изменения более чем в 60 статей.³² Среди самых существен-

²⁶ Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: Стенограммы, материалы, документы (1990—1993 гг.). М., 2009. Т. 4. Кн. 3. С. 813—828.

²⁷ Распоряжение Президента РФ от 11 октября 1993 г. № 685-рп «Об образовании Государственной палаты Конституционного совещания» // САПП РФ. 1993. № 42. Ст. 3999; Распоряжение Президента РФ от 24.09.1993 г. № 659-рп «Об образовании Общественной палаты Конституционного совещания» // Там же. № 39. Ст. 3674.

²⁸ Шейнис В. Взлет и падение парламента: Переломные годы в российской политике (1985?1993). М., 2005. Т. 2. С. 456—457.

²⁹ Калмыков Ю.Х. Указ. соч. С. 86—87.

³⁰ Конституционное совещание, 29 апреля — 10 ноября 1993 г. М., 2006. Т. 18. С. 144.

³¹ Митюков М.А. Указ. соч. С. 279.

³² Там же.

ных можно отметить следующие: республики в составе РФ перестали именоваться суверенными, усилились полномочия Президента, изменился характер формирования Совета Федерации, были скорректированы положения, связанные с понятием гражданского общества.³³

Окончательную правку проекта осуществил лично Б.Н. Ельцин.³⁴ С ней можно ознакомиться на страницах многотомного издания «Конституционное совещание», изданного Администрацией Президента.³⁵ Президент получил право председательствовать на заседаниях Правительства, издавать нормативные акты, была исключена формулировка о Президенте как должностном лице и другие. После подписания проекта Президентом он был передан в Центральную избирательную комиссию и вынесен на референдум. Публикация проекта началась с 10 ноября 1993 г. только для ознакомления, то есть без права внесения предложений к изменению или дополнению текста.³⁶

Обращаясь к работе Конституционного совещания на втором этапе, осенью 1993 г., можно констатировать, что в это время определял, какой будет новая Конституция, прежде всего Б.Н. Ельцин. И хотя были созданы Государственная и Общественная палаты Конституционного совещания, они имели статус совещательных органов. В результате уже не было речи о создании интегрированного проекта, каких-то согласований с Конституционной комиссией, с законодателями, с представителями субъектов Федерации. Отдельного рассмотрения также заслуживает тема принятия новой Конституции, когда было допущено множество грубых нарушений.

Конституционное совещание должно было стать инструментом для достижения консенсуса различных политических сил и государственных органов России при разработке новой конституции. Однако с самого начала его работы оно показало отсутствие готовности Б.Н. Ельцина к достижению компромисса с законодательной ветвью власти и использовалось им для легитимации президентского проекта. На последнем этапе своей работы Конституционное совещание лишилось прежних масштабов, его работа координировалась Президентом и его сторонниками, что привело к отмене многих важных поправок, внесенных летом 1993 г.

³³ Конституционное совещание, 29 апреля — 10 ноября 1993 г. М., 1996. Т. 20. С. 473—542.

³⁴ *Филатов С.* Совершенно не секретно. М., 2000. С. 364—365.

³⁵ Конституционное совещание, 29 апреля — 10 ноября 1993 г. Т. 20. С. 473—542.

³⁶ *Степанов И.М.* Уроки и парадоксы российского конституционализма. М., 1996. С. 44.

А.В. КУРЬЯНОВИЧ

Именное голосование по отдельным положениям проекта Конституции Республики Беларусь в Верховном Совете XII созыва (февраль — март 1994 г.): причины, реализация, последствия

Конституционный процесс в Беларуси, развернувшийся с 1990 г., ставил целью создание проекта Основного Закона, который бы заложил базу развития независимой и демократической Беларуси. Однако эйфория от перспектив конституционного процесса довольно скоро сменилась разочарованием. Разработчикам проекта новой Конституции Беларуси не удалось достигнуть принципиального соглашения по некоторым важным положениям. Данные положения касались введения института президентства, статуса и полномочий высшего законодательного и представительного органа, Конституционного Суда и т.д.

По этой причине практически полностью проваленной оказалась техническая сторона конституционного процесса. Например, конституционный проект рассматривался в Верховном Совете Беларуси XII созыва в двух чтениях: 11 ноября 1991 г., а также 23 и 27 октября 1992 г., т.е. дважды. По белорусскому законодательству законопроект мог обсуждаться только в двух чтениях, после чего должен был приниматься либо нет.

Плачевными результатами окончилось постатейное обсуждение проекта Конституции, которое прошло в два этапа: с 19 мая по 27 мая и с 30 ноября по 2 декабря 1993 г. Если на первом постатейном обсуждении было рассмотрено всего 109 статей (из 173) и полностью были приняты 62 статьи,¹ то на осенне-зимнем постатейном обсуждении прогресс также был небольшим. Дополнительно было утверждено лишь 26 статей. В итоге количество принятых статей к концу 1993 г. составило 88.²

Наконец, Конституция так и не была принята в 1993 г., как это предполагалось специальным заявлением Верховного Совета от 29 октября 1992 г. «О необходимости ускорения конституционных преобра-

¹ Протокол № 12 протоколы регистрации и голосования, стенограмма, бюллетень № 12 двенадцатого заседания 12-й сессии Верховного Совета Республики Беларусь двенадцатого созыва от 27 мая 1993 г. // НА РБ. Ф. 968. Оп. 1. Д. 3201. Л. 208.

² Протокол № 23 протоколы регистрации и голосования, стенограмма, бюллетень № 23 двадцать третьего заседания 13-й сессии Верховного Совета Республики Беларусь двенадцатого созыва от 2 декабря 1993 г. // НА РБ. Ф. 968. Оп. 1. Д. 3258. Л. 158.

зований в Республике Беларусь и принятия новых избирательных законов».³

Ситуация с принятием Конституции осложнялась и тем, что для утверждения каждой статьи, главы и раздела в Верховном Совете требовалось наличие конституционного большинства — не менее двух третей депутатских голосов. С учетом численности Верховного Совета Беларуси XII созыва такое конституционное большинство представлял 231 народный избранник.

Между тем полномочия Верховного Совета Беларуси XII созыва истекали в 1995 г. Перед руководством республики вопрос о принятии Конституции стал во весь рост. Дело в том, что на пост Президента Беларуси предполагалась фигура Председателя Совета Министров В.Ф. Кебича, интересы которого в Верховном Совете отстаивала депутатская группа «Беларусь».

Поэтому сторонники В.Ф. Кебича в Верховном Совете искали новые приемы, чтобы придать конституционному процессу ускоряющий характер, добиться своей главной цели — введения поста Президента. Новый прием заключался в том, чтобы проголосовать в течение нескольких часов за наиболее спорные положения не электронным, а именным голосованием, т.е. на каждого депутата будет выдан бюллетень с его фамилией и вопросами. С этим предложением 19 января 1994 г. выступил депутат Верховного Совета, руководитель депутатской группы «Беларусь» Г.И. Козлов, сославшись на опыт испанских кортесов.

Именное голосование было поддержано руководителем рабочей группы Конституционной комиссии В.И. Шолодоновым, который занимал должность Генерального прокурора. Свое согласие насчет именного голосования выразил и Председатель Верховного Совета С.С. Шушкевич.

Правда, к этому времени положение С.С. Шушкевича серьезно пошатнулось. Против него было настроено большинство Верховного Совета. Председатель уже перестал быть объединительной фигурой, и, по словам депутата В.И. Гончара, «дезорганизовал деятельность Верховного Совета, в результате чего работа в таких условиях стала оскорбительной».⁴

Роковым для С. Шушкевича стал инцидент 15 января 1994 г., связанный с арестом и вывозом с территории Беларуси литовскими спец-

³ Законы и постановления, принятые 10-й сессией Верховного Совета Республики Беларусь двенадцатого созыва, и документы к ним, 20—30 октября 1992 г. // НА РБ. Ф. 968. Оп. 1. Д. 2643. Л. 219.

⁴ Протокол № 49, протоколы регистрации и голосования, стенограмма, бюллетень № 49 сорок девятого заседания 13-й сессии Верховного Совета Республики Беларусь двенадцатого созыва от 22 января 1994 г. // НА РБ. Ф. 968. Оп. 1. Д. 3286. Л. 11.

службами двух бывших высокопоставленных партийных функционеров, М.М. Бурокаявичюса и Ю.Ю. Ермалавичюса, которые разыскивались официальными властями Литовской республики за участие в попытке государственного переворота и причастности к кровавым событиям в Вильнюсе 13 января 1994 г.

Замять скандал не удалось, а Верховный Совет поставил вопрос на принципиальную высоту. С.С. Шушкевича, министра внутренних дел, председателя КГБ обвиняли в том, что было совершено «пиратство по политическим мотивам», что Беларусь превратилась в «прохожий двор», где «крадут людей».⁵

Случай с литовцами имел самое непосредственное отношение к конституционному процессу, так как вместе с министром внутренних дел В.Д. Егоровым и председателем КГБ Э.И. Ширковским отчитываться перед Верховным Советом должен был и В.И. Шолодонов в качестве Генерального прокурора. Большинство депутатов ставили вопрос об освобождении этих лиц от должностей путем электронного голосования.

В.И. Шолодонов поступил весьма трезво и разумно. Он признал упущение Генеральной прокуратуры и попросил депутатов высказать ему доверие путем голосования. Расчет Генерального прокурора был прост: с одной стороны, покайся перед народными избранниками по собственной инициативе, он заслуживал более снисходительного к нему отношения и, с другой стороны, надеялся на свое руководство рабочей группой Конституционной комиссии.

Предположения В. Шолодонова оправдались. Их 234 зарегистрированных депутатов 136 проголосовало за доверие Генеральному прокурору, а В.Д. Егоров и Э.И. Ширковский были отправлены в отставку 25 января 1994 г.⁶ Сохраняя В.И. Шолодонову должность, большинство депутатов надеялось, что он, наконец, поставит точку в бесконечном конституционном процессе, постоянных дискуссиях и прениях, которые окончательно дискредитировали Верховный Совет. Поэтому они не были заинтересованы в замене главы рабочей группы Конституционной комиссии на финише.

В.И. Шолодонов постарался сделать все возможное, чтобы оправдать надежды Верховного Совета. Явную поддержку ему оказал

⁵ Протокол № 46, протоколы регистрации и голосования, стенограмма, бюллетень № 46 сорок шестого заседания 13-й сессии Верховного Совета Республики Беларусь двенадцатого созыва от 19 января 1994 г. // НА РБ. Ф. 968. Оп. 1. Д. 3282. Л. 151.

⁶ Протокол № 49, протоколы регистрации и голосования, стенограмма, бюллетень № 49 сорок девятого заседания 13-й сессии Верховного Совета Республики Беларусь двенадцатого созыва от 22 января 1994 г. // НА РБ. Ф. 968. Оп. 1. Д. 3286. Л. 25.

М.И. Гриб, избранный 28 января на пост Председателя Верховного Совета (С.С. Шушкевич был отозван со своего поста двумя днями ранее).

Новый Председатель Верховного Совета, утвержденный 1 февраля 1994 г. председателем Конституционной комиссии,⁷ заявил, что если депутатский корпус окончательно не решит вопрос по Конституции, то он инициирует референдум.⁸

11 февраля 1994 г. был принято постановление Верховного Совета «О проведении голосования по отдельным положениям проекта Конституции Республики Беларусь путем подачи именных бюллетеней». В соответствии с постановлением рабочей группы Конституционной комиссии поручалось внести предложения о том, по каким положениям надо провести голосование.⁹

Желание руководства Верховного Совета и рабочей группы Конституционной комиссии, откровенно подыгрывающих В.Ф. Кебичу, совпали с интересами группы молодых депутатов (А.Г. Лукашенко, В.И. Гончар, Д.П. Булахов и др.), которые имели собственные политические амбиции. Символом такого «сердечного согласия» стало утверждение 22 февраля 1994 г. В.И. Гончара председателем Счетной комиссии, которая должна была организовать голосование бюллетенями по спорным положениям Конституции.

Необходимость такой комиссии, по словам В.И. Гончара, была обусловлена «организованной неразберихой, связанной с подготовкой проекта Конституции».¹⁰ В состав Счетной комиссии, за создание которой проголосовало 208 депутатов, вошли Д.П. Булахов, М.А. Мачуленко, Н.П. Скорынин, Б.И. Сушкевич. Депутат от оппозиции Белорусского народного фронта (БНФ) Л.П. Борщевский предложил кандидатуру А.А. Шута, но последний отказался «участвовать в этом фарсе».¹¹

⁷ Постановление Верховного Совета Республики Беларусь о председателе Конституционной комиссии // Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. 1994. № 7. Ст. 100.

⁸ Протокол № 68, протоколы регистрации и голосования, стенограмма, бюллетень № 68 шестьдесят восьмого заседания 13-й сессии Верховного Совета Республики Беларусь двенадцатого созыва от 23 февраля 1994 г. // НА РБ. Ф. 968. Оп. 1. Д. 3307. Л. 107.

⁹ Постановление Верховного Совета о проведении голосования по отдельным положениям проекта Конституции Республики Беларусь путем подачи именных бюллетеней // Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. 1994. № 8. Ст.100.

¹⁰ Протокол № 67, протоколы регистрации и голосования, стенограмма, бюллетень № 67 шестьдесят седьмого заседания 13-й сессии Верховного Совета Республики Беларусь двенадцатого созыва от 22 февраля 1994 г. // НА РБ. Ф. 968. Оп. 1. Д. 3306. Л. 168.

¹¹ Там же. Л. 104.

В тот же день, 22 февраля 1994 г., вышло специальное постановление Верховного Совета «Об избрании Счетной комиссии для проведения голосования по отдельным положениям проекта Конституции Республики Беларусь путем подачи именных бюллетеней».¹² Правда, в тексте этого распорядительного документа списки членов комиссии были поданы в алфавитном порядке, специально не выделялись ни председатель, ни секретарь.

Счетная комиссия должна была изготовить бюллетени и организовать голосование с 25 февраля по 1 марта 1994 г. К этому времени были определены те положения, по которым должно было состояться голосование. В бюллетенях, которые, по утверждению В.И. Гончара, «должны исключить любые возможности для спекуляции и обвинений в подтасовке итогов голосования»,¹³ вопрос формулировался следующим образом: «Принимаете ли Вы главу 3 «Верховный Совет Республики Беларусь», главу 4 «Президент Республики Беларусь» и раздел V «Местное управление и самоуправление»? Да. Нет».

Председатель Счетной комиссии заверял, что бюллетени обладают несколькими степенями защиты, которую в том числе гарантирует и личная подпись депутата.

Именное голосование было буквально в штыки встречено парламентской оппозицией БНФ, которая утверждала, что такой прерывной практики принятия Конституции в течение нескольких дней нет ни в одной стране мира. Депутаты от БНФ задавали разные вопросы типа: если бюллетени исчезнут из урны, например, ночью? В.И. Шолодонов парировал это следующим образом: «Не надо подозревать друг друга. Если будем так подозревать, то дойдем до абсурда».¹⁴

В.И. Гончар, в свою очередь, пытался с юридической точки зрения обосновать правомерность такого голосования. Он доказывал, что

¹² Постановление Верховного Совета Республики Беларусь об избрании Счетной комиссии для проведения голосования по отдельным положениям проекта Конституции Республики Беларусь путем подачи именных бюллетеней: постановление Верховного Совета Республики Беларусь // Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. 1994. № 8. Ст. 125.

¹³ Протокол № 67, протоколы регистрации и голосования, стенограмма, бюллетень № 67 шестьдесят седьмого заседания 13-й сессии Верховного Совета Республики Беларусь двенадцатого созыва от 22 февраля 1994 г. // НА РБ. Ф. 968. Оп. 1. Д. 3306. Л. 165.

¹⁴ Протокол № 66, протоколы регистрации и голосования, стенограмма, бюллетень № 66 шестьдесят шестого заседания 13-й сессии Верховного Совета Республики Беларусь двенадцатого созыва от 21 февраля 1994 г. // НА РБ. Ф. 968. Оп. 1. Д. 3305. Л. 88.

поименное голосование проводится не на тайной основе, поэтому для именованного голосования не обязательно соблюдать непрерывность.¹⁵

Согласно статье 37 Временного Регламента Верховного Совета по требованию не менее 1/5 депутатов, присутствующих на сессии, в высшем законодательном и представительном органе должно проводиться поименное голосование с использованием электронной системы либо путем подачи именованных бюллетеней.

На протяжении всего периода работы Верховного Совета XII созыва именованное голосование обычно проводилось по кадровым вопросам, относительно такого голосования по законопроектам решений ранее не принималось. Однако в целом названная статья Временного Регламента позволяла принимать законопроекты путем подачи именованных бюллетеней.

По мнению члена Конституционной комиссии Г.А. Василевича, часть вторая статьи 97 Конституции Республики Беларусь делала полномочия Верховного Совета абсолютно безграничными: он вправе был принять к рассмотрению любой вопрос, относящийся к ведению Республики Беларусь. Поэтому решение Верховного Совета, утверждает, Г.А. Василевич, о проведении голосования по отдельным положениям проекта Конституции путем подачи именованных бюллетеней имело под собой правовую почву.¹⁶

Оппозиция всеми силами старалась переломить настроение депутатов и бойкотировать именованное голосование. С этой целью лидер парламентской оппозиции БНФ З.С. Позняк предпринял следующий демарш. 24 февраля 1994 г., выступая в «Разном» и предварительно обвинив М.И. Гриба в том, что Председатель Верховного Совета якобы не дает ему слова и не допускает к микрофону, З.С. Позняк зачитал обращение сорока депутатов. В нем говорилось, что результаты поименного голосования не имеют юридической силы, так как оно проводится с нарушением Временного Регламента Верховного Совета и имеет место попытка «нелегально» учредить пост президента в Беларуси.¹⁷

¹⁵ Протокол № 68, протоколы регистрации и голосования, стенограмма, бюллетень № 68 шестьдесят восьмого заседания 13-й сессии Верховного Совета Республики Беларусь двенадцатого созыва от 23 февраля 1994 г. // НА РБ. Ф. 968. Оп. 1. Д. 3307. Л. 62.

¹⁶ *Василевич Г.А.* Референдумы в Республике Беларусь и ее путь к независимости в конце XX столетия. Минск, 2001. С. 147.

¹⁷ Протокол № 69, протоколы регистрации и голосования, стенограмма, бюллетень № 69 шестьдесят девятого заседания 13-й сессии Верховного Совета Республики Беларусь двенадцатого созыва от 24 февраля 1994 г. // НА РБ. Ф. 968. Оп. 1. Д. 3308. Л. 138.

Коллега З.С. Позняка В.М. Станкевич требовал у парламентариев «три минуты», чтобы доказать «алогизм» статей, предлагаемых для именного голосования. Он заявлял: «Реформирование государственной власти, как и всей политической системы в целом — дело «не одномоментное», это длительный процесс, «требующий терпения, политической мудрости и полного отказа от сиюминутных желаемых результатов».¹⁸

Несмотря на протесты оппозиции, именное голосование состоялось 24, 25 февраля и 1 марта 1994 г. Технически это выглядело следующим образом. Каждый депутат под роспись брал у Счетной комиссии бюллетень и сдавал его до 1 марта включительно. При этом фиксировалось время получения бюллетеня и время его сдачи.

Для учета были составлены списки депутатов. Их фамилии были расставлены не по алфавиту, а по числам избирательных округов в порядке возрастания и распределены по трем группам: в первой — 108 депутатов, во второй — 120, в третьей — 118. Иными словами, теоретически 346 депутатов должны были принять участие в голосовании.

Начало именному голосованию положил депутат В.А. Пискарев. Он взял бюллетень 24 февраля в 9:08 и сдал его в 9:10.¹⁹ Вообще время стало одним из показателей парламентариев к именному голосованию, а, значит, к Конституции.

Судя по зафиксированному времени, проголосовавших депутатов можно условно разделить на две группы: «уверенные» и «колеблющиеся». К первой группе, которая была в большинстве, можно отнести тех, кто сдавал бюллетени в первые минуты после их получения, ко второй — кто сдавал их гораздо позже или же брал и сдавал в последний день — 1 марта.

Практически сразу же проголосовали члены Счетной комиссии: Б.И. Сушкевич — 24 февраля (9:20—9:25), Д.П. Булахов — 24 февраля (10:25—10:30), М.А. Мачуленко — 24 февраля (10:25—10:30). В.И. Гончар сделал это позже: взяв бюллетень в 12:55 24 февраля он сдал его в 14:00 того же дня.

Ряд других депутатов тоже не сомневались в своем выборе. Так, депутаты М.М. Тесовец и В.И. Шолодонов проголосовали 24 февраля 1994 г. в течение минуты, А.Г. Лукашенко — в течение 5 минут.

Среди «колеблющихся» оказались депутаты: В.М. Студенцов (взял бюллетень 24 февраля в 15:38, а сдал 1 марта в 10:14), И.П. Середич

¹⁸ Там же. Л. 139.

¹⁹ Списки депутатов, получивших и сдавших именные бюллетени для голосования по отдельным положениям проекта Конституции Республики Беларусь 24 февраля — 1 марта 1994 г. и не востребовавшие депутатами бюллетени // НА РБ. Ф. 968. Оп. 12. Д. 25. Л. 16.

(взял бюллетень 24 февраля в 10:15, а сдал 1 марта в 12:06), В.Г. Тихиня (взял бюллетень 25 февраля в 12:00, а сдал в 9:55 1 марта). Поколебался депутат Н.И. Дементей (взял 24 февраля в 9:05, а сдал в 16:02 этого же дня).

Председатель Совета Министров В.Ф. Кебич проголосовал 1 марта. Он взял бюллетень в 9:20 и сдал его в то же время.

Некоторые депутаты взяли бюллетени, но не потрудились вернуть их обратно (В.Н. Заблоцкий, В.С. Власенко, Г.Д. Карпенко, Л.Н. Сечко, В.Б. Долголев, В.М. Станкевич, В.А. Радомысльский). Среди них оказался и бывший Председатель Верховного Совета С.С. Шушкевич.

Не взяли бюллетени пятьдесят народных избранников. Среди них главным образом были депутаты от оппозиции БНФ. Правда, некоторые известные парламентарии также отказались от процедуры голосования: В.А. Сакович, Н.С. Гилевич, К.В. Вахромеев (митрополит Филарет). Проигнорировал поименное голосование депутат Е.А. Цумаров, вероятно, мстя за то, что его в 1990 г. не включили в Конституционную комиссию.

Именное голосование стало предметом обсуждения общественности, определенное внимание ему уделяли ведущие республиканские средства массовой информации.²⁰ Правда, не всегда журналисты вникали в суть дела. Например, газета «Звезда» неверно информировала о том, что идет голосование не по разделам, а по главам о Верховном Совете и о Президенте, она ошибочно писала о том, что идет поименное голосование по разделу IV в целом.²¹

2 марта 1994 г. на семьдесят четвертом заседании тринадцатой сессии Верховного Совета В.И. Гончар озвучил итоги поименного голосования. По словам председателя Счетной комиссии, из 296 выданных бюллетеней в урне комиссия изъяла 288. 266 бюллетеней оказались «за», 16 — «против». Шесть бюллетеней оказались недействительными.²² Следовательно, спорные положения, в частности о президентстве, тормозившие конституционный процесс, были приняты.

Те, кто проголосовал «против», были следующие депутаты: В.А. Андреенко, Л.Г. Тарасенко, Г.А. Вечерский, В.М. Хитрик,

²⁰ Большинство. И более сплоченное // Советская Белоруссия. 1994. 3 марта.

²¹ Сінякевіч І. Вярхоўны Савет фарсіруе канстытуцыйны працэс // Звезда. 1994. 24 лютага.

²² Протокол № 74, протоколы регистрации и голосования, стенограмма, бюллетень № 74 семьдесят четвертого заседания 13-й сессии Верховного Совета Республики Беларусь двенадцатого созыва от 2 марта 1994 г. // НА РБ. Ф. 968. Оп. 1. Д. 3313. Л. 84.

Н.И. Колбаско, М.А. Качан, А.Н. Турок, И.М. Дробышевская, А.Е. Кузьменков, Г.Д. Чех, В.И. Зеленин, В.А. Сапронов, В.М. Грибанов, А.Ф. Спиглазов.

Два депутата оставили свои «автографы» на бюллетенях, объясняя мотивы своего голосования: М.Д. Сукач («я не против Конституции, но так нельзя принимать») и Е.М. Глушкевич, который написал, что он против статьи 93 Основного закона страны.

Шесть недействительных бюллетеней принадлежали Ф.Ф. Минько (не зачеркнул ни одного пункта), А.Е. Шипко (зачеркнул «за» и «против»), С.В. Бердавцеву (надписал на бюллетене, что неприемлемо голосовать блоками, А.В. Давлюду («поддерживаю главу 4, но за другие пусть голосуют юристы Булахов и Гончар»), Р.Э. Плоцкому («не могу голосовать одновременно, надо по каждой главе отдельно»)).²³

К удивлению В.И. Гончара и других депутатов среди недействительных бюллетеней оказался тот, который принадлежал А.В. Лебедько, который рьяно выступал за введение поста Президента. А.В. Лебедько (зачеркнул все графы и написал: «Поддерживая главу 4, не могу согласиться с некоторыми статьями главы 3, голосование блоками считаю неприемлемым»).

После оглашения итогов поименного голосования В.И. Гончар обрушился с резкой критикой на тех депутатов, которые не приняли участия в голосовании, в частности на А.В. Соснова и Н.С. Гилевича и В.Ф. Голубева. Если А.В. Соснов и Н.С. Гилевич молчаливо снесли критику, то с В.Ф. Голубевым у В.И. Гончара произошла словесная перепалка.

В.И. Гончар упрекнул В.Ф. Голубева в том, что тот за работу в Конституционной комиссии получил в 1992 и 1993 гг. 232 тысячи 445 рублей.²⁴ В.Ф. Голубев парировал упреки В. Гончара тем, что сам председатель Счетной комиссии не раз заявлял, что конституционный процесс зашел в тупик, и Основной закон никогда не будет принят. В.Ф. Голубев пообещал вернуть В.И. Гончару все деньги даже с учетом инфляции.

Парадоксально, но факт: в своем выступлении В. Гончар не упомянул С.С. Шушкевича, который не вернул взятый именной бюллетень. Председатель Счетной комиссии, видимо, посчитал, что отзыв

²³ Именные бюллетени для голосования по отдельным положениям проекта Конституции Республики Беларусь, 24 февраля-1 марта 1994 г. // НА РБ. Ф. 968. Оп. 12. Д. 24. Л. 272-279.

²⁴ Протокол № 74, протоколы регистрации и голосования, стенограмма, бюллетень № 74 семьдесят четвертого заседания 13-й сессии Верховного Совета Республики Беларусь двенадцатого созыва от 2 марта 1994 г. // НА РБ. Ф. 968. Оп. 1. Д. 3313. Л. 180.

С.С. Шушкевича с поста Председателя Верховного Совета стал достаточным, чтобы «выбить» профессора физики из большой политики.

Сам С.С. Шушкевич позднее критически отозвался об именном голосовании. В апреле 1994 г., накануне начала первой в Беларуси предвыборной президентской гонки, бывший руководитель Верховного Совета в одном из интервью объяснял свое неучастие в именном голосовании по тем причинам, что «это не правильно: одним махом голосовать сразу за 38 статей Конституции».²⁵

Таким образом, именное голосование по отдельным положениям проекта Конституции Республики Беларусь в феврале — марте 1994 г. свидетельствовало о том, что конституционный процесс в стране зашел в окончательный тупик. В то же время именное голосование стало практически единственным выходом для благоприятного исхода конституционного процесса. Благодаря именованному голосованию большинство депутатского корпуса преодолело своеобразный психологический барьер, конституционный «синдром». Главное последствие именного голосования состояло в том, что утверждение проекта Конституции Республики Беларусь стало делом времени, что и произошло 15 марта 1994 г.

²⁵ *Куніцкая Н.* Шушкевіч не быў вясельным генералам у Сеуле і пакуль што не збіраецца станавіцца пенсіянерам на Беларусі // Народная газета. 1994. 14 красавіка. С. 2.

Л.Д. ШАДРИНА

Трансформация российского парламента: поиск и становление лидера. Персональный состав депутатского корпуса

Парламенты относятся к самым демократичным по природе органам государства. Несмотря на все очевидные достоинства, остается открытым вопрос о его эффективности и о том, как ее измерить. Важно понимать, к каким изменениям может привести появление довольно большого количества новых людей во властных структурах. Значимость приобретает изучение и обратного процесса: к чему может привести стагнация персонального депутатского состава.

Тема ротации элит поднимается в отечественной науке относительно недавно. Отношение к этому процессу весьма неоднозначно. Обновление политической элиты, приток в ее ряды новых кадров может рассматриваться как признак модернизации политической системы, ее эволюции в сторону большей открытости, но одновременно и как способ закрепления существующего политического режима.

Ротационный состав парламента отвечает на вопрос, насколько изменяется персональный состав парламента по сравнению с предыдущим составом.

Для того, чтобы количественно посчитать ротацию, мы применяли коэффициент возврата. Этот показатель является показателем степени сохранения своих мест депутатами предыдущего созыва.

Для анализа ротации элит в Государственной Думе РФ были сопоставлены два последних созыва: V созыв (действовал с 2007 по 2011 г.) и VI созыв (с 2011 по настоящее время).

$$I_{rr} = I_{лв} / D = 156 / 450 = 35\%.$$

Видно, что в Государственной Думе РФ большая текучесть кадров (всего 35% депутатам удалось сохранить свои места). Сравним коэффициенты возврата в парламентах некоторых демократических стран.

Из рассмотренных нами западных стран самый низкий коэффициент возврата у Канады (53,1 %). Однако коэффициент возврата в Государственной Думе РФ значительно ниже даже этого самого низкого показателя. Среди самых стабильных можно назвать легислатуры США (84,9 %), Австралии (80,0 %), Германии (78,7 %), Ирландии (76,1 %), Великобритании (75,7 %), Дании (74,6 %), Швеции (74,1 %), Бельгии (69,5 %), Швейцарии (64,3 %) и др. Наиболее нестабильные: Франция (57,7 %), Испания (56,0 %), Португалия (54,8 %), Канада (53,1 %). Отсюда можно сделать вывод, что в Государственной Думе РФ последнего созыва очень много челенджеров — новых депутатов, которые не работали в предыдущем созыве.

Однако появление большого количества новых лиц ни на что не влияет (новые депутаты более послушны). Наиболее важные решения принимаются вне парламента. Рассмотрим ситуацию в первых созывах.

Сравнение коэффициентов возврата в I, II, III, IV, V и VI созывах Государственной Думы РФ

Два последующих созыва	Коэффициент возврата
I – II	$Irr = Inw/D = 160/450 = 35\%$
II – III	$Irr = Inw/D = 167/450 = 37\%$
III – IV	$Irr = Inw/D = 216/450 = 48\%$
IV – V	$Irr = Inw/D = 229/450 = 51\%$
V – VI	$Irr = Inw/D = 154/450 = 34\%$

Из приведенных данных видно, что коэффициент возврата всегда был достаточно низким, т.е. мало депутатов сохраняли свои места. Можно пронаблюдать, что с I по V созыв процент инкубентов (депутатов, сохранивших свои места) стабильно возрастает, т.е. состав парламента стабилизировался. На наш взгляд, постепенно формировалось ядро депутатов, которое с незначительными изменениями переходило в каждый новый созыв. Однако эта тенденция не укрепилась: в последнем созыве (с 2011 г. по н/вр) мы видим, как коэффициент возврата опять понизился, т.е. пришло много новых депутатов.

Влияние степени стабильности парламента на место России в международных рейтингах

Для того чтобы понять, какое значение имеет такая интенсивность ротации в Государственной Думе РФ, мы обратились к рейтингу несостоявшихся государств («Failed States Index»), который ежегодно проводит независимая некоммерческая организация «Фонд за мир» («Fund for Peace»). Индекс несостоявшихся государств показывает степень преобладания конфликтов в определенном государстве, характер имеющихся конфликтов (насильственные, ненасильственные), степень открытости и безопасности государства, а также его способность решить свои проблемы мирно, без внешнего военного или административного присутствия.

Сопоставив коэффициент возврата с индексом несостоявшихся государств ряда стран, можно заметить, что среди стран с низким ко-

эффицентом возврата (большая текучесть кадров) чаще встречаются страны с высоким индексом несостоявшихся государств, т.е. те страны, в которых существуют неразрешенные конфликты. К таким странам «Fund for Peace» отнес, например, Россию, персональный состав парламента которой, как мы уже говорили, является нестабильным. Также странами с высокой степенью конфликтности по «Fund for Peace» являются, например, Испания, Израиль, Италия, Греция. Эти страны также обладают нестабильным составом. Таким образом, интенсивная ротация в Государственной Думе может говорить о высокой степени конфликтности государства, о низкой степени самостоятельности в решении как внешних так и внутренних конфликтов, а также о неспособности мирно урегулировать свои проблемы без внешнего присутствия.

Также мы сопоставили показатели ротации с индексом человеческого развития (ИЧР), для того, чтобы понять, влияет ли ротация на качество жизни. Индекс человеческого развития — интегральный показатель, рассчитываемый ежегодно для межстранового сравнения и измерения: уровня жизни, грамотности, образованности, долголетия и др. Он является стандартным инструментом при общем сравнении уровня жизни различных стран.

Анализ данных показывает некую зависимость уровня ротации от ИЧР. Мы отмечаем, что среди стран с низким коэффициентом возврата (нестабильный парламента) чаще встречаются страны с низким показателем ИЧР (Франция, Испания, Португалия, Россия). А среди стран с высоким коэффициентом возврата (стабильный парламента) чаще встречаются страны с высоким ИЧР: США, Австралия, Германия, Ирландия.

Страны делятся на четыре большие категории исходя из их ИЧР: «очень высокий», «высокий», «средний» и «низкий» уровень развития человеческого потенциала. Страны, которые входят в категорию «очень высокий» ИЧР, сгруппировались в левом верхнем углу. Россия входит в категорию «высокий» ИЧР и расположилась в правом нижнем углу. Таким образом, мы можем наблюдать тенденцию к снижению ИЧР при нестабильном парламенте.

Политические последствия нестабильного состава парламента

Для измерения эффективности любого парламента важно не только измерить ротацию, но и проанализировать, в каких условиях происходили данные изменения. В России процесс увеличения ротации депутатов, на наш взгляд, сопровождался процессом закрепления существующего политического режима и закрепления положения доминирующей партии.

Это подтверждается при исследовании эффективного числа партий по всем созывам Государственной Думы РФ. Эффективное число партий призвано оценить масштабы и интенсивность межпартийной конкуренции. Эффективное число парламентских партий рассчитано по формуле: $N=1/\sum v^2$, где v — доля мест для каждой из партий. Таким образом, этот индекс показывает степень фрагментации парламента.

Данные по ротации и эффективному числу парламентских партий в Государственной Думе РФ

Созывы Государственной думы РФ	Эффективное число парламентских партий	Коэффициент возврата
I	8,53	15
II	5,7	35
III	7,8	37
IV	1,97	48
V	1,92	51
VI	2,8	35

Полученные данные показывают, что показатель эффективного числа партий снижается с I по V созыв и в V созыве достигает наименьшего значения. В VI созыве ситуация меняется: данный индекс увеличивается. Такие же изменения происходят с ротацией: до V созыва ротация постепенно замедляется, затем именно в V созыве стабильность парламента достигает своего максимального значения, а в VI — ротация вновь начинает ускоряться.

Эффективное число парламентских партий демонстрирует, что российская партийная система 1990-х гг. была высоко фрагментирована, наблюдается высокий уровень электоральной неустойчивости. Российскую партийную систему в этот период можно справедливо охарактеризовать как неконсолидированную. В 2000-е гг. тенденции в российской партийной политике оказались прямо противоположными. Партии стали единственными легитимными акторами на электоральной и на парламентской аренах национального и регионального уровней; непартийные политики более были не способны конкурировать с ними. Хаотическую конкуренцию десятков партий и блоков сменило парламентское представительство четырех партий. Таким образом, мы можем проследить, как процесс гиперфрагментации, сложившийся в ходе распада советской однопартийной системы, сменился обратным процессом — тенденцией к монополии доминирующей партии.

Данные по ротации подтверждают такое изменение партийной политики. В 1990-е гг. скорость обновления депутатского корпуса была максимальной. В таком случае интенсивная ротация может говорить о партийной конкуренции, наличии оппозиции и высоких шансов занять лидирующее положение сразу у нескольких политических сил. В 2000-х гг. скорость ротации замедляется, новых депутатов становится все меньше, что говорит об успешном формировании партии власти. Параллельно, и эффективное число парламентских партий в Государственной Думе после 2003 г. снизилось до 1.97 и затем до 1.92; иначе говоря, все иные партии, кроме «Единой России», даже вместе взятые, не обладали потенциалом для того, чтобы представлять ей значимую альтернативу.

После того как «Единая Россия» заняла лидирующее положение, она начала терять свое положение. Исследуемые индексы уже не показывают критических значений: эффективное число партий повысилось, коэффициент возврата понизился. Если данная тенденция сохранится, то мы вновь увидим на политической арене борьбу множества политических сил, высоко фрагментированную элиту, высокий уровень электоральной неустойчивости и дальнейший поиск нового лидера. Переход на смешанную систему выборов для формирования Государственной Думы следующего VII созыва, возможно, подтвердит наше предположение. Однако, если партии власти удастся удержаться в лидерах, то она еще какое-то время будет иметь влияющее значение. Потом, все же, как показывает наше исследование и волнообразный график, она потеряет свое положение, и партийная система вновь окажется высоко фрагментированной.

Изучение парламента в контексте исторических событий

Мы признаем, что «Единая Россия» потеряла часть своих мест в последнем созыве, но мы не знаем, сохранится ли эта тенденция в будущем. Поэтому будем смотреть на фактические данные: эта партия сохранила конституционное большинство и в целом имеет большое влияние на формирование политики страны. В этом случае мы можем сказать, что ротация служит одним из механизмов закрепления положения правящей элиты. Можно сказать, что приток большого количества новых лиц в парламент в последние созывы — это умышленно спланированный процесс. Об этом свидетельствует, например, активное привлечение медийных лиц в федеральные и региональные законодательные органы. Логика вполне понятна. Новые депутаты более управляемы, послушны. Таким образом, складывается система, которая в основу социальной подвижности кладет не принцип профессионализма, интеллектуальные приоритеты, а угодничество, чиновничество.

Актуальные проблемы парламентаризма

В таком случае активная ротация приобретает негативные черты. Также существует большая оторванность депутатов от населения и отсутствует их ответственность перед населением. Чем чаще сменяются депутаты, тем сложнее найти виновного.

Другую ситуацию мы можем наблюдать в 1990-е гг. В отличие от вышеописанного случая, когда сильная ротация не изменила расстановку сил на политической арене, в 1990-е гг. приток новых людей в легислатуру, наоборот, нес за собой и приток новых идей, и большую фрагментированность интересов, и активную борьбу за лидерство.

Из истории европейского парламентаризма

С.Е. ФЕДОРОВ

Процедура импичмента и английская парламентская культура первой половины XVII в.

Я неслучайно выбрал для своего сообщения сюжет, связанный с возрождением процедуры импичмента, а также контекст, который, на мой взгляд, определял процесс ее повторного возобновления в начале 20-х гг. XVII столетия. Речь идет об особенностях и в неменьшей степени — противоречиях того, что принято называть яковитской, а затем и с известными оговорками каролинской парламентской культурой. Этот тип парламентской культуры обладал своими уникальными особенностями, но при этом оставался, как принято сейчас говорить, нефреймированным по своей сути феноменом. Я имею в виду не столько то, что в первой половине XVII в. творцами этого типа культуры по-прежнему оставалась небольшая группа людей — членов палаты общин, которые далеко не всегда находили поддержку среди «провинциально» ориентированных коммонеров, сколько то, что в этот период, благодаря главным образом стараниям этой небольшой группы парламентских активистов происходила своеобразная «сборка» концептуальных, символических и церемониальных компонентов, определивших последующую социальную функцию основного английского сословно-представительного института.

Подобная сборка осуществлялась в основном за счет архаичных средневековых практик и процедур, каждая из которых могла обладать вполне определенным, если ни традиционным, т.е. привычным для такого рода собраний содержанием и не вызывала при этом реальных возражений со стороны верховной власти и верхней палаты английского парламента. При этом соединенные в единое, пусть не всегда детально осмысленное целое, такие практики приобретали революционный характер и наполняли парламентскую деятельность с трудом разрешимыми противоречиями. Попытаюсь обозначить главные из них.

Начну с наиболее существенного в этой связи принципа «полноты» парламентской власти, знаменитой «*plena potestas*»,¹ восходящей к ограничивающему верховную власть режиму, установленному Великой хартией Вольностей и в своем исходном значении обозначающему риторическую по своей сути конструкцию, указывавшую, но не более, на территориальный аспект парламентского представительства. Существенным было то, что представительный орган обладал всей полнотой верховной власти, поскольку принципы его комплектования отражали набор всех известных в XIII в. сословий. По мере своего последующего развития этот принцип постепенно приобретал особое значение. Сказывалось то, что противостоявшая и сотрудничавшая с членами парламента верховная власть модифицировалась в представлениях современников и превращалась из власти абсолютной (*potestas absoluta*) во власть предустановленную (*potestas nominata*), т.е. власть ограниченную.

Парадокс этой эволюции верховной власти определялся, с одной стороны, возрастанием публично-правовой природы монархии как таковой, с другой — особое значение имело известное желание территориальных государей преодолеть характерную для эпохи Средневековья дисперсию властных отношений. Преодолевая свою изначально патримониальную, во многом частно-правовую природу, верховная власть неизменно жертвовала своими прерогативами, делегируя значительную часть своих полномочий разрастающемуся по размерам и усложнявшемуся по своей структуре судебно-исполнительному аппарату.² В представлениях современников этот процесс запечатлевался в постепенном разделении двух основных сфер верховного правления, обозначаемых как «*gubernaculum*» и «*iurisdictio*».

Сфера «*gubernaculum*», т.е. сфера непосредственного управления территорией королевства, оказывалась в этом процессе наиболее динамичной, а ее возможности напрямую зависели от степени зрелости судебно-исполнительного аппарата. При этом сфера «*iurisdictio*» оставалась менее подвижной и почти всегда являлась сферой диалога между парламентом и верховной властью. С точки зрения представлений о динамике взаимоотношений между властью абсолютной и властью предустановленной³ «полнота» парламентской прерогативы, т.е. сама *plena potestas*, все чаще увязывалась с необходимым условием существова-

¹ Post G. *Plena Potestas and Consent in Medieval Assemblies* // *Traditio*. 1943. Vol. 1. P. 355—400.

² Хачатурян Н.А. *Власть и общество в Западной Европе в средние века*. М., 2012. С. 98—132.

³ Oakley F. *Edward Fox, Matthew Paris, and the Royal Potestas Ordinis* // *The Sixteenth Century Journal*. 1987. Vol.16. № 3. P. 347—354.

ния ограничивающих инициативы и компетенции английских монархов эффективными механизмами.

«Полнота» власти самого парламента гарантировала таким образом сохранение на территории острова того, что англичане вслед за Фортеस्कью называли формой смешанного правления, при которой собственно область управления, т.е. «gubernaculum» оставалась прерогативой монархии, а область «iurisdictionis» все чаще воспринималась как объект субсидиарной деятельности верховной власти и парламента. Вся интрига последующего развития заключалась в том, что субсидиарность «iurisdictionis» могла оспариваться как принцип и со стороны монархии, и со стороны парламента, поскольку каждый из этих политических институтов оставался независимым субъектом.

Ни один представитель судебно-исполнительного аппарата не имел такой возможности или же представляемое им учреждение не имело такого статуса, поскольку каждый «чиновник» оставался слугой короля, а его подразделение, служившее интересам короны, было связано своим происхождением разросшимся в свое время департаментам королевского двора. Парламентарии изначально были «избранниками» народа и как следствие — служили интересам политической нации, а не монархии.

Вторым важнейшим элементом, определявшим динамику развития парламентской культуры, был средневековый принцип корпоративизма, который также с момента своего возникновения претерпел в сознании представителей нижней палаты парламента известную эволюцию. Начну с того, что с точки зрения традиционных представлений, любая средневековая корпорация была самостоятельным и самодостаточным организмом.

Известно, что первоначально любая корпорация (*universitas*) отождествлялась с формирующими соответствующую общность людьми. Затем, по мере усложнения исходных представлений, складывались предпосылки для постепенного разграничения входящих в подобные общности физических лиц и собственно самой формы коллегиальной организации. Последняя, очевидно, приобретая черты универсальной формы самоорганизации общества, осмыслялась современниками как обобщающая такой опыт самодостаточная абстракция.

Постигаемая исключительно посредством человеческого разума, она все чаще выводилась за рамки бренного существования в сферу категорий естественного права и наделялась правосубъектностью. Как «юридическое» лицо такая корпорация затем повторно материализовалась в коллективном лице составляющих ее членов, но при этом оставалась независимой от них, т.е. самодостаточной организацией.

Такие корпорации обычно существовали и регулировали свою деятельность при помощи обычного или статутного права, источники

которого, к примеру, в случае английского парламента, определялись коллективным согласиём составлявших его основу депутатов. При этом покоящиеся на всеобщем волеизъявлении обычаи не требовали иных высочайших санкций, хотя их действенность могла и трактоваться как опосредованно связанная с верховной властью сфера активности. Такая корпорация могла воспринимать себя, используя широко известные к тому времени максимы, позиционируя себя согласно принципам «sibi principes» или же «sive principes».

Обращая внимание именно на эти два концепта парламентской культуры, я хотел бы подчеркнуть их особую роль в формировании идейной базы, способствовавшей и во многом определившей основы для возвращения к забытой уже к концу XV столетия прерогативе парламента — подвергать импичменту высокопоставленных сановников королевства. Очень часто процесс возрождения процедуры импичмента связывался в историографии с эскалацией средневековых представлений о парламенте как о высоком суде королевства.

Не оспаривая существа подобных интерпретаций, я бы хотел отметить, что большая часть известных для эпохи Средневековья импичментов была связана исключительно с деятельностью верхней палаты парламента, из состава которой формировался Маршальский суд, в компетенции которого входила в том числе инициатива отчуждать у лишенных титулов особ принадлежавшие им, как правило, на наследственной основе должности. Должностные импичменты были в этом смысле закономерным следствием пэрской политики короны, и любые подлежавшие конфискации должности воспринимались как часть титульных привилегий местной знати, и следовательно, подобно этим достоинствам, — как часть корпоративного достояния английской короны.

В начале XVII в. ситуация коренным образом изменилась.⁴ Речь идет не только о том, что резко сократилось количество наследственных должностей английской знати, но и о том, что связь между конкретными титулами и должностями была практически полностью утрачена. Маршальский суд, оставаясь судом пэров королевства, продолжал рассматривать дела, связанные с отчуждением титулов, но уже не решал вопросов, касающихся должностей, которыми на тех или иных основаниях владели оказавшиеся в опале или лишенные достоинств знатные особы. Отчуждение должностей, судя по всему, превратилось в исключительную привилегию короны.

Именно последнее обстоятельство стало решающим фактором, определившим парламентскую позицию в этом вопросе, поскольку право

⁴ *Oakley F.* Jacobean Political Theology: The Absolute and Ordinary Powers of the King // *Journal of History of Ideas.* 1968. Vol. 29. P. 323—346.

или привилегия лишать должности высокопоставленного королевского сановника попадали в этой связи под действие субсидиарной ответственности парламента и верховной власти. Любые нарушения этого соотношения трактовались коммонерами как умаление «полноты» парламентской власти и как экспансия сферы управления в сферу юрисдикции.⁵

⁵ *Zaller R.* The Figure of Tyrant in English Revolutionary Thought // *Journal of History of Ideas.* 1993. Vol. 54. № 4. P. 585—610.

Т.Л. ЛАБУТИНА

**Первый прецедент исключения депутата в истории
английского парламентаризма: «Дело» Ричарда Стиля**

В последние годы мы не раз сталкивались с таким явлением в Государственной Думе как исключение из ее рядов отдельных депутатов в силу их политической неблагонадежности, либо обвинений в коррупционных преступлениях. Насколько оправдана подобная законодательная деятельность нижней палаты российского парламента, если учесть, что каждый ее представитель пользуется всеми парламентскими привилегиями, включая личную неприкосновенность? Если принять во внимание тот факт, что современный российский парламент в своей юрисдикции, привилегиях и процедурах немало позаимствовал из опыта европейских стран, нелишне обратиться к истокам зарождения подобной практики исключения депутатов из нижней палаты, рассмотрев таковые прецеденты, к примеру, в английской истории.

Знаменитый билль о правах 1689 г. законодательно закрепил привилегию свободы слова для депутатов английского парламента. В соответствии с данным законом, любые выступления депутата, произнесенные в ходе парламентского делопроизводства, не могли стать предметом судебного преследования против него. В то же время в правилах парламентской процедуры установлены нормы о злоупотреблении свободой слова в палате общин. К примеру, парламентарий не имел права в своей речи произносить изменнические, мятежные или оскорбительные для королевы или лиц, находящихся у власти, а также парламента слова. Нарушителей парламентской процедуры ждало наказание в виде заключения в тюрьму, наложения штрафа, вынесения выговора, запрещения посещать палату в течение определенного срока, либо вообще — исключение из палаты. Одним из первых «нарушителей» парламентской процедуры, которого постигла подобная участь, оказался член палаты общин Ричард Стиль.

Имя журналиста, драматурга, просветителя Ричарда Стиля было широко известно в XVIII в. не только в Великобритании, но и на европейском континенте. Стиль являлся, по сути, первым профессиональным журналистом, основателем сатирико-нравоучительного направления в журналистике. Вместе со своим другом Джозефом Аддисоном на протяжении нескольких лет Стиль издавал журналы «Тэтлер», «Спектейтор», «Гардинер», на страницах которых не только освещал главные события в своей стране и за рубежом, но и, выступая с позиций просветителя, критиковал различные негативные явления в жиз-

ни английского общества.¹ Издания Стиля и Аддисона были переведены во Франции, Германии. Отдельные номера журналов появились в переводе и в России при Петре I. Полное собрание журнала «Спектейтора» собиралась издать Екатерина II.² Однако не только журналистская деятельность интересовала Ричарда Стиля. Заметный след оставил он и в истории раннего английского парламентаризма.

В начале XVIII в. борьба политических партий тори и вигов обострилась в связи с событиями войны за Испанское наследство (1702—1713 гг.) Стиль, принадлежавший по своим убеждениям к партии вигов, не только выражал на страницах своих журналов и памфлетов их взгляды, но и был сознательным проводником идеологии этой партии. Выступая в парламенте, Стиль как-то заявил: «Я — виг и послан сюда этой партией».³ Он критически отнесся к ряду статей Утрехтского договора, положившего конец войне, поскольку этот документ учитывал исключительно интересы партии тори. В своих статьях Стиль неоднократно критиковал министров-тори, осмелился весьма нелицеприятно отозваться о первом министре — Роберте Харли, а затем и о самой королеве. Когда королева Анна в декабре 1713 г. издала указ о введении в палату лордов 12 новых пэров-тори с тем, чтобы они могли оказать противодействие вигам и тем самым добиться проведения в парламенте «торийского» курса во внутренней и внешней политике, Стиль опубликовал памфлет, в котором расценивал «возведение в пэры по случаю» как «новшество, чреватое опасностью для королевы и ее подданных». Журналист полагал, что столь «массовое производство в пэры» является «оскорблением прерогативы», особенно если учесть, что эти люди не всегда обладают необходимыми заслугами. Введение в палату новых пэров «по случаю», по мнению Стиля, создавало «порочную» практику для законодателей, поскольку «добрые намерения знатных патриотов, готовых с честью и беспристрастием выполнять свой долг по отношению к своему правителю и стране... могут быть уничтожены группой людей, введенных в палату перед обсуждением какого-либо законопроекта».⁴ Журналист высказывал опасения, что если такие действия в будущем не будут предотвращены законом, то конституции грозит неминуемая гибель. Естественно, подобные высказывания не могли остаться незамеченными правительством и королевой.

¹ См. о жизни и деятельности Ричарда Стиля подробнее: *Лабутина Т.Л.* Культура и власть в эпоху Просвещения. М., 2005. С. 108—133.

² Там же. С. 425.

³ A Speech Supposed to Be Spoken by R. Steele, Esq. at the Opening This Parliament. Lnd., 1714. P. 7.

⁴ *Steele R.* A Letter to Sir M. Warton Concerning Occasional Peers // Tracts and Pamphlets by Richard Steele. Baltimore, 1944. P. 74—76.

Летом 1713 г. Стиль объявил о своем решении баллотироваться в парламент от небольшого городка Строкбридж. И как только журналиста избрали в палату общин, тори тотчас начали открытое наступление на него. В журнале «*Examiner*» появилась статья, автор которой сетовал, что редактор «Гардиана», посмеявшийся затронуть королеву, а также честь других известных людей страны, продолжает оставаться безнаказанным. Он призывал исключить Стиля из парламента. Через две недели появился новый памфлет, в котором палате общин прямо предлагалось рассмотреть вопрос об «оскорбительном, вероломном, бунтарском и абсурдном» поведении Ричарда Стиля. Все обвинения, выдвинутые авторами памфлетов, в большом количестве появившихся в те дни, Стиль отвергал. «Эти писаки будут склонять меня, поскольку я их товарищ по перу, — писал он на страницах журнала, — но я не могу оставаться безразличным, когда они оскорбляют мою честь и достоинство».⁵

Между тем, развернутая партией тори кампания против Стиля набирала силу. Биограф Стиля К. Уинтон утверждал: «Не вызывает сомнения, что решение министров исключить Стиля из парламента было задумано вскоре после его выборов и что он знал об этом». Один из членов партии тори прямо заявлял, что «Стиля следовало вышвырнуть из палаты». Об этих слухах, муссировавшихся в партийных и парламентских кругах, сообщали также известные просветители — литераторы Д. Дефо и А. Поуп. А в личных бумагах Роберта Харли сохранилась следующая запись: «Мы заслушали информацию о случаях подкупа во время выборов, две петиции имеются против автора «Гардинера» (Стиля — Т.Л.), так что его присутствие в палате может оказаться не таким продолжительным, как некоторые того ожидают».⁶

16 февраля 1714 г. открылась первая сессия парламента, среди депутатов которого был и Стиль. С первых же дней своего пребывания в парламенте журналист чувствовал недоброжелательное к себе отношение со стороны ряда депутатов. Позднее, вспоминая эти дни и последовавшие за ними события, Стиль писал: «Дурное расположение ко мне проявилось с первых же дней сессии, и все, что произошло со мной, явилось завершением того, что готовилось заранее». Когда Стиль начал выступать по вопросу об избрании спикера палаты общин, в зале поднялся шум, раздались крики: «Болтун! Болтун!» (так назывался его журнал «Тэтлер» — Т.Л.). Журналисту мешали говорить, но он невозмутимо продолжал свою речь. Стиль заявил, что по праву долга депутата считает необходимым поставить в известность королеву о злоупотреблениях в стране и, в особенности, о «подкупленном министерстве».

⁵ *Aitken G.A.* The Life of Richard Steele. Lnd., 1889. P. 399.

⁶ *Winton C.* Captain Steele. Baltimore, 1969. P. 181.

При дворе все еще закрывают глаза на поступки первого министра Р. Харли и его приближенных, пекущихся о собственном благе. В то же время немногие патриоты, «защитники интересов страны», не решаются смело вскрыть злоупотребления министров из-за «возможных осложнений в будущем», либо потому, что «подкуплены хорошим жалованием или должностями». Стиль заявлял, что высоко ценит «священные доктрины» о свержении правительства, презревшего клятву и нарушившего доверие народа, и призывал незамедлительно устранить злоупотребления министров. Когда журналист закончил свою речь, в палате раздались язвительные выкрики: «Писака! Он думает, что так просто выступать в парламенте!»

Желая избавиться от неугодного и опасного депутата, тори спешно принялись стряпать против Стиля «дело». Из министерства в парламент была доставлена депеша, которая гласила: «Несмотря на все меры, принятые организаторами выборов, многие убежденные враги министерства оказались избранными в парламент. Среди них самый несносный — мистер Стиль, который в ряде печатных произведений обсуждал политику правительства с чрезвычайной смелостью как выразитель интересов вигской партии. Поэтому министры сошлись в едином мнении: предпринять все возможные меры, чтобы исключить его из парламента».⁷ Это послание послужило своего рода сигналом к началу прямой атаки против Стиля. 11 марта в палате общин выступили члены палаты от партии тори (Т. Хангерфорд, М. Фоли, У. Уандхем), которые упрекали Стиля в написании памфлетов, содержащих «несправедливые измышления против королевы» и «мятежные» по своему духу. Брат первого министра Харли зачитал обвинение против Стиля. Оно было основано на том, что при написании ряда своих произведений журналист допустил выпады, направленные «к антиправительственной агитации, бросающие тень на Ее Величество и обвиняющие ее администрацию и правительство».⁸ Стиля призвали явиться в парламент на следующее утро.

На утреннем заседании палаты присутствовали не только ее члены, но и многие любопытные зеваки, прознавшие про «дело» журналиста. Были зачитаны отдельные отрывки из «опальных» статей Стиля. Ряд выступивших депутатов от партии тори вновь указали на их «враждебный и мятежный дух». Виг Дж. Краг робко попытался вступить в поддержку Стиля, но его речь тотчас прервали. Наконец, предоставили слово обвиняемому. Стиль поднялся со своего места и обратился к спикеру со следующей речью: «Господин спикер! Я опубликовал не-

⁷ Parliamentary History of England from the Norman Conquest on 1066 to the Year 1803. Lnd., 1810. Vol. VI. P. 1274.

⁸ Mr. Steele's Apology// Tracts and Pamphlets. Op. cit. P. 294.

сколько книг и памфлетов с искренними чувствами и благими намерениями послужить королеве и стране, церкви и государству Я заявляю перед палатой, что защищаю каждого подданного королевства». Затем Стиль попросил время для подготовки речи в свою защиту. Палата общин пошла ему навстречу, и дальнейшее слушание его дела было перенесено на неделю.

18 марта в палате общин Стиль вновь занял место на скамье подсудимых. В течение трех часов он по пунктам отвечал на обвинения, предъявленные на основании отдельных выдержек из его произведений, которые заранее в печатном виде были розданы каждому депутату. Журналист выражал недоумение: «Каким образом многие авторы, которые пишут с рвением о вопросах, считающихся изменническими в соответствии с законами парламента, счастливо избегают внимания законодателей? В то же время писатели, объявляющие себя защитниками министерства и проникающие в тайны правления, а в действительности, являющиеся первыми агрессорами, поскольку публикуют фальшивые доклады», не только не наказываются, но напротив — поощряются правительством. Стиль заверял всех присутствующих, что в своих памфлетах «не нарушил ни одного из существующих законов страны». «Случай со мной совершенно экстраординарный, — продолжал он, — поскольку я наказан палатой общин, свобода слова в которой является существенной привилегией, за высказанные убеждения, совершенно не являющиеся криминальными».⁹ Стиль полагал, что его «дело» является всего лишь «памфлетной войной» между двумя лицами — Стилем и Харли, каждый из которых считает, что за ним стоит его партия.

Когда Стиль закончил свою речь и удалился, в палате начались жаркие дебаты, продолжавшиеся в течение пяти часов. Депутат от партии тори Фоли заявил, что незачем устраивать длительные прения, поскольку и без того совершенно ясно, что произведения Стиля являются «скандальными, подстрекательскими и оскорбительными» по отношению к правительству, Ее Величеству и церкви. С большой яркой речью в защиту Стиля выступил виг Р. Уолпол (в правление Георга I он станет премьер-министром — Т.Л.). Он расценил «дело» Стиля как «экстраординарное и насильственное разбирательство», нарушающее свободы, как всех подданных, так и депутатов палаты. Уолпол оправдывал журналиста и выражал надежду, что палата «не принесет в жертву одного из своих членов, виновного лишь в том, что он как хороший патриот указал на плохое правление министров».¹⁰ Уолполя поддержали многие виги, однако партия тори сумела одержать верх и большин-

⁹ Ibid. P. 229, 337—338.

¹⁰ Parliamentary History. Op. cit. P. 1269, 1272—1274.

ством голосов (245 против 152) провела в палате решение об исключении Ричарда Стиля из парламента. На этом рассмотрение «дела» вигского журналиста закончилось.

Как видно, палата общин легко рассталась с одним из своих членов не только за его критические высказывания в адрес министров-тори, но и потому, что он, как подчеркивал биограф Стиля К. Уинтон, заметно отличался от большинства депутатов, уступая им в знатности, богатстве, связях. Да, Стиль был широко известен как журналист и являлся неординарным членом палаты общин, однако он не был знатным. К тому же, у него не было «семейных интересов», а большинство членов обеих партий «черпали свои силы и влияние именно через семейные связи, позволявшие им становиться политическими лидерами». ¹¹ Вот почему Стиль стал в парламенте «своеобразной мишенью» для аристократов. По-видимому, его карьера как депутата была predetermined с самого начала. Как бы то ни было, но это был беспрецедентный в истории британского парламента случай, когда одного из его членов исключили только за то, что он осмелился в печати высказать свои суждения по поводу политики, проводимой королевскими министрами.

«Дело» вигского журналиста Ричарда Стиля свидетельствовало, что провозглашенная буржуазией свобода слова порой оборачивалась фикцией для каждого, кто осмеливался выступить с критикой в адрес власть предержащих. В этой связи уместно напомнить замечание К. Маркса о том, что в буржуазном обществе полной свободой слова пользуется только правительство. ¹² «Дело» Стиля полностью подтвердило правоту этих слов.

Если говорить о современной практике английского парламентаризма, то следует отметить, что случаи исключения депутатов из палаты общин были чрезвычайно редкими, а количество жалоб — мизерным (одна — в сессии 1984/85 г.). На деле палата общин практически не применяет своего права заключать в тюрьму, налагать штраф, лишать депутата права занимать место в палате общин за какие-либо нарушения закона с его стороны.

¹¹ *Winton C.* Op. cit. P. 182.

¹² *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. I. С. 55.

М.В. ЖОЛУДОВ

Реформа 1832 года и совершенствование парламентской процедуры в Великобритании

Существует достаточно возможностей для того, чтобы сделать эффективным процесс создания парламентской системы, отвечающей потребностям сегодняшнего этапа общественно-исторического развития в России, чтобы данный процесс шел и завершился успешно. К числу таких возможностей относится, в частности, исследование и продуманное практическое использование богатого зарубежного опыта формирования и функционирования парламента. В этой связи представляется совершенно обоснованным анализ организации деятельности британского парламента, который по праву считается «праматерью» всех парламентав мира.

Избирательная реформа 1832 г. была событием огромного значения для изменения парламентавской системы Великобритании в направлении развития демократии и конституционализма. Напряженная борьба за ее принятие в 1831—1832 гг. сопровождалась совершенствованием института парламентавских процедур, и, в первую очередь, такого его элемента, как порядок взаимоотношения палат между собой и взаимоотношения палат с другими органами государственной власти.

Цель реформы сводилась к передаче политической власти в стране от аристократии к средним буржуазным классам мирным конституционным образом, путем перераспределения депутатских мест в пользу крупных промышленных городов и графств. Этого предполагалось достичь с помощью сокращения так называемых «гнилых местечек», т.е. обезлюдивших избирательных округов, находившихся под полным контролем землевладельческой аристократии. Почти половина депутатов палаты общин избиралась от таких местечек, которые давно уже потеряли свое былое значение, но продолжали обладать правом посылать в парламентав одно или даже двух депутатов. Это позволяло аристократии контролировать палату общин, а значит, и весь политический процесс в стране.¹

Идея парламентавской реформы была весьма популярна в Великобритании еще во второй половине XVIII в. Ее поддерживали широкие круги средних классов и либеральной аристократии. Однако практическое продвижение эта идея получила лишь в начале 30-х гг. XIX в., когда она была взята на вооружение партией вигов. В ноябре 1830 г. под лозунгом реформы виги выиграли парламентавские выборы и сфор-

¹ См. об этом: *Барлова Ю.Е.* «Гнилые местечки» в истории Англии // Вопросы истории. 1999. № 6. С. 150—154.

мировали правительство во главе с графом Греем. Сразу же был создан комитет по подготовке парламентской реформы. И 1 марта 1831 г. первый вариант законопроекта (билля) о реформе был представлен в палате общин. Билль предусматривал ликвидацию части «гнилых местечек» и значительное увеличение электората.

Началась затяжная напряженная борьба за принятие реформы. Оппозиционная партия тори однозначно выступила против реформы. Острота борьбы вызвала и процедурные казусы.

Первое чтение билля о реформе в палате общин британского парламента 22 марта 1831 г. принесло успех вигам большинством лишь в один голос (302 — за, 301 — против). Такое диаметрально разделенное голосование было беспрецедентным случаем в парламентской истории Великобритании. Согласно парламентской практике (неписанного источника парламентской процедуры) билль не проходил. Минимальное преимущество, достигнутое вигами, говорило о серьезной политической борьбе вокруг вопроса о парламентской реформе.

Острота борьбы в палате общин вызвала новый подъем агитационной кампании за стенами парламента. В парламент вновь хлынул поток петиций. Лондонские купцы и банкиры 4 апреля устроили банкет в честь правительства. В палату лордов была представлена петиция от Сити в пользу реформы, имевшая более девяти тысяч подписей. Восемнадцатого апреля в палате общин была зачитана петиция, которую подписали более девяти с половиной тысяч представителей буржуазных слоев Лондона.²

Единственным процедурным выходом в данной ситуации был роспуск парламента. Лорду Грею с большим трудом удалось убедить короля Вильгельма IV, который весьма критически относился к идее проведения парламентской реформы, в необходимости этого шага.

Парламентские выборы, прошедшие в конце апреля — начале мая 1831 г., стали настоящим триумфом сторонников реформы. Они победили почти во всех «открытых» избирательных округах. В большинстве графств противники реформы потерпели поражение. Ситуация в палате общин резко изменилась в пользу сторонников реформы, получивших значительное большинство. Было ясно, что в ближайшее время новый состав палаты общин примет реформу.

14 июня 1831 г. собрался новый парламент. 24 июня билль о реформе с небольшими изменениями был вторично внесен на рассмотрение палаты общин. 6 июля палата общин, как и предполагалось, одобрила билль подавляющим большинством голосов (367 — за, 231 — против). Газета «Times» на следующий день оптимистично писала: «Мы предполагаем, что, хотя биллю предстоит пройти еще ряд ступеней,

² См.: The Hansard's Parliamentary Debates. 3rd ser. Vol. 3. P. 1322, 1494.

мы можем считать уже главную задачу выполненной. Мы верим в мудрость и патриотизм палаты лордов, которая сможет отбросить свой страх во имя разумных надежд и справедливых желаний единого народа».³

Затем билль о реформе был передан в палату лордов. Всем политическим силам Англии было ясно, что судьба билля в конечном счете зависит от его прохождения через палату лордов, которая, по мнению вигского журнала «Edinburgh Review», была «гораздо менее благосклонна к этой великой реформе, чем палата общин».⁴ Действительно, большинство членов палаты лордов были противниками парламентской реформы. Что скажет палата лордов, обладавшая правом накладывать вето на решения палаты общин? Этот вопрос не давал покоя сторонниками реформы. Автор статьи в «Edinburgh Review» так рисовал ситуацию: «Страна безраздельно высказалась за билль, палата общин тоже определенно поддерживает билль, лишь палата лордов разделена, причем большинство лордов намерены выступить против билля».⁵

В начале октября в палате лордов начались бурные дебаты, затянувшиеся на пять дней. Утром 8 октября палата лордов после бессонной ночи ожесточенных споров отвергла билль большинством в сорок один голос (158 — за, 199 — против). Отклонение билля вызвало бурю протеста в стране.

Отклонение палатой лордов билля о реформе означало правительственный кризис. В британской истории имелись прецеденты, когда в подобных ситуациях кабинетам министров приходилось уходить в отставку. Но британское общественное мнение поддержало либеральный кабинет лорда Грея. Под влиянием царящего в стране возбуждения палата общин большинством в сто тридцать три голоса приняла резолюцию, в которой вновь одобрялись основные положения билля и выражалось доверие правительству. Правительство Грея устояло. Парламент не был распущен.

А 12 декабря 1831 г. виги внесли очередной вариант билля о реформе на рассмотрение палаты общин. Новый проект билля был незначительно изменен в сторону уступок требованиям торийской партии.

17 декабря билль о реформе был принят палатой общин весьма солидным большинством в сто шестьдесят два голоса (324 — за, 162 — против). После этого парламент прервал заседания до 17 января 1832 г.

Однако всем было ясно, что неизменный состав палаты лордов, несомненно, вновь провалит билль. Правительство предполагало возникновение такой ситуации. Так как согласно британским парламентским традициям распустить палату лордов было нельзя, то выход

³ Times. 1831. № 188.

⁴ Edinburgh Review. 1831. Vol. 53. № 106. P. 479.

⁵ Ibid. P. 490—491.

был один — увеличить число пэров (членов палаты лордов), причем за счет сторонников реформы. Такой прецедент уже имелся в эпоху правления королевы Анны. Еще в сентябре 1831 г. «Edinburgh Review» предлагал пойти таким путем: «Увеличение числа пэров, несомненно, является тем средством, которое предусматривает конституция в подобных случаях. Непокосимые и консервативные в своем возвышенном положении, позабывшие свои обязанности при осуществлении власти, они (члены палаты лордов. — М.Ж.) могут быть укрощены только увеличением числа членов палаты, на что корона обладает безоговорочным правом».⁶

Этот вопрос неоднократно обсуждался на заседаниях кабинета министров Великобритании. Мнения министров по этому вопросу разделились. Министр иностранных дел лорд Пальмерстон выступил против количественного расширения палаты лордов, опасаясь, что такой шаг может в значительной степени «демократизировать» палату и, следовательно, уменьшить политическое влияние аристократии. Пальмерстон был недоволен тем, что его не допускают к разработке парламентской реформы. Он стремился к компромиссу с «колеблющимися» членами палаты лордов и был твердо убежден, что кабинет находится под большим влиянием радикальной агитации.⁷ Министра иностранных дел поддержали другие члены правительства: Грэм, Ричмонд, Ландздаун, Мелбурн. Таким образом, в британском кабинете образовалась «консервативная» фракция.

Однако большинство министров было уверено в необходимости расширения состава палаты лордов за счет сторонников реформы, которые должны были поддержать билль в палате лордов и обеспечить его успешное прохождение. Министры считали, что только эта мера может спасти страну от роковых последствий отклонения билля. Разногласия среди министров могли привести к расколу и отставке правительства. Премьер-министр Грей прилагал максимум усилий, чтобы склонить обе стороны к компромиссу.

Сам Грей очень неохотно поддержал предложение об увеличении числа пэров. На заседании кабинета он откровенно заявил: «Сознаюсь, мое чрезвычайное отвращение к этой мере заставляет меня сомневаться в своих собственных суждениях. Я применяю разум со всей силой, на какую я способен, но я вижу, что мои чувства сильнее, чем разум. Это мера чрезвычайно сильная; не считая пэров королевы Анны, она не имеет прецедентов в нашей истории. Она является определен-

⁶ Edinburgh Review. 1831. Vol. 54. № 107. P. 264.

⁷ См.: *Milton-Smith J.* Earl Grey's Cabinet and the Object of Parliamentary Reform // *Historical Journal.* 1972. Vol. 15. № 1. P. 71.

ным злом, опасным как прецедент...».⁸ Много позже другой участник тех событий Г. Брум писал: «Я часто с тех пор спрашивал себя, прибегли бы мы к этому рискованному увеличению числа пэров или нет в том случае, если бы лорды продолжали упорствовать в оппозиции основным положением билля? Около двенадцати лет прошло со времени кризиса 1832 г. Я говорю спокойно об этом, как и о всяком другом политическом вопросе, но я не могу с уверенностью ответить в положительном смысле... Я думаю, не предпочел ли бы я подвергнуться риску беспорядков, которые сопровождали бы поражение билля; и я глубоко убежден, что мой знаменитый друг (Грей) был бы в этом больше чем согласен со мной...».⁹

Лорд Грей обратился к королю с просьбой о немедленном расширении палаты лордов, но получил отказ. В такой ситуации либеральный кабинет был вынужден подать в отставку. Министерство осталось у власти до формирования нового кабинета. Однако Грей не собирался так легко сдаваться. В эти дни он писал жене русского посла в Лондоне княгине Ливен: «Вы плохо знаете меня, если вы думаете, что, предприняв столь важную меру, я могу отступить перед ее последствиями. За меня король и общественное мнение, герцог Веллингтон не так силен в парламенте, как на поле битвы (лорд намекал на полководческую славу герцога, которого считали победителем Наполеона в сражении при Ватерлоо. — М.В.)! В палате лордов не бывает Ватерлоо, и общественным мнением нельзя командовать, как полками! Взгляд герцога — это мнение человека, не понимающего духа времени».¹⁰

Общественное мнение Великобритании было определено на стороне вигского правительства. Как только стало известно об отставке правительства, общественное возмущение достигло критической точки. Повсюду проходили митинги в поддержку билля и правительства. Начали поговаривать о вооруженном сопротивлении. Члены политических союзов покупали оружие. Были призывы использовать экономические меры давления на короля и аристократию — прекращение уплаты налогов и изъятие вкладов из банков.

В условиях кризиса, вошедшего в английскую историю под названием «майских дней», король Вильгельм IV обратился к герцогу Веллингтону с просьбой сформировать новое торийское правительство, которое внесло бы в парламент другой проект билля о реформе, гораздо более ограниченный, чем прежний. Король надеялся, что члены палаты лордов будут более благосклонны к торийскому биллю о реформе, чем

⁸ Ibid. P. 72.

⁹ Тункин Г.И. Парламентская реформа 1832 года в Англии // Ученые записки Московского юридического института. М., 1940. Вып. 2. С. 169.

¹⁰ Княгиня Ливен и ее переписка с разными лицами // Русская старина. 1903. Т. 115. № 9. С. 696.

к вигскому. Герцог принял королевское предложение. Но другие крупные деятели партии тори не поддержали его. Так, один из лидеров партии тори Роберт Пиль, оставшийся верным своим принципам, написал ему: «Я не могу думать только о потребностях настоящей минуты и о крайности переживаемого нами кризиса. Нашему отечеству стали бы грозить великие опасности, если бы народ потерял бы всякое доверие к словам политических деятелей, а это произошло бы неминуемо, если бы я теперь выступил в качестве министра защитником билля о реформе».¹¹

Герцог Веллингтон, не обнаружив поддержки среди своих соратников, был вынужден отказаться от формирования кабинета и посоветовал королю поручить это дело снова лорду Грею. Вильгельму IV пришлось последовать этому совету, и вскоре лорд Грей был восстановлен в прежней должности.

По настоянию Грея король обратился с циркулярным письмом к членам палаты лордов, которые в свое время не поддержали билль о реформе. Он просил их не препятствовать прохождению билля, иначе ему придется пойти на увеличение числа пэров. Настоятельная просьба короля наконец-то убедила строптивых пэров. 4 июня 1832 г. при третьем чтении билля герцог Веллингтон и его сторонники покинули палату лордов и билль о реформе был принят большинством в восемьдесят четыре голоса (106 — за, 22 — против). 5 июня билль с поправками, принятыми лордами, окончательно прошел в палате общин. 7 июня 1832 г. он был санкционирован королем. Вскоре были приняты аналогичные законы для Шотландии и Ирландии.

Межпартийная парламентская борьба по вопросу о реформе способствовала развитию парламентских процедур в Англии. Процедуры использовались в качестве инструмента ограничения влияния палаты лордов и одновременного усиления роли палаты общин, а также выстраивания системы «сдержек и противовесов» и регулирования отношений между большинством и меньшинством в парламенте.

Большую роль в этом процессе сыграла парламентская практика (основной источник до начала XIX в.), которая складывалась из обычаев, прецедентов, резолюций палат и постановлений спикера. Она не обладала юридической силой, но признавалась и поддерживалась общественным мнением всей палаты.

Реформа была принята сравнительно быстро благодаря разумной позиции противостоящих партий, в основе которой лежали взаимные уступки и компромисс. Сколько бы ни были остры дискуссии, они не вышли за рамки парламентской процедуры и традиций. При этом, безусловно, учитывалась и такая влиятельная сила, как общественное мнение средних слоев британского общества, составлявших значительную часть избирателей.

¹¹ *Мижнев П.Г.* Политическая история Англии в XIX в. СПб., б.г. С. 95.

М. КОВИЧ

Россия и парламентаризм в Сербии (XIX век)

Столетие начала Первой мировой войны является прекрасной причиной рассмотреть по-новому историю русско-сербских отношений. В июле 1914 г. Сербия оказалась в совершенном одиночестве перед ультиматумом Австро-Венгрии. Тогда на помощь Сербии пришла Россия. Историкам, конечно, известно, что царская Россия, являющаяся мощной державой, все решения принимала в пользу своих интересов. Однако Россия и сам император Николай II за решение помочь Сербии, для которой эта помощь в тот момент означала все, заплатили самую высокую цену. Именно поэтому особенная роль в традиции сербского народа отводится царской России, и, естественно, Николаю II.¹ Сегодняшние, в основном англо-саксонские теории международных отношений, учат нас, что в отношениях между странами самое главное — взаимовыгодные интересы и польза, но мы из опыта знаем, что это далеко не так.

Сербия в течение XIX в. постепенно построила демократический порядок. Первый Устав появился в 1835 г. Уставом 1869 г. была провозглашена постоянным органом власти Народная Скупщина, которая была выбрана почти всеобщим правом голоса. Парламентаризм и демократия введены Уставом 1888 г. В год начала 1-й мировой войны Народная Скупщина, которая выбиралась всеобщим голосованием, и Влада, которую провозглашали и сменяли в Скупщине, играли решающую роль в политической жизни Сербии. Король Петр Карагеоргиевич, либерал по политическим убеждениям, который в молодости перевел произведение «О свободе» Д.С. Миля, придерживался конституционных ограничений. В стране существовали полная свобода печати и политических союзов, основные человеческие права были гарантированы гражданам Сербии. В соответствии с провозглашенной и узаконенной народной суверенностью, Сербия совершенно свободно и независимо сама принимала решения о своей дальнейшей судьбе.²

¹ Поповић Н. Србија и Царска Русија. Београд, 2007. С. 79—92; Živanov S. Rusija i raskol Evrope: Odnosi između velikih sila pred Prvi svetski rat. Beograd. 2005. S. 230—288; Кович М. Русско-сербские связи (1774—1914) // Русский некрополь в Белграде: Символ исторической дружбы. Београд, 2014. С. 32—33.

² Живојиновић Д.Р. Краљ Петар Карађорђевић. Живот и дело II. У отаџбини 1903—1914. године. Београд, 1990; Bataković D.T. Les sources francaises de la démocratie serbe. Paris, 2013. S. 357—515; Батаковић Д.Т. О парламентарној демократији у Србији 1903—1914 — странке, избори, политичке слободe // ГЛАС СДХХ САНУ Одељење историјских наука. Београд, 2012.

Подчеркнем, что парламентский режим в Сербии построен при помощи и поддержке абсолютистской, самодержавной, царской России. На первый взгляд это утверждение кажется противоречивым и парадоксальным. Абсолютистская Россия XIX века, которая немилосердно душила свою оппозицию, в Сербии поддержала парламентаризм и демократию? Поэтому необходимо этот тезис объяснить и доказать.

В связи с этим встает вопрос: существовала бы вообще Сербия как независимое государство, решившая начать демократический эксперимент без дипломатической и военной помощи России? Сербское средневековое государство исчезло под натиском Османской империи еще в XV в. Во времена венецианской, турецкой и австрийской властей патриархи Сербской православной церкви были духовными вождями православного сербского народа, который жил на территории двух католических и одного мусульманского государств. Связь сербской церкви с Россией была особенно крепка и существовала веками.³

Восстание сербов под руководством Карагеоргия Петровича, которое началось в 1804 г., стало началом постепенного освобождения и обновления сербского государства. Первое сербское восстание (1804—1813) является непосредственным результатом многочисленных войн, которые еще с конца XVII в. вели Австрия и Турция на территории Сербии. Карагеоргий и его воеводы научились побеждать турецкие войска еще во времена своей службы добровольцами в австрийской армии. Когда они подняли оружие против Турции, в первую очередь, обратившись за помощью к Австрии, которая была ее ближайшим соседом, и только когда Вена отказалась им помочь, они отправились в Санкт-Петербург, и с тех пор Сербия все свои значительные успехи, вплоть до 1917 г., достигала с помощью России. Австрия же между тем превратилась из защитницы в главного врага Сербии.⁴

Књ. 16. С. 391—407; *Антонић С.* Демократија у Србији уочи Првог светског рата // Социолошки преглед 4. Београд, октобар-децембар. 2014. С. 421—458; *Јовановић С.* Радикали и самосталци // Из историје и књижевности 1. Сабрана дела Слободана Јовановића 11. Београд, 1991. С. 533—536; *Поповић М.* Борбе за парламентарни режим у Србији. Београд, 1939. С. 85—111.

³ *Кович М.* Русско-сербские связи (1774—1914). С. 19—24; *Поповић Н.* Србија и Царска Русија. С. 7—21; *Косташов Ю.В.* Сербы в Австрийской монархии в XVIII веке. Калининград, 1997. С. 123—147; Политические и культурные отношения России с южнославянскими землями в XVIII в. Документы. М., 1984.

⁴ *Грачев В.П.* Сербы и черногорцы в борьбе за национальную независимость и Россия (1805—1807 гг.). М., 2003; *Грачев В. П.* Первое сербское восстание и Россия во время русско-турецкой войны 1806—1812 гг. М., 2010. Ч. I; Первое сербское восстание 1804—1813 гг. и Россия. М., 1980—

Россия, подписав Кучук-Кайнарджийский мир в 1774 г., заменила собой Австрию в качестве главного претендента на наследие султанских территорий на Балканах и Ближнем Востоке. Все время, вплоть до Парижского мира 1856 г., Россия на основании международных договоров, подписанных с Турцией, была защитницей балканских христиан и их государств. Она поддерживала все значительные изменения во внешней и внутренней политике Сербии, Валахии и Молдавии. Греция, конечно, была независимым государством, но и там русское влияние было огромным.⁵

Военная и дипломатическая помощь России, которая и сама приняла участие в войне против Османской империи (1806—1812 гг.), дали возможность Карагеоργию продержаться так долго в борьбе против турецких войск. В 1812 г. Россия должна была позаботиться о себе, исчезла и Сербия. Наследник вождя Карагеоργия, князь Милош Обренович, восстановил Сербию и получил для нее статус автономного княжества в составе Османской Империи (1830 г.). И это было достигнуто борьбой самих сербов за свободу во втором Сербском восстании 1815 г., а потом благодаря помощи России в Русско-турецкой войне 1828—1829 гг. Полную независимость Сербия опять получит благодаря участию в Русско-турецкой войне 1877—1878 гг.⁶

1983. Кн. 1—2; *Лециловская И.И.* Карагеоργий // Исторические портреты. Народы Юго-Восточной Европы. Конец XVIII — середина XIX в. СПб., 2012. С. 161—181; *Белов М.В.* Историография восстания 1804—1813 гг.: проблемы изучения сербского национально-освободительного движения // Россия и Сербия глазами историков двух стран. СПб., 2010. С. 40—50; *Вукићевић М.В.* Карађорђе I-II. Beograd, 1907—1912; *Jakšić G.* Европа i Vaskrs Srbije (1804—1834). Beograd, 1933; *Kovich M.* Protector, Neighbour, Enemy: the Habsburg Empire and the Serbs (1780—1914) // Studies in Ethnicity and Nationalism, London, 2005. P. 81—102.

⁵ Национальное возрождение балканских народов в первой половине XIX века и Россия. М., 1992. Ч. 1—2; История внешней политики России. XVIII век (От Северной войны до войн России против Наполеона). М., 1998. С. 125—135; История внешней политики России. Первая половина XIX века (От войн России против Наполеона до Парижского мира). М., 1999. С. 189—239, 309—416.

⁶ Война, открывавшая эпоху в истории Балкан. К 180-летию Адрианопольского мира. М., 2009; *Попов Ч.* Источно питање и Српска револуција 1804—1918. Београд, 2008. С. 45—60, 160—240; *Поповић В.* Европа и српско питање у периоду ослобођења 1804—1918. Београд, 1940. С. 12—73, 117—131; *Поповић В.* Источно питање: Историјски преглед борбе око опстанка Османлијске царевина у Леванту и на Балкану. Београд, 1996. С. 137—151, 187—196.

Православные и славянские народы, русские и сербы, были естественными союзниками. Однако в сотрудничестве этих двух государств каждое имело свои интересы. Для России Сербия была удобным средством, чтобы ослабить Османскую империю и дать отпор неприятельским силам на Балканах. Для Сербии Россия была мощной державой, которая была готова помочь в ее борьбе против турок.

Русские и сербы отличались друг от друга не только по силе и статусу своих государств, но и по общественному устройству. Русское общество было устроено по системе иерархии, с абсолютистской властью царя, доминированием аристократии и, вплоть до реформы Александра II, просуществовавшим крепостничеством. В Сербии было иначе. Леопольд Ранке, один из выдающихся историков XIX в., неслучайно времена Карагеоргия и Милоша Обреновича назвал временами Сербской революции.⁷

Карагеоргий отнятую у мусульманских феодалов землю поделил между своими солдатами, а Милош Обренович это узаконил. Сербия, таким образом, уничтожила феодализм и стала страной свободных крестьян, владельцев мелких сельских поместий. Сербское общество было в основном эгалитаристическим и в нем не было аристократии. Большинство жителей Сербии были крестьянами, хозяевами своих частных земельных наделов. С 1869 г. они получили право голоса и участия в выборах. Образованный слой общества также проистекал из сел. Он, хотя и был немногочислен, но играл в политической жизни страны решающую роль. Даже две династии, которые в Сербии будут бороться за власть, Карагеоргиевичи и Обреновичи, в отличие от германских династий в остальных странах на Балканах, были сербского, крестьянского происхождения. Интересно, что и во второй сербской державе на Балканах (не забывая, что исходя из исторических источников, черногорцы вплоть до второй половины XX в. считали себя сербами) царствовала национальная, сербская династия Петровичи. Можно было ожидать, что из такого общества выйдет эгалитаристическая, демократическая, парламентская политическая система.⁸ Но, конечно, это не могло произойти без отпора, бунта, покушений на убийство и государственных переворотов. Парламентаризм и в Англии, и во Франции был рожден революциями. В 1905 г. и Россия пошла по этому пути.

⁷ *Ranke L.* Die Serbische revolution. Hamburg, 1829.

⁸ *Bataković D.* Указ. соч. С. 25—77, 186—207; *Николић Д.Н.* Устав од 1869. године. «Намеснички устав» // Устави Кнежевине и Краљевине Србије 1835—1903. Београд, 1988. С. 81—89; *Стојанчевић В.* Српска национална револуција и обнова државе од краја 18. века до 1839 // Историја српског народа V—1. Београд, 1981. С. 17—24, 83—86, 135—141.

В Сербии в XIX в. за власть боролись три политические идеи: монархия, олигархия и демократия. Князь, а с 1882 г. король, представлял монархию. Участники, вожди восстаний, также члены Совета и образованные чиновники желали олигархию. Они были основоположниками позднее образованной консервативной, прогрессивной партии. Наконец, начиная с революции 1858 г., когда так называемая «Святоандрейская скупщина» выступала как Конвент, свергла и князя, и олигархию, которые в то время управляли страной, в Сербии стали выделяться демократические силы. Ключом их мощи и влияния стала Народная скупщина.⁹

В самом начале демократические идеи поддерживали небольшие разрозненные группы интеллигенции, но они в очень короткий срок сплотились в либеральную и радикальную партии. И либералы, которые возглавляли Святоандрейскую скупщину 1858 года, и радикалы, которые основали самую большую и самую сильную партию в Сербии с 1878 по 1914 г., поддерживали идеи народной суверенности, всеобщего избирательного права, преобладания власти Народной скупщины над короной, власти права, свободы мысли, печати и т.д.¹⁰

Какую роль во всем этом играла Россия? После поражения в Крымской войне и в ходе Парижской конференции она формально не являлась единственным покровителем сербской автономии, а одной из пяти гарантов. Однако, во внутренней жизни Сербии Россия и после получения Сербией независимости в 1878 г., оказывала огромное влияние.

Что же поддерживала Россия во внутренних сербских распрях — монархию, олигархию или демократию? Ее отношение, как и подобает великим силам, было весьма прагматичным, чаще всего, хотя не всегда, лишено идеологии и менялось от случая к случаю. Поэтому при анализе русского фактора во внутренней сербской политике всякое обобщение может нести риск упрощения и ошибок. Однако у нас нет возможности детально проследить роль России во всех сербских внутренних перипетиях XIX в. Поэтому рассмотрим главные тенденции.

Главным содержанием политической жизни в Сербии от восстания 1804 г. до Святоандрейской скупщины 1858 г. была борьба между монархией и олигархией, между князем и Советом. В этой борьбе Россия не поддерживала абсолютистскую власть монарха, а наоборот, чаще всего стояла на стороне олигархии. Поддерживала оппозицию против желания Карагеоргия утвердить свою сильную, централизован-

⁹ *Јовановић С.* Наше уставно питање у XIX веку // Политичке и правне расправе. Сабрана дела Слободана Јовановића 2. Београд, 1991. С. 11—41.

¹⁰ *Милићевић Ј.* Прилог познавању порекла србијанског парламентаризма // Друштвене појаве у Србији XIX века. Београд, 2002. С. 312—336.

ную власть и влияла на то, чтобы в противовес Карагеоргию, был сформирован Правительствующий совет сербских народных старейшин. Когда против абсолютизма Милоша Обреновича восстала оппозиция Совета, Россия выступила в ее поддержку.¹¹

Карагеоргий был предан Австрии и постоянно жаловался на недостаточную поддержку России. Милош Обренович, получив с помощью России автономию для Сербии и титул князя для себя, начал сближаться с Великобританией. Как и раньше, Россия как покровительница, при поддержке Австрии и Турции, принудила кн. Милоша отказаться от Устава, составленного в 1835 г. по примеру либеральных бельгийской и французской конституций. Одним словом, Сербия упустила возможность обратиться к России за разрешением стать либеральным, конституционным государством. Кроме того, Россия не хотела, чтобы Сербия попала под влияние западных держав. Позднее в Константинополе, в 1838 г., был составлен новый сербский устав, решающую роль в составлении которого сыграл русский посол. Положение членов Совета было сделано полностью независимым от князя, при этом Совету были даны широкие полномочия. Милош отказался все это принять и уехал из Сербии.¹²

Наследник Милоша, кн. Михаило Обренович, выучил урок и стал тяготеть к России, но зато оппозиционный Совет стал сближаться с Францией, Британией и Турцией. Когда кн. Михаило был свергнут в 1842 г., Россия потеряла влияние в Сербии: Совет был профранцузский, а новый кн. Александр Карагеоргиевич проавстрийской ориентации. Борьба князя и Совета как раз и привела к созыву Народной Святоандрейской скупщины, которая, как мы видели, сменила князя и уменьшила роль Совета.¹³

Святоандрейские либералы, сторонники парламентаризма, были поддержаны Россией и Францией. Эти приверженцы британских и

¹¹ *Гавриловић М.* Спољашња политика Србије у XIX веку // Из нове српске историје. Београд, 1926. С. 1—30; *Јовановић С.* Карађорђе и његове војводе // Из историје и књижевности. Сабрана дела Слободана Јовановића 11. Београд, 1991. С. 17—37.

¹² Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в первой трети XIX века: Документы. М., 1997; *Гавриловић М.* 1) Почети дипломатских односа Велике Британије и Србије // Из нове српске историје. Београд, 1926. С. 98—193; 2) Суспендовање првог српског устава // Там же. С. 194—209; *Љушић Р.* Кнежевина Србија 1830—1839. Београд, 2004. С. 145—202, 361—397; *Pavlowitch S.K.* Anglo-Russian Rivalry in Serbia 1837—1838. The Mission of Colonel Hodges. Paris, 1962.

¹³ Политические и культурные отношения России и Сербии в 30—50-е годы XIX века: Документы. М., 2013; *Попов Н.* Србија после Парискога мира. Београд, 1872; *Поповић В.* Европа и српско питање. С. 92—94.

швейцарских политических свобод во внешней политике требовали опереться на царскую Россию. Уже тогда сербская интеллигенция научилась отделять свои идеологические предпочтения от реальной, государственной, внешней политики.¹⁴ И сам основоположник сербского либерализма, писатель конца XVIII — начала XIX вв. Доситей Обрадович, являясь англофилом, требовал от Карагеоргия обратиться лицом к России.¹⁵ Сам разум подсказывал, что за помощью надо обращаться туда, где она может быть получена. Либеральная Британия почти весь XIX в. вела политику поддержки Турции с целью уменьшить влияние России на Балканах и Леванте.¹⁶

Когда вставал вопрос о святоандрејских либералах, не все было связано с прагматизмом. Верхушка Сербской православной церкви, главной опоры русского влияния в Сербии, поддерживала либералов. Ее владыка, митрополит Михайло был либералом, убежденным русофилом и славянофилом. С помощью митрополита и с русским паспортом в кармане вождь и главный идеолог либералов Владимир Йованович отправился в Лондон, чтобы получить поддержку по сербскому вопросу.¹⁷

В рядах либералов с восхищением было принято «Послание сербам из Москвы» (1860), которое написал Алексей Хомяков и подписали еще девять известных русских славянофилов. Хотя в нем не упоминалось ни о парламентаризме, ни о демократии, между либералами эхом прокатился призыв Хомякова к сербам вернуться к своим славянским, традиционным ценностям.¹⁸ Либералы, а потом и радикалы пропове-

¹⁴ *Ковић М.* Србија у борби за опстанак 1903—1914 // Два века модерне српске дипломатије. Београд, 2013. С. 149—150.

¹⁵ *Лециловска И.И.* Досифеј Обрадович // Исторически портрети. С. 133—160; *Костић М.* Доситеј Обрадовић у историјској перспективи XVIII и XIX века. Београд, 1952. С. 105—106, 108; *Гавриловић С.* Војводина и Србија у време Првог устанка. Нови Сад, 2004. С. 172, 451; *Noyes G.R.* Introduction // *The Life and Adventures of Dimitrije Obradović, Who as a monk was given the name Dositej*, Written and published by himself. trans. and ed. by Noyes G.R. Berkeley, 1953. P. 36—38.

¹⁶ *Ковић М.* Две империје: Британци и Османлије (1774—1923) // Турска: регионална сила? Београд, 2013. С. 191—204.

¹⁷ *Слијепчевић Ђ.* Михаило, Архиепископ београдски и митрополит Србије. Мюнхен, 1980; *Јовановић В.* Успомене. прир. Крстић В. Београд, 1988. С. 112—118; *Екмечић М.* Стварање Југославије 2. Београд, 1989. С. 180.

¹⁸ Къ Сербамъ. Послание изъ Москвы. Лейпцигъ, 1860; *Екмечић М.* Указ. соч. С. 146—152, 177—182; *Терзић С.* Руски словенофили и српско питање (1856—1878) // Српско-руски односи од почетка XVIII до краја XX века. Београд, 2011. С. 95—100; *Subotić M.* Sricanje slobode: Studije o роџесима liberalne misli u Srbiji XIX veka. Niš, 1992. S. 109—157.

довали возвращение к традициям, хотя в этом они видели сельское самоуправление и демократию. Османская империя, как утверждали они, не проникла во внутреннюю жизнь удаленных сербских деревень, пока они были лояльны власти султана. Поэтому сербы привыкли самостоятельно решать все, что касалось их жизни, договариваясь в семейных хозяйствах, в сельских и княжеских скупщинах. Такие идеи нашли свой отголосок в сердцах сербских крестьян, которые большинством начали голосовать за радикалов. Идеологи либералов и радикалов, получившие образование на Западе, к этим идеям подключили индивидуализм, идею права и скупщинские процедуры. Итак, в Сербии борьба за демократию была понята и как борьба за возвращение к традиционным ценностям.¹⁹

Милош и Михаило Обреновичи, вернувшись к власти, решили опереться на Россию и даже получили ее поддержку в укреплении могущества власти монарха. Тогда олигархия Совета, наконец, практически потеряла свою роль в политической жизни страны. Но в то же время началась борьба между монархией и демократией, между короной и либералами. С гибелью кн. Михаила Обреновича и с приходом к власти малолетнего кн. Милана Обреновича либералы опять получили возможность провести свои идеи в жизнь. Они подписали Устав в 1869 г., на основании которого Народная скупщина, выбранная всеобщим голосованием, стала постоянным органом власти. Новый вождь либералов, Йован Ристич, после небольших колебаний стал сторонником России. Либералы при поддержке России вступили в войну за освобождение и соединение (1876—1878 гг.), после которой Сербия, наконец, получила независимость и увеличила территории.²⁰

Столкнувшись с эгалитаризмом радикалов и социалистов, либералы обратились к идеям элитизма и олигархии. Радикалы, недовольные либеральным Уставом 1869 г., взяли дело демократии и парламентаризма в свои руки. Период с 1878 по 1903 гг. будет отмечен борьбой между монархией и демократией, между династией Обреновичей и радикалами.

Огорченный попыткой России образовать на Балканах Великую Болгарию и тайными переговорами, в результате которых Россия отдала Австрии Боснию и Герцеговину, князь (а с 1882 г. король) Милан

¹⁹ *Јовановић В.* Србски народ и Источно питање // За слободу и народ. Нови Сад, 1868. С. 54—74, 82—89; *Јовановић В.* Успомене. 216; *Милићевић Ј.* Указ. соч. С. 319—322.

²⁰ *Јовановић С.* Спољашња политика Србије у XIX веку // Српски књижевни гласник. 1901. IV св. 6. С. 460—473; *Поповић В.* Европа и српско питање. С. 74—116; *Попов Ч.* Указ. соч. С. 107—160.

Обренович с помощью прогрессивной партии полностью отвернулся от России к Австро-Венгрии.²¹

Либералы к тому времени уже ослабли, а новоорганизованная Народная радикальная партия получила огромную поддержку масс. Ее начала были социалистическими и народническими. Учителями радикалов долгое время были А.И. Герцен, Н.Г. Чернышевский и П.Л. Лавров. Но радикалы постепенно стали уходить в сторону либеральных левых, к борьбе за парламентаризм, демократию и местное самоуправление. Их идеологическими образцами стали демократические государства — Швейцария и Франция. Но особую популярность им принесло требование вернуть Сербию к традиционному союзничеству с Россией.²²

Несмотря на свои народнические начала, вождь радикалов Никола Пашич очень скоро получил благосклонность России. Даже вождь либералов Йован Ристич не имел такой поддержки в Петербурге. Сказались годы эмиграции, проведенные в России Пашичем с 1883 по 1889 гг., когда вместе с изгнанным митрополитом Сербии Михаилом он работал над подготовкой насильственного свержения короля Милана с престола. Один из его меморандумов русским властям тех лет был написан под явным, сильным влиянием славянофильских идей Н.Я. Данилевского. По возвращении в страну и до конца своей политической карьеры Н. Пашич остался человеком, обладавшим поддержкой России, что приносило большую популярность его партии.²³

²¹ *Ковачевић Д.М.* Србија и Русија 1878—1889. Београд, 2003; *Кович М.* От Сан-Стефано к Берлину: сербский вопрос в переговорах между Россией, Австро-Венгрией и Великобританией // Из истории Сербии и русско-сербских связей. 1812—1912—2012. М., 2014. С. 106—124; Годишњи извештаји Министарства иностраних дела Руске империје о Србији и Босни и Херцеговини (1878—1903). Прир. Кузмичова Љ.В. и Ковачевић Д.М. Нови Сад 1996; *Јовановић С.* Влада Милана Обреновића II // Сабрана дела Слободана Јовановића 5, Београд, 1990.

²² *Раденић А.* Радикална странка и Тимочка буна. Историја Радикалне странке — доба народњаштва. 1-2. Зајечар, 1988; *Протић М.* Ст. Радикали у Србији. Идеје и покрет 1881—1903. Београд, 1990; *Шемякин А.Л.* Радикальное движение в Сербии. Зарождение, становление, первые шаги (1875—1883). М., 1993.

²³ *Никола Пашић:* Живот и дело. Београд, 1997; *Станковић Ђ.* Никола Пашић: Прилози за биографију. Београд, 2006; *Казимировић В.* Никола Пашић и његово доба 1845—1926. Београд 1990; *Шемякин Л.М.* Идеологија Николы Пашича. Формирование и эволюция (1868—1891). М., 1998; *Никола Пашић:* Писма, чланци и говори (1872—1891). Прир. Перовић Л. и Шемякин Л.М. Београд, 1995; *Никола Пашић у Народној скупштини.* 1—4. прир. Перовић Л., Стојановић Д., Станковић Ђ. Београд, 1997.

С начала своего основания в 1881 г. Народная радикальная партия была непобедима на выборах. По-видимому, в Петербурге поняли, что из-за популярности православной и славянской России в самых широких сербских общественных слоях и в церкви осуществление программы радикалов — народный суверенитет, парламентаризм и демократия, поиск поддержки России во внешней политике — будут означать победу русского влияния в Сербии.

Таким образом, еще со времен либералов, а тем более во времена радикалов, Россия была главной опорой демократии в Сербии, в то время как Австро-Венгрия, Германия и либеральная Британия поддерживали автократическую политику последних Обреновичей. Король Милан упорно придерживался союза с Австро-Венгрией и не отдавал власть в руки Народной скупщины и радикалов. Король Александр Обренович продолжил его политику, однако неожиданные изменения курса его внешней политики привели к тому, что он потерял доверие и со стороны России, и со стороны Австро-Венгрии. Смерть Александра во время военного путча в 1903 г. обозначала конец династии Обреновичей и открыла дорогу к приходу на сербский престол либерального Петра Карагеоргиевича, к полной власти радикалов и к победе демократии.²⁴

Триумф демократии и парламентаризма с 1903 до 1914 гг. означал и наивысшую точку русского влияния в Сербии. Радикалы очень быстро разделились на две партии, что дало возможность установить стабильную двухпартийную систему. Русский представитель в Белграде, Николай Гартвиг, использовал влияние в сербской политике и участвовал в принятии важнейших решений правительства.²⁵ В международных кризисах перед началом Первой мировой войны Россия и Сербия будут идти вместе. Политика ультиматумов и угроз со стороны Австро-Венгрии и Германии вынуждала Россию отступать и уступать вместе с Сербией во время Анексионного кризиса и Балканских войн. Нового ультиматума и унижения, который произошел в июле 1914 г., Россия не смела себе позволить.²⁶ Когда Первая мировая война закон-

²⁴ *Војводић М.* Србија у међународним односима крајем XIX и почетком XX века. Београд, 1988; *Idem.* Место Русије у спољној политици Србије (1878—1908) // Српско-руски односи. С. 135—144; *Bataković D.T.* Указ. соч. С. 313—353; *Јовановић С.* Влада Александра Обреновића 1889—1903 // Сабрана дела Слободана Јовановића. № 6—7. Београд, 1990.

²⁵ *Джурич Дж.* Николай Генрихович Гартвиг // Русский некрополь в Белграде. С. 362 —365.

²⁶ *Ђоровић В.* Односи између Србије и Аустро—Угарске у XX веку. Београд, 1992; *Војводић М.* Скадарска криза 1913. године. Београд, 1969; *Митровић А.* Продор на Балкан: Србија у плановима Аустро—Угарске и Немачке 1908—1918. Београд, 2011.

чится, больше не будут существовать ни Россия, ни Сербия. На месте России возник Советский Союз, Сербия же перестроилась в новое, югославское государство.

Еще в те времена, когда в XVI в. французский король Франциск I соединил свои силы с турецким султаном Сулейманом Великолепным и с немецкими протестантами, стало ясно, что приходит время, когда внешняя политика мощных европейских держав будет основана в большей мере на интересах и отношениях сил, чем на религиозных и идеологических составляющих. Кардинал Ришелье в религиозной Тридцатилетней войне будет воевать плечом к плечу с протестантами против католической династии Габсбургов, так же как и абсолютист Луи XVI, окажет огромную помощь Американской революции. Это был принцип «государственной причины», известный как *raison d'état*. Этим же руководствовалась и царская Россия на Балканах. Там она не только не применяла идеологические начала, которых придерживалась в своей внутренней политике, но и показывала выраженный реализм, приспособляясь к местным возможностям. Об этом свидетельствует ее роль в принятии «Органического регламента» в Валахии и в Молдове (1831—1832) и особенно «Тырновской конституции» в Болгарии (1879). В этом реализме и находится объяснение поддержки абсолютистской России победы парламентаризма и демократии в Сербии.

Перевод с сербского языка Е.С. Гавроевой.

Н.В. РОСТИСЛАВЛЕВА

Приоритеты Франкфуртского парламента

Истоки германского парламентаризма восходят к истории Франкфуртского парламента — первого общегерманского представительства, действовавшего в годы революции 1848—1849 гг., которое в литературе называют также Национальным собранием, Paulskirche.

В отдельных государствах Германского союза представительные учреждения парламентского типа появились еще в 20-е гг. XIX в.: это, например, великое герцогство Баден королевства Бавария, Вюртемберг. Наиболее результативной в либеральном плане была деятельность баденского ландтага в 1831 гг. Лидер баденского либерализма Карл фон Роттек в «Истории баденского ландтага» отмечал, что его деятельность в 1831 г. стала эпохой не только в истории развития конституционализма в Бадене, но и оказала влияние на все другие конституционные германские государства.¹ Обсуждения проекта Велькера о создании национального представительства² и проекта закона о печати — главные достижения сессии баденского ландтана 1831 г. В декабре 1831 г. им был принят закон о печати. Он действовал до мая 1832 г. и был отменен по инициативе канцлера Австрийской империи К. Меттерниха Венскими решениями, поскольку этот закон просто взрывал выстроенную Австрией и поддержанную Пруссией Венскую систему, ограничивавшую свободу в Германском союзе.

В годы революции 1848—1849 гг. либералы великого герцогства Баден находились на передовых позициях. Революция началась в Бадене раньше (февраль 1848 г.), чем в других германских государствах. Основная задача германских либералов — обеспечить создание национального представительства. На собрании либералов в Геппенгейме (1847 г.) баденцы Ф.Д. Бассерман (1811—1855) и К.Т. Велькер внесли предложение о его созыве.

Механизм создания общегерманского парламента обсуждался на конгрессе в Гейдельберге (герцогство Баден) 5 марта 1848 г. Среди участников конгресса было много либералов из Бадена. В конгрессе принимал участие 51 депутат, из которых 21 — представители герцог-

¹ *Rotteck C. v. Geschichte des Badischen Landtags von 1831 als Lese und Lehrbuch für das Deutsche Volk.* Hildburghausen; New-York, 1833. S. 5.

² См. об этом подробнее: *Ростиславлева Н.В.* Либералы немецкого герцогства Баден о национальном вопросе в 1848—1849 гг. // *Новый исторический вестник.* 2001. Вып. 2. С. 132—141.

ства Баден.³ Депутаты выразили готовность защищать «свободу, единство, самостоятельность и честь немецкой нации».⁴ Велькер был против радикальных преобразований, предлагая депутатам обратиться к Союзному сейму, призванному подготовить созыв общегерманского представительства. Однако решение конгресса было другим: для подготовки выборов в парламент — создать комиссию из 7 человек, куда вошли баденцы — Велькер и Итцштейн.

В марте 1848 г. начал свою работу предпарламент (das Vorparlament), призванный разработать механизм формирования общегерманского представительства. Среди депутатов предпарламента преобладали также представители германского Юго-Запада. Пруссию, население которой составляло почти 8 млн., представлял 141 депутат, а герцогство Баден с населением в 1 млн. — 72 депутата.⁵

18 мая 1848 г. в церкви святого Павла (Paulskirche) во Франкфурте на Майне состоялось торжественное открытие Национального собрания. Социальный состав Франкфуртского парламента был неоднороден и не отражал состава населения германских земель, которое было по преимуществу аграрным. Так, представителей крупных землевладельцев было в Национальном собрании 6,6 %, тогда как оставшиеся 93,4 % выражали интересы крупной и мелкой буржуазии, служащих, лиц свободных профессий, военных.⁶ Немало в Национальном собрании было профессоров, среди них — Э.М. Арндт, Ф.Л. Ян, Якоб Гримм, Ф.К. Дальман, Г. Вайц, М. Дункер, Р. Гайм, К.Т. Велькер.

Бесспорно, самый главный вопрос в работе Франкфуртского парламента — достижение единства Германии. Уже после завершения наполеоновских войн и создания Германского союза на немецком пространстве обсуждались пути достижения единства. Накануне революции рупором единения немцев под эгидой Пруссии стала «Немецкая газета». Осуществление этой задачи началось еще до созыва Франкфуртского парламента в связи с событиями в Шлезвиге и Гольштейне. Решение данного вопроса было важным шагом в продвижении к единству. Герцогства Шлезвиг и Гольштейн были населены преимущественно немцами, но с XIV в. находились под властью Дании. Гольштейн входил в состав Германского союза, а Шлезвиг — нет. Фридрих Кри-

³ См. об этом подробнее: *Ростиславлева Н.В.* Германские либералы первой половины XIX в. М., 2010; *Freyer U.* Das Vorparlament zu Frankfurt a.M. im Jahre 1848. Greiswald, 1913. S. 20.

⁴ Erklärung der Heidelberger Versammlung // Die Revolution von 1848/49. Eine Dokumentation. Stuttgart, 1999. S. 34.

⁵ *Ростиславлева Н.В.* Германские либералы первой половины XIX в. С. 152—153.

⁶ *Langewiesche D.* Liberalismus in Deutschland. Frankfurt am Main, 1988. S. 304.

стоф Дальман — лидер либерализма немецкого Севера как депутат Франкфуртского парламента именно в решении этого вопроса видел свою главную задачу. При получении депутатского мандата он написал: «Я знаю себя очень хорошо, чтобы понимать, что я до конца буду служить Шлезвиг-Гольштейнскому вопросу, которому посвятил всю молодость».⁷

В Шлезвиге и Гольштейне после начала революции было сформировано временное правительство, которое признали германские государства и депутаты во Франкфурте. Дания выразила недовольство этим решением, и 21 марта в Шлезвиг были введены датские войска.⁸ Конфликт грозил перерасти в европейскую войну. Прежде всех отреагировала Пруссия, проявив готовность к военной интервенции. Ее намерения поддержала временная центральная власть, дав понять, что это будет война всех германских государств против Дании. В апреле 1848 г. против Дании выступили войска Пруссии, Ганновера, Мекленбурга, Ольденбурга, Брауншвейга и ганзейских городов. Очень скоро они достигли Ютландского полуострова и были близки к победе. Ответным действием Дании стала морская блокада немецких берегов Северного и Балтийского морей. В тогда уже открывшемся Франкфуртском парламенте началась кампания по сбору средств на создание германского флота, который призван был отстаивать честь Германии. В этом проявилась ярко выраженная национальная мобилизация общества. 9 июня 1848 г. Дальман выступил в Национальном собрании со страстной речью и утверждал, что для Германии это дело чести покончить с вековым бесправием, царившим в герцогствах.⁹ Он связывал решение Шлезвиг-Гольштейнского вопроса с процессом объединения Германии и в этой же речи заявлял: «Если вы в Шлезвиг-Гольштейнском вопросе упускаете из виду, что есть хорошо и правильно, то таким образом отсекаете главное в решении немецких проблем в целом. Но если вы будете делать то, что требует честь Германии, и то это могло бы привести к краху планы тех, кто делает ставку на постоянное существование слабости и неустойчивости нашего немецкого отечества!(Браво)».¹⁰ В книге известного современного историка Вольфрама Зимана дана другая оценка событиям, связанным с решением Шлезвиг-Гольштейнского вопроса. В кампании по созданию германского флота он усматривает империалистические тенденции, которые, по его мне-

⁷ Цит. по: *Springer A.* Friedrich Christoph Dahlmann. Leipzig, 1870—1872. Bd. 2. S. 268.

⁸ *Siemann W.* Die deutsche Revolution von 1848/49. Frankfurt am Main, 2012. S. 153.

⁹ *Dahlmann F.C.* Reden in der Pauliskirche 1848 und 1849. Reden über Schleswig-Holstein. Rede am 9. Juni 1848. S. 422—423.

¹⁰ *Ibid.* S. 426.

нию, найдут выражение в годы Второй империи в национальной истерии, когда Германия реализовывала политику «места под солнцем».¹¹

Флот создан не был, расширения сообщества немцев не произошло. Великобритания, Россия при посредничестве Швеции заставили прусского короля Фридриха Вильгельма IV 26 августа 1848 г. заключить перемирие в Мальме. На Пруссию было оказано давление. Лорд Пальмерстон побуждал к активным действиям против Пруссии Россию, Россия и Швеция обещали Дании свою помощь в случае продолжения войны, Австрия оставалась на стороне Дании. Пруссия не решилась на ссору со всеми европейскими государствами.¹² Но в общественном мнении Германии ее позиция воспринималась как национальное предательство.

Франкфуртский парламент не признал данное перемирие. Дальман попал в очень сложную ситуацию: будучи представителем Пруссии, он, по сути, оспаривал ее решение, вновь утверждая 4 сентября 1848 г., что решение Шлезвиг-Гольштейнского вопроса — это для Германии дело чести. Дальман повторил это дважды и сорвал бурные аплодисменты депутатов.¹³ Многие правые и право-центристские депутаты считали, что герцогства и Германию связывает общая история. Левые депутаты отстаивали для герцогств право на самоопределение. Дальман попытался объединить эти две позиции, заявляя с трибуны представительства, что в Шлезвиге живет много датчан, но юты — это германские племена, которые защитили свои исконные права в революционной форме. Он также отмечал, что перемирие разрушит единство Германии.¹⁴ Для Дальмана Шлезвиг-Гольштейнский вопрос был болевой точкой, поскольку он родился и большую часть жизни провел на немецком Севере. Данный вопрос политик хотел решить, во что бы то ни стало, и для этого даже солидаризировался с демократическими силами Франкфуртского парламента. Национальные ори-

¹¹ *Siemann W.* Op.cit. S. 153.

¹² См. об этом: Революции, 1848—1849. М., 1952. Т. 1. С. 618—623; Т. 2. С. 184—1854; *Блос В.* История германской революции 1848 года. СПб., 1906. С. 156—158; *Schulze H.* Der Weg zum Nationalstaat. Die deutsche Nationalbewegung vom 18. Jahrhundert bis zur Reichsgründung. München, 1997. S. 90—91.

¹³ *Dahlmann F.C.* Reden in der Pauliskirche 1848 und 1849. Reden über Schleswig-Holstein. Rede am 9. Juni 1848 // *Dahlmann F.C.* Kleine Schriften und Reden. S. 427.

¹⁴ См. об этом: Reden in der Pauliskirche 1848 und 1849; Reden über Schleswig-Holstein. Rede am 9. Juni 1848; Bericht über den Malmöer Waffenstillstand am 5 September 1848 // *Dahlmann F. C.* Kleine Schriften und Reden. S. 427—434. См. также: *Spinger A.* Op. cit. Bd. 2. S. 270.

ентиры Дальмана оказались сильнее его либеральных убеждений, что подтверждает превалирование национальных приоритетов в деятельности Франкфуртского парламента. Однако большинство либералов Франкфуртского парламента поддерживало перемирие в Мальме и не склонно было к сотрудничеству с демократами.¹⁵

С октября 1848 г. по январь 1849 г. депутаты Франкфуртского парламента искали формулу, которая могла бы устранить соперничество между Австрией и Пруссией в решении германского вопроса. Именно обсуждение путей достижения единства изменило фракционную структуру парламента: его многочисленные фракции — «кафе Милан», «Казино», «Ландсберг», «Аугсбургер Хоф», «Вюртембергер Хоф»¹⁶ и др. — утратили свое значение, но четко проявилась борьба двух партий — малогерманской, которую возглавлял президент Франкфуртского парламента Г. фон Гагерн, и великогерманской под руководством К. Велькера. Основой единства должна была стать подготовленная Франкфуртским парламентом Имперская конституция. Самые оспариваемые вопросы при ее обсуждении — имперские территории и имперское правительство.

Малогерманские идеи активно поддерживали представитель немецкого Севера, депутат Франкфуртского парламента Ф.К. Дальман, один из баденских либералов Ф.Д. Бассерман. Они полагали, что единство должно быть обретено под эгидой Пруссии, включение Австрии не предполагалось, а главой объединенной Германии станет прусский король. Великогерманская партия полагала необходимым включение австрийских территорий в состав единого государства и смену каждые три года лидера имперского правительства — наместника, которым мог быть или прусский король, или австрийский император.

В процессе обсуждения проекта Имперской конституции пропрусские позиции Дальмана усиливались: он восхвалял Пруссию, поскольку только она, по его мнению, могла выразить желания всех немцев. В январе 1849 г. на страницах «Немецкой газеты»¹⁷ Дальман писал: «Что ожидают немцы от главы империи?» Единственный ответ не заставляет себя долго ждать. Он звучит коротко и лаконично. «Защищать законы, которые приняло народное представительство во Франкфурте, и это будет власть, величие которой достойно немецкого народа. Такой ответ обращает наши взоры на Пруссию, не следует не прини-

¹⁵ *Langewiesche D. Op. cit. S. 61.*

¹⁶ См. о фракциях подробнее: *Langewiesche D. Op. cit. S. 304.*

¹⁷ «Немецкая газета» (*Deutsche Zeitung*) была основана Ф.Д. Бассерманом и пропагандировала конституционные идеи и принципы малогерманского единства.

мать во внимание ее мудрость».¹⁸ Пытаясь смягчить ситуацию, связанную со слабой укорененностью в Пруссии свободы, Дальман подчеркивал ее гибкость, восприимчивость к переменам и творческий потенциал. Он писал: «... как в свое время Бранденбург создал Пруссию, так теперь Пруссия, но в больших масштабах и более осознанно совершит это со всей Германией».¹⁹

Великогерманская позиция К.Т. Велькера имела устойчивые основания. Его поддерживало население южногерманских земель, и как либерал он полагал, что нельзя нарушать права австрийских немцев, желающих быть вместе со своими соотечественниками. Велькера беспокоила также конфессиональная ситуация в едином государстве и, будучи протестантом, он не считал возможным исключение католической Австрии из будущего единого немецкого государства, что, по его мнению, могло привести к конфессиональным конфликтам. Либерала раздражал диктат Пруссии, и он именно в Австрии видел действенный противовес ее политике, полагая, что таким образом произойдет утверждение свободы. Велькер проделал огромную работу, чтобы обеспечить утверждение парламентом великогерманской версии конституции. Однако из-за разгона австрийского парламента в Кремзире и угрозы военного вмешательства со стороны России он призвал принять Имперскую конституцию в малогерманском варианте.²⁰ Он полагал, что в сложившейся ситуации Австрия является угрозой свободе, поэтому призвал сохранить свободу в малогерманской версии единства. Решая национальный вопрос, Велькер не отказывался от либеральных ценностей, более того они в полной мере сохраняли для него свое значение.

Окончательное голосование произошло 28 марта 1849 г. и было связано, прежде всего, с вопросом об имперской власти. Членами Национального собрания состояли тогда 567 депутатов, из них 29 отсутствовало. За передачу имперской короны прусскому королю проголосовало 290 депутатов, а остальные 248, как писал Биндинг, «достойным образом воздержались».²¹ Такое голосование показывает не безусловность победы малогерманцев, те сторонники великогерманской партии, которые думали о необходимости сохранения ценностей гражданского общества, пошли на компромисс.

В фокусе деятельности Франкфуртского парламента были также дебаты между либералами, сторонниками конституционной монархии,

¹⁸ *Dahlmann F.K. Zur Beherzigung // Deutsche Zeitung. Frankfurt am Main, 1849. 1 Januar.*

¹⁹ *Ibid.*

²⁰ *Ростиславлева Н.В. Указ. соч. С. 156—157.*

²¹ *Binding K. Op. cit. S. 58.*

и демократами, желавшими воплотить республиканский идеал в едином немецком государстве. Этот вопрос обсуждался еще на этапе деятельности предпарламента и в период выборов в общегерманское представительство Так, демократ из Вюртемберга Адольф Шодер, обращаясь в апреле 1848 г. к своим избирателям, восхвалял республиканское устройство.²² Либералы стремились к скорейшей «легализации» революции, их девиз — «не революционное движение, а порядок и единство». Поэтому они представили свои основы созыва национального собрания: признание собравшимися депутатами конституционно-монархического принципа устройства будущего единого государства, сохранение династий государств Германского союза. Либералы в проекте Имперской конституции четко определяли компетенцию федерального центра и в целом желали легализации нового на основе существовавших правовых традиций. Приверженность конституционной монархии или республике стала своеобразной границей между демократами и либералами.

Проект Имперской конституции, разработанный комитетом семнадцати, которым руководил Бассерман и куда входил Дальман, вызвал резкое неприятие демократов из-за проимперского характера. Так, либералы были за двухпалатную структуру парламента, а Дальман при этом и явно демонстрировал свои пропрусские позиции, доказывая необходимость предоставления именно Пруссии наибольшего количества мест в верхней палате будущего немецкого парламента.²³ Демократы настаивали на создании однопалатного парламента. Выступления Дальмана по поводу необходимости создания в будущем едином германском государстве двухпалатного парламента и введения принципа абсолютного вето вызывали бурные овации со стороны правых сил Франкфуртского парламента и представителей правого центра.

28 марта 1849 г. парламента принял Имперскую конституцию, которая сохраняла власть всех 34 государей и их государственный аппарат. На территории прежнего Германского союза создавалась федерация королевств и герцогств, учреждалась общеимперская центральная власть — император и двухпалатный парламента. Демократические фракции вынуждены были смириться с прусско-имперской властью над национальными государствами, а либералы — с всеобщим избирательным правом. В основе конституции лежал чисто либеральный принцип разделения властей в классическом варианте (законодательная власть, исполнительная и судебная). В разделе IV провозглашались основные права германского народа: свобода передвижений, равенство перед законом и, соответственно, уничтожение всех сословных

²² См. об этом подробнее: *Langewiesche D.* Op. cit. S. 48.

²³ *Springer A.* Op. cit. Bd. 2. S. 442—443.

привилегий, неприкосновенность личности, свобода слова, собраний, совести, вероисповедания, отказ от принципа государственной церкви, освобождение образования от надзора духовенства (за исключением религиозного обучения), свобода науки, четкое разграничение компетенций центральной и местной властей, а для не говорящих по-немецки утверждалось право национального самоопределения.²⁴ Признание ценности отдельной личности нашло в этой конституции довольно полное воплощение, что соответствовало либеральному идеалу.

Имперская конституция так и не стала действующей. Прусский король отказался принять имперскую корону, которая ему была предписана конституцией. В апреле представители Пруссии покинули Франкфуртский парламент, в мае он переехал в Штутгарт. Свои заседания на новом месте он так и не возобновил и вскоре прекратил свое существование.

Революция потерпела поражение. Южнонемецких либералов, настаивавших на существовании в едином немецком государстве ценностей гражданского общества, до наших дней обвиняют в том, что они пренебрегли исторической спецификой Германии, не готовой к преобразованиям по западноевропейской модели.²⁵ Известный западногерманский историк Л. Галл объявил раннелиберальную программу Роттека и Велькера тупиковой ветвью развития.²⁶ Подлинным творцом современного мира он считал Бисмарка. «Железный канцлер», по мнению Галла, вел немцев по единственно возможному пути объединения.²⁷ Консервативный историк Т. Ниппердей уже после немецкого объединения 1990 г. пишет, что оно «в тени революции 1848 г.». Однако это не развитие либеральной линии единства, а продолжение традиций, заложенных Бисмарком. Историк не отрицает огромного кризисного потенциала бисмарковского единства, но полагает, что история не может обойтись без трагедий.²⁸

В общих работах по истории парламентаризма, например, в книге Курта Клуksена «История и проблематика парламентаризма» Франкфуртский парламента сухо назван первым и к тому же последним общенемецким парламентом, который был сформирован на основе всеобщего равного (хотя и не всегда прямого) избирательного права при тайной подаче голосов. Автор, видимо, принимал во внимание пред-

²⁴ Конституция Германской империи 28 марта 1849 г. // Конституции и законодательные акты буржуазных государств. М., 1957. С. 519—545.

²⁵ Либерализм Запада XVII—XX века. М., 1995. С. 82.

²⁶ Gall L. Der Liberalismus als regierende Partei. Wiesbaden, 1968. S. 57.

²⁷ Gall L. Bismarck : Der weiße Revolutionär. Frankfurt am Main, 1980. S. 24, 726.

²⁸ Nipperdey Th. Deutsche Geschichte, 1800—1866. München, 1993. S. 803.

ставленную там Австрию, давая Франкфуртскому парламенту с формальных позиций такую оценку.²⁹ Вольфрам Зиман полагает, что значение Франкфуртского парламента заключается в формировании многих начинаний развивающегося парламентаризма: выражение воли через фракции, преодоление внепарламентского влияния с помощью действенной работы комитетов. Вершиной деятельности Национального собрания во Франкфурте историк считает предложенную им взвешенную конструкцию Имперской конституции и включение в нее раздела об основных правах граждан, а также наличие компромиссной модели формирования нации.³⁰

Сквозь призму осуждения методов Бисмарка выстраивали свою концепцию континуитета германской истории Х.У. Велер и Ю. Кокка. Они назвали Франкфуртский парламент основой континуитета германской истории, прежде всего, потому, что в Имперской конституции были гарантированы права и свободы немецкого народа и не предусматривалось никаких преференций для Пруссии. Также их похвалы заслужила присущая либералам Франкфуртского парламента склонность к компромиссам.³¹ Похожую точку зрения высказывал М. Салевский, который полагает, что неудача, постигшая Франкфуртский парламент в годы революции 1848—1849 гг., стала причиной длительных страданий германской нации.³² Таким образом, в современной германской историографии определение значения для истории Германии деятельности Франкфуртского парламента вступает в оппозиционность к оценкам деятельности творца Германской империи Бисмарка. Однако существуют и примеры примирения наследия Бисмарка с либерально-демократическими порядками Веймарской республики и современной ФРГ.³³ Поэтому вполне корректно утверждать, что Франкфуртский парламент — проявление живой памяти немецкого народа, до сих пор не утратил своего значения.

²⁹ Kluxen K. *Geschichte und Problematik des Parlamentarismus*. Frankfurt am Main, 1983. S. 197.

³⁰ Siemann W. *Op. cit.* S. 225—226.

³¹ Wehler H.-U. *Deutsche Gesellschaftsgeschichte*. Bd. 2. München, 1996. Bd. 2. S. 414—417.

³² Salewski M. *Deutschland. Eine politische Geschichte von den Anfängen bis zur Gegenwart*. München, 1993. Bd. 2. S. 45.

³³ Kolb E. *Otto von Bismarck. Eine Biographie*. München, 2014. S.178—180.

С.В. КРЕТИНИН

Социал-демократы Германии в борьбе за парламентскую республику (начало XX в.)

«Предпочтительной формой государственного устройства, в рамках которой только и возможно развитие социализма, является республика»,¹ — писал ведущий идеолог германской и международной социал-демократии Карл Каутский в 1909 г. в работе «Путь к власти».

Этот пассаж стал своеобразным итогом той политической дискуссии, что велась германскими социал-демократами в первые годы XX столетия. Поводом к ней явился спор между германскими и французскими социалистами по вопросу преимуществ республиканского строя перед монархическим. Отправной точкой стали высказывания лидера СДПГ Августа Бебеля в кулуарах Амстердамского конгресса II Интернационала в августе 1904 г. В споре с ним лидер французской социал-демократии Жан Жорес заявил: «Вы живете при кайзеровском и феодальном режиме, а мы — при республиканско-демократическом режиме».²

В дискуссию включился ведущий теоретический орган СДПГ журнал «Нойе Цайт». В 1904—1905 гг. он опубликовал обширную статью под названием «Республика и социал-демократия во Франции». Каутский писал о различиях между германской и французской социал-демократиями. Основной упор был сделан им на министриализме. Каутский указывал на двойственное значение этого явления. С одной стороны, он скептически оценивал участие социал-демократии в буржуазном правительстве. Но применительно к конкретной ситуации во Франции Каутский находил возможным поддержку социалистами кабинета радикалов до тех пор, «пока его деятельность способствует росту сил пролетариата».³

Каутский не считал возможным какое-либо сотрудничество социал-демократов с правящими кругами в Германии в деле борьбы за республику, но в отношении других стран высказывался более осторожно. Это встретило критику со стороны другого германского социал-демократа Курта Айснера, который указывал на противоречивость оценок Каутским демократии и монархии.⁴

¹ *Kautsky K. Weg zur Macht: politische Betrachtungen über das Hineinwachsen in die Revolution.* Berlin: Vorwärts, 1909. S. 44.

² *Internationaler Arbeiterkongress zu Amsterdam 14. bis 20. August 1904.* Berlin, 1904. S. 34

³ *Die Neue Zeit.* 1903/04. Bd. 2. S. 678.

⁴ *Aus der Waffenkammer des Sozialismus.* Frankfurt am Main, 1904. S. 192.

Каутский исходил из того, что для пролетариата не столь важным является сама форма государственного устройства, сколько развитость системы парламентаризма. И в монархических Австро-Венгрии и Германии, и в республиканских США и Франции перед пролетариатом стояла одна и та же задача: свержение власти буржуазии и установление своей диктатуры. Каутский признавал, что республика как раз является «единственно возможной формой диктатуры пролетариата».⁵

Каутский указывал, что существующие республиканские режимы имеют значительные отличия. Он подчеркивал, что американская республика относится к иному типу, нежели французская. Каутский акцентировал внимание на том, что в США долгое время классовые противоречия не проявлялись столь отчетливо, как в Европе. Он связывал это с относительно слабой централизацией и населенностью страны, особенностями ее исторического пути, в частности — с отсутствием феодальной аристократии и феодального землевладения и т.п.

Совершенно иную картину видел Каутский во Франции, где имела место сверхцентрализация государственного управления, армии, полиции с решением всех вопросов жизни страны только в одном месте — в Париже. Этот факт Каутский считал пережитком монархического режима. И вообще он находил во Франции очень много пережитков подобного рода. Более того, Каутский был склонен считать современный ему политический режим во Франции проявлением контрреволюционной диктатуры буржуазии, установившейся после свержения Парижской Коммуны. Он указывал, что парижские рабочие вели в 1871 г. борьбу за «идеал демократической республики».⁶ Соответственно, получалось, что установившаяся после 1871 г. Третья республика не была демократической.

Анализируя конституцию Третьей республики, Каутский указывал на ее значительные отличия со знаком минус от законодательных актов первых двух республик. В частности, это касалось ответственности правительства перед парламентом и снижения роли народного представительства вообще, принципов формирования армии и др. При этом Каутский проводил прямые параллели между Германской империей и Французской республикой, указывая на значительные сходства. Он так же обращал внимание на растущую бюрократизацию во Франции, что так же причислял к типичным для монархического режима признакам. При этом Каутский указывал на соучастие французских социалистов в бюрократизации страны. «Министерские социалисты вместе с правительством участвуют в бюрократическом паразитизме».⁷

⁵ *Кретицин С. В.* Карл Каутский, 1854 — 1914 гг. Воронеж, 2007. С. 308—309.

⁶ *Die Neue Zeit.* 1903/04. Bd. 2. S. 340.

⁷ *Die Neue Zeit.* 1903/04. Bd. 2. S. 369.

Каутский подверг анализу политику французского правительства за период с 1870 по 1904 гг., придя к выводу о том, что она мало чем отличалась от политики той же кайзеровской Германии. В частности, он обращал внимание на сходные тенденции в области колониальной политики, в отношении введения свободы коалиций. Более того, Каутский акцентировал внимание на резком росте налогообложения населения, произошедшем именно в период Третьей республики.

Касаясь непосредственно положения рабочих и политики французских республиканцев в этом вопросе, Каутский отмечал, что положение пролетариата во Франции так же мало чем отличалось в лучшую сторону по сравнению с другими развитыми капиталистическими странами. Он обращал внимание на то, что первый закон о защите прав рабочих был принят в этой стране лишь в 1892 г. При этом аналогичные законодательные акты появились раньше в той же Австрии (1885 г.).

Каутский обращал особое внимание на господство коррупции во Франции, считая это закономерным явлением, характерным для буржуазных республиканских режимов. При этом он особо оговаривался, что куда большие размеры коррупции имеет в США и что сама коррумпированность не является только признаком демократического режима. В качестве примера Каутский приводил царский режим в России, который он считал одним из самых коррумпированных. Что касается Франции, то он подчеркивал тесную связь коррупции и бюрократии, считая, что в этой стране установился режим «всевластия бюрократии».⁸

Подводя итоги своего исследования в области республиканского устройства Франции и возможности использования данного опыта для Германии, Каутский указывал, что во Франции сложились действительно особые условия, при которых социалисты могут работать в союзе с отдельными либерально-буржуазными партиями и оказывать им поддержку, действуя в интересах пролетариата. В частности, это относилось к борьбе против клерикализма и позиций католической церкви. Однако в целом Каутский весьма скептически воспринимал надежды ряда французских социалистов добиться своих целей через министериализм и поддержку правительства.

Каутский и германские социал-демократы критиковали претензии французских социалистов на особую роль в европейском рабочем движении как партии, представляющей интересы пролетариата в рамках республиканского режима, Великобритании, России и других монархических стран. Каутский как раз стремился подчеркнуть, что и германские, и австрийские и французские социалисты стоят перед одной задачей — установления демократической республики. Более того, он

⁸ Die Neue Zeit. 1903/04. Bd. 2. S. 443.

подчеркивал, что с точки зрения принципов государственного управления Франция республикой не является. Отсюда он формулировал главную задачу французского социалистического движения — борьбу за республику. «Если только французское государство будет перестроено в духе законодательства Первой республики или Коммуны, то тогда оно будет действительно республикой по форме государственного правления, за которую французский пролетариат более 110-ти лет боролся, сражался и страдал»,⁹ — писал он.

Эти же идеи повторял позднее другой германский социал-демократ Георг фон Фольмар, подчеркивая, что для социал-демократии «на самом первом месте стоит существование государства и общества», а не форма государственного правления.¹⁰

Позиция германских социал-демократов была поддержана социалистами из отдаленных европейских регионов. Так, болгарский социал-демократ С. Дренски писал Каутскому, что это его сочинение «имеет совершенно особое значение для дальнейшего развития социализма в Болгарии».¹¹

Нужно отметить, что вопрос о республике не был в первые годы XX в. основным среди дискуссий в германской социал-демократии. На первом месте здесь стояли проблемы ревизионизма Эдуарда Бернштейна. Более того, эта дискуссия появилась как раз в разгар конфликта вокруг центрального печатного органа СДПГ «Форвертс» и неслала на себе отпечаток полемики, которую Каутский вел с рядом его редакторов, в первую очередь — с Айснером.¹² Тот же Бебель высоко оценивал статью Каутского, критикуя позицию «Форвертс», на страницах которого, по его мнению, не уделялось достаточного места отстаиванию позиции германской социал-демократии в споре с французскими оппонентами в лице Жореса по вопросу республики. Бебель сокрушался, что в центральном печатном органе партии «нет ни слова о речи Жореса в отношении Германии».¹³

Начало XX в. — время активной дискуссии в СДПГ по поводу демократической республики. С одной стороны, за это ратовали левые во главе с Р. Люксембург. Умеренные социал-демократы придерживались «тактики измора», не разделяли идей массовой политической стачки.

⁹ Die Neue Zeit. 1903/04. Bd. 2. S. 481.

¹⁰ *Vollmar von G.* Reden und Schriften zur Reformpolitik. Berlin; Bonn; Bad Godesberg, 1977. S. 242.

¹¹ Karl Kautsky und die Sozialdemokratie Südosteuropas. Korrespondenz. 1883—1938. Frankfurt am Main; New York, 1986. S. 110.

¹² *Кретицин С.В.* Карл Каутский, 1854—1914 гг. Воронеж, 2007. С. 304—305.

¹³ *Bebel A.* Briefwechsel mit Karl Kautsky. Assen, 1971. S. 175.

Начало полемики между Каутским и Люксембург относится к февралю-марту 1910 г. Поводом послужила статья «Что дальше?», в которой «Красная Роза» вновь обратилась к вопросу о всеобщей политической стачке как средству в борьбе за всеобщее избирательное право в Пруссии и выдвинула лозунг республики. Люксембург послала статью вначале в «Форвертс», но редакция ее отклонила. Тогда Люксембург обратилась к Каутскому, который поначалу согласился опубликовать статью с редакционным примечанием, но затем пошел на попятную. «Статья была уже в печати, — описывала ситуацию Люксембург в письме Цеткин, —... Но вчера утром Карлхен открыл мне, что он бежал к Августу, чтобы спросить его мнение, и Август сообщил ему о пожелании закончившейся на днях конференции окружных руководителей с Правлением полностью воздержаться в прессе от дискуссии по поводу массовой стачки! Естественно, Карлхен согласился с этим пожеланием». ¹⁴ В итоге статье Люксембург так и не нашлось места в «Нойе Цайт», и она была опубликована в периферийных партийных изданиях. ¹⁵

Именно в серии полемических статей Каутский написал свое знаменитое сочинение «Между Баденом и Люксембургом». Вскоре эта полемика вышла за рамки периодических изданий, перекинувшись на социал-демократические собрания, конференции, съезды, ярко проявившись на Йенском 1911 г. съезде СДПГ. Poleмика распространилась не только вширь, расколов германскую и международную социал-демократию на сторонников Люксембург (меньшинство) и сторонников Каутского (большинство), но и вглубь, затронув такие проблемы, как империализм, колониальная политика, милитаризм и антивоенная агитация, экономические аспекты марксизма и т.д. Подытожили дискуссию появившиеся накануне мировой войны работы Люксембург «Накопление капитала (К вопросу об экономическом объяснении империализма)» и «Накопление капитала или что эпигоны сделали с марксистской теорией. Анти-критика» (обе — 1913 г.) и сочинение Каутского «Массовая политическая стачка. К истории дискуссии по вопросу массовой стачки в германской социал-демократии» (1914 г.). Poleмика между Каутским и Люксембург продолжилась и в годы войны, но с меньшим запалом и интенсивностью. ¹⁶

Что касается содержательной части дискуссии, то она шла вокруг двух основных вопросов: возможности использования массовой стачки для достижения политических целей социал-демократии и лозунга республики. Необходимо признать, что оба этих тезиса разрабатывались самим Каутским, который несколько ранее признавал возможность

¹⁴ *Luxemburg R.* Gesammelte Briefe. Berlin, 1984. Bd. 3. S. 121.

¹⁵ *Volkswacht.* Breslau. 25.03.1910.

¹⁶ *Кретинин С.В.* Карл Каутский, 1854—1914 гг. С. 434—435.

использования всеобщей стачки и целесообразность республиканского строя для достижения целей социал-демократии.

Каутский не призывал социал-демократию бороться за республиканский строй, а лишь признавал, что этот строй является единственным возможным для успешного строительства социализма. Люксембург же требовала от социал-демократии принять на вооружение лозунг борьбы за республику. Т.е., Каутский рассуждал о республике как неизбежной перспективе, но отнюдь не призывал бороться за ее установление в условиях кайзеровской Германии.

Рассуждения по вопросу республики и всеобщей политической стачки были обращены к достаточно узкому кругу политически образованных партийцев, преимущественно представителей партийного руководства и интеллектуальной партийной элиты. Люксембург же настаивала на том, чтобы, что называется, бросить лозунги республики и стачки в массы, и предоставить право им самим принимать решение. Показательно, что помимо публикаций в прессе, она избрала полем полемики против Каутского массовые собрания рабочих.

Лозунги стачки и республики трактовались Люксембург как «боевой призыв против милитаризма, маринизма, колониализма, агрессивной политики, юнкерского господства, опруссачивания Германии». Она подчеркивала, что помимо лозунга политической стачки «есть еще один лозунг, вызывающий одобрение у широких партийных масс в Германии. Это твердое отстаивание нашей республиканской позиции».¹⁷

Каутский возражал, что в современных условиях массовые политические выступления в пользу республики навряд ли принесут социал-демократии успех. События Русской революции 1905 г. он считал малоубедительными. К тому же, массовая стачка в России так и не привела к установлению республики. Каутский констатировал, что «в настоящий момент мы должны держать курс не на массовую политическую стачку, а на предстоящие выборы в рейхстаг».¹⁸ Он предупреждал, что «республиканская агитация в совокупности с массовой стачкой ... может иметь непредсказуемые последствия для партии».¹⁹

Таким образом, Каутский выступил против призывов Люксембург к изменению политической тактики германской социал-демократии, отходу от так называемой «тактики измора», согласно которой СДПГ должна была, используя парламентские средства борьбы, постепенно и постоянно оказывать давление на правящие круги страны, вынуждая их ко все новым уступкам. Итогом такой политики должна была стать убедительная победа социал-демократии на парламентских выборах,

¹⁷ *Luxemburg R. Gesammelte Werke. Berlin, 1972. Bd. 2. S. 303, 345.*

¹⁸ *Die Neue Zeit. 1909/1910. Bd. 2. S. 79.*

¹⁹ *Luxemburg R. Gesammelte Werke. Berlin, 1972. Bd. 2. S. 654.*

которые должны были потрясти основы существующего строя. Каутский писал, что победа социал-демократов на выборах «будет означать в условиях сильного брожения народных масс и сложной внутренней и международной обстановки ... катастрофу всей господствующей правящей системы».²⁰

Выборы 1912 г. в германский рейхстаг принесли СДПГ успех: партия получила 4,5 млн голосов и провела 110 депутатов в парламент. Казалось, что такое развитие событий подтверждало правильность «стратегии измора» СДПГ. По сравнению с 1907 г. партия сделала огромный скачок. Выбранная тактика была одобрена партийным съездом 1912 г.

Как отмечают Х. Поттхофф и С. Миллер в «Краткой истории СДПГ», «даже большой успех на выборах 1912 г. ... едва ли продвинул ее вперед, но, прежде всего, мобилизовал ее противников».²¹

Подводя итоги, следует признать, что многие идеологические клише и штампы словосочетания «стратегия измора» или «стратегия изматывания» были придуманы не Бебелем, Каутским и их сторонниками (как это принято считать), а их противниками в том числе — Люксембург. Как, собственно, и словосочетание «стратегия немедленных действий», приписываемая Люксембург, вошло в обиход с легкой руки Каутского. Однако дело здесь вовсе не в терминах, а в том, что за ними скрывается. Действительно, Каутский, занимая, что называется, охранительные позиции в германской социал-демократии, пытался обосновать возможность овладения пролетариатом политической властью мирным, демократическим путем, используя парламентские средства. Эти идеи он разрабатывал практически с самого начала своей деятельности, и в окончательном виде оформил их уже после 1918 г. Люксембург же считала, что в условиях кайзеровской Германии социал-демократия не сможет добиться успеха через легальные средства борьбы. Это ведет лишь к усилению оппортунизма и отходу от классового, пролетарского характера движения. Поэтому она предлагала сделать упор на массовые политические акции, которые должны были, по ее мнению, расчистить путь политическим свободам и демократии, используя которые социалисты могли уже вести речь об осуществлении своих требований. В тех конкретно-исторических условиях расхождения между Каутским и Люксембург лежали в области тактики. Однако мировая война привела к расколу международного рабочего движения на радикалов и умеренных и окончательно развела Каутского и Люксембург по разные стороны баррикад.

²⁰ *Luxemburg R. Gesammelte Werke. Berlin, 1972. Bd. 2. S. 77.*

²¹ *Поттхофф Х., Миллер С. Краткая история СДПГ, 1848—2002. М., 2003. С. 75.*

Однако для германской социал-демократии куда важнее становился сам процесс борьбы за депутатские мандаты, нежели защита классовых интересов пролетариата. СДПГ все больше превращалась в широкую общенародную оппозиционную партию, за которую голосовали представители самых различных слоев и политику которой определяли лица отнюдь не пролетарского происхождения. После 1918 г. такая политика стала основной для социал-демократии, сделавшей ставку на защиту парламентской демократии и республики. Как отмечает Б.С. Орлов, если большевики в России строили диктатуру пролетариата, то социал-демократы — демократическую республику.²² Тем самым германские социал-демократы внесли значительный вклад в формирование и развитие концепции парламентской, демократической республики, подготовили общественное мнение для перехода от монархии к республике.

²² Орлов Б.С. Социал-демократия: история, теория, практика. Работы 2000—2005 гг. М., 2005. С. 38.

В.Л. ЧЕРНОПЕРОВ

«Демократия» и «элита» в представлении германского интеллектуала Леонарда Нельсона¹

Парламентарий в идеале — это «избранный». Причем в равной степени как выигравший избирательную компанию и как «лучший», то есть представитель элиты народа. Перед немецким обществом данная проблема в полный рост встала в 1918—1919 гг., когда после Ноябрьской революции и решений Национального собрания конституировалась Веймарская республика, и в Германии утвердилась республиканская парламентская система.² Но кого считать элитой в стране, возникшей на обломках кайзеровской империи? Ведущие германские интеллектуалы-современники попытались дать ответ на этот вопрос.

В данном сообщении речь пойдет о взглядах на «демократию» и «эли́ту» ученого и общественного деятеля Леонарда Нельсона (1882—1927). Мыслитель родился в Берлине. В его становлении огромную роль сыграла семья. Отец Л. Нельсона — юрист по профессии — переводил с итальянского Микеланджело, а мать, увлекавшаяся живописью, принадлежала к роду, давшему миру математика Петера Густава Лежена Дирихле и двух Мендельсонов — философа Мозеса (Моисея) и композитора Якоба Людвиг Феликса. Берлинский дом Нельсонов был открыт для ученых, писателей, людей искусства. Леонард обучался сначала в столичной французской гимназии, затем в университетах Гейдельберга и Берлина (им. Гумбольдта).³ Еще в студенческие годы увлекся творчеством Якоба Фридриха Фриза — германского математика, физика и философа. Л. Нельсона не смутило то, что теории заинтересовавшего его ученого в свое время не приняла значительная часть научного сообщества. Георг Вильгельм Фридрих Гегель, например, оценивал идеи Я. Фриза не просто критически, а уничижительно саркастически.

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания Минобрнауки РФ на проведение научно-исследовательской работы № 33.526.2014/К «Российская интеллигенция и европейские интеллектуалы в изменяющейся социально-политической действительности XX — начала XXI вв.: виртуальность и реальность».

² См. подробнее: *Баев В.Г.* Германский конституционализм (конец XVIII — первая половина XX вв.). Историко-правовое исследование: монография. Тамбов, 2007. С. 333—352.

³ *Horster D.* Nelson, Leonard // *Neue deutsche Biographie*. В., 1999. Bd. 19. S. 60—61.

Сам Фриз, испытавший сильное влияние работ философа, богослова и общественного деятеля Фридриха Шлейермахера, математика и механика Карла Якоби, антрополога и психолога Эрнста Платнера и, особенно, родоначальника германской классической философии Иммануила Канта, «рассматривал весь окружающий его мир как единый организм, в основе существования и функционирования которого лежат законы математики и физики, в частности механики».⁴

Увлечшись идеями Фриза, Нельсон в 1903 г. основал «Общество» имени своего кумира, затем подготовил и защитил диссертацию «Якоб Фридрих Фриз и его ранние критики». С этого времени имя Нельсона становится широко известно, однако его научная карьера складывалась не просто. Когда в 1906 г. молодой ученый представил свою диссертацию в Геттингенском университете им. Георга-Августа как хабилитационную, то есть дающую право на профессорскую должность, его ждало разочарование. Работу отвергли. Прежде всего благодаря отрицательной рецензии популярного философа Эдмунда Гуссерля.⁵ Причем, что любопытно, математики Геттингена работу Нельсона поддержали, особенно Давид Гильберт.⁶ Лишь вторая попытка, предпринятая ученым в 1908 г., завершилась успехом. Работа по кантовской теории познания получила высокую оценку, и вскоре Нельсон получил место приват-доцента Геттингенского университета. Дальнейшему карьерному росту мешали как обострившиеся болезни, так и противодействие Э. Гуссерля. Лишь в 1919 г. уже в Веймарской Германии Нельсон стал профессором философии Геттингенского университета.⁷

Германский интеллектуал, считая философию строгой научной дисциплиной, исходил из того, что она, ставя и критически решая свои проблемы, должна и может добывать позитивное знание. При этом ученый, опираясь на Фриза, критиковал традиционные теории познания и доказывал: «познание познанием обосновать невозможно» (*regressus in infinitum*). Но Нельсон не только отвергал современные теории. Считая системность знания важнейшим критерием научности, он предложил следующую методологию: «...обычному прогрессивному развитию научной теории (движению от оснований к следствиям) должны предшествовать регрессивные процедуры, устанавливающие достоверные основы знания. Догматическая теория знания

⁴ Философ Фриз // История философии в лицах [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <http://ist-philo.com/i/106>.

⁵ Horster D. Op. cit. S. 61.

⁶ Leonard Nelson (1882—1927) [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <http://www.friesian.com/nelson.htm>.

⁷ Horster D. Op. cit. S. 61.

строится на доказательствах, она исходит из гипотез. Критическая же теория исходит из фактов, ищет и указывает предпосылки их связи».⁸

Свои взгляды Нельсон развивал не только в сугубо философских трудах. По словам современников, ученый пытался найти на каждый вопрос, в том числе из окружающей общественно-политической действительности, ясный ответ и воспитать у своих последователей критическое отношение к их собственным убеждениям. Работая буквально день и ночь, ученый надорвался и тяжело заболел. В 1927 г., в возрасте 45 лет, он скончался от пневмонии.⁹

После смерти на родине труды ученого на некоторое время были преданы забвению. Ситуация изменилась после Второй мировой войны. Интерес к научному наследию Нельсона проявился сначала в США и Великобритании, где в годы гитлеровской диктатуры нашли убежище многие его ученики. При их участии вышли переводы наиболее значимых работ профессора.¹⁰ Параллельно, мыслитель возвращался к немецкому читателю. Причем в послевоенной Германии камбэк нельсоновского творчества неразрывно связан с общественным поиском философских и политических теорий, призванных укреплять демократические начала ФРГ, — республики, рожденной на руинах поверженного нацистского Третьего рейха. В Западной Германии сначала переиздали отдельные труды Л. Нельсона. Затем, в период с 1970 по 1977 гг., увидело свет 9-ти томное собрание его сочинений. Именно оно стало основой настоящего сообщения. Прежде всего том шестой, в который составители включили трактат 1924 года «Система философского правового учения и политики» («System der philosophischen Rechtslehre und Politik»).

При композиционном построении данного труда хорошо видна приверженность Нельсона «сократовскому методу» (поиску истины в диалоге, дискуссии, постоянном взвешивании «за» и «против»), который ярко представлен в работах любимого им Платона. В рассматриваемом трактате «сократовский метод» представлен диалогом Мастера и Дзи Лу. Для Нельсона, исходя из его методологии научного познания, принципиальное значение имело точное определение понятий и их соотношение между собой. Не случайно на вопрос Дзи Лу о том, с чего следует начать делать дело правителю фон Ве, Мастер уверенно отвечает: с уточнения понятий. Далее нельсоновский Мастер поясняет свою позицию: «Если «понятия» являются неверными, соответствен-

⁸ *Филатов В.П.* Леонард Нельсон (Nelson) // Новая философская энциклопедия: в 4-х т. М., 2010. Т. III. С. 51.

⁹ Leonard Nelson (1882—1927) [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <http://www.friesian.com/nelson.htm>.

¹⁰ Ibid.

но и слова не соответствуют истине; если слова не соответствуют истине, то нельзя сделать дело; если не сделаешь дела, то не будут процветать мораль и искусство; если не будут процветать мораль и искусство, то зло не будет наказано; если зло не будет наказано, то народ не будет знать, куда поставить свою ногу и к чему приложить свою руку».¹¹

Это требование Нельсона о необходимости уточнения понятий перед тем, как принимать решения, в полной мере проявилось при обращении германского профессора к соотношению понятий «демократия», с одной стороны, и «избранные/способные/деловые люди» или «элита», с другой.

На первый взгляд, как отмечал Нельсон, понятия «демократия» и «способные/деловые люди» не противоречат друг другу. Более того, демократия выступает вроде бы одновременно предпосылкой для самореализации личности и средством достижения талантливыми людьми высоких постов.¹² Иными словами, демократия — это не что иное, как «арена, где побеждают наиболее способные». Но такой одномерный или упрощенный подход Нельсона как сторонника «критического метода» устроить не мог. Поэтому он, озвучив отмеченный тезис о непротиворечивости понятий «демократия» и «избранные/способные/деловые люди», далее неожиданно заявляет: при более внимательном рассмотрении между этими понятиями обнаруживаются серьезные расхождения. Демократический режим, отмечает Нельсон, создавая равные возможности для продвижения «способных/деловых людей», априори отстраняет от продвижения вверх недостаточно способных. А это нарушает принцип конституционного равноправия, по которому все члены общества имеют право участвовать в создании правительства. Таким образом, «демократия» как государственная форма народного суверенитета (а именно так «демократию» понимал Нельсон) перерастает в нечто иное. Эта реальная трансформация становится еще более очевидной, если под «избранными/способными/деловыми людьми/лидерами» понимаются не хорошие управленцы, занимающие соответствующие посты, а рвущиеся к власти откровенные карьеристы, попирающие этические нормы, использующие бесчестные средства, в том числе власть денег. При такой «демократии» в руководящих структурах могут оказаться бесчестные и угодливые «деловые люди». Компетентным же специалистам путь наверх будет закрыт. Такое общество, по убеждению Нельсона, не будет моральным, а его руководители — нравственными и достойными людьми.

Итог рассуждений Нельсона о «демократии» и «деловых людях/элите» — пессимистичен. Демократия — делает он вывод, — это не арена,

¹¹ Nelson L. *Gesammelte Schriften*: in 9 Bd. Hamburg, 1976. Bd. 6. S. 5.

¹² Ibid. S. 240—241.

на которой побеждают самые честные, талантливые и уважающие право граждане, напротив, — это ярмарка, где успех празднуют самые хитрые и продажные болтуны.¹³ Не случайно для определения «демократии» Нельсон использовал прилагательное «формальная». Несколько ранее, в 1919 г., наблюдая первые предвыборные баталии в молодой Веймарской республике, ученый заметил: в условиях демократии «методы демагогии, понимаемые как оболъщение масс с помощью убеждения», приобретают решающее значение при выборе лидера.¹⁴ При чем понятия «верховенство закона» и «право большинства на выражение своей воли» оказываются в противостоянии друг другу, так как «деспотизм массы не менее незаконен, чем деспотизм отдельного человека».¹⁵

Здесь несколько слов следует сказать о понимании Нельсоном права. Согласно немецкому интеллектуалу, суть права — это справедливость.¹⁶ Но при таком подходе вставал вопрос о возможности справедливости в условиях «формальной демократии». Видел ли сам немецкий интеллектуал решение проблемы? Нельсон предлагал для преодоления недостатков «формальной демократии» сделать, по меньшей мере, четыре взаимосвязанных шага. Во-первых, придерживаться принципа «этического реализма», который основывался на кантовской идее о способности и моральной обязанности человека думать и действовать самостоятельно. Во-вторых, принять и соблюдать правило «взаимного ограничения личной свободы» и готовности выполнять справедливые требования членов общества.¹⁷ В-третьих, вернуться, по сути, к платоновской идее об управлении государством нравственными и «достаточно образованными» лидерами (мудрецами, элитой).¹⁸ В-четвертых, опираясь на следующую кантовскую мысль: «не от нравственности нужно ожидать хорошего государственного устройства, а скорее, наоборот, — от последнего следует ожидать хорошего нравственного воспитания народа», Нельсон предлагал признать главенство политики над педагогикой и на этом основании воспитывать граждан. Если суммировать предлагаемые немецким интеллектуалом пути преодоления недостатков «формальной демократии», то становится понятно, что фактически речь идет о построении правового государства.

Теоретические изыскания у Нельсона шли «рука об руку» с практической деятельностью. В 1918 г. он основал «Международный союз

¹³ *Nelson L.* Op. cit. Bd. 6. S. 242

¹⁴ *Ibid.* Hamburg 1977. Bd. 9. Recht und Staat. S. 404.

¹⁵ *Ibid.* Hamburg 1976. Bd. 6. S. 197.

¹⁶ *Ibid.* S. 90.

¹⁷ *Nelson L.* Op. cit. Bd. 6. S. 90.

¹⁸ *Ibid.* S. 246.

молодежи» (МСМ), от членов которого требовал строгой дисциплины (в частности, не пить, не курить, порвать с религией) и активности в выполнении возлагаемых задач. Для повышения теоретической и практической подготовки сторонников МСМ Нельсон в 1922 г. создал «Философско-политическую академию», возрожденную его учениками в 1949 г. и функционирующую по сей день. Многие члены МСМ составили левое крыло СДПГ и пытались утвердить в партии идеи учителя. А Нельсон высказывался также против классовой составляющей учения К. Маркса и за замену коллективизма теорией, допускавшей элементы частнособственнической экономики.¹⁹

Руководство СДПГ, увидевшее опасность в деятельности МСМ, в ноябре 1925 г. исключило его членов из своих рядов. В ответ Нельсон организовал «Международный социалистический союз борьбы» (МССБ). Новый союз избрал большинство исключенных и выступил против «политики приспособления», проводимой в Веймарской республике руководством социал-демократии, «за единство действий СДПГ и КПП в борьбе против правого радикализма».²⁰ После прихода нацистов к власти в 1933 г. сторонники МССБ создали одну из наиболее активных групп Сопротивления и сумели продержаться почти пять лет.

Разрабатываемые Нельсоном философские, этические и правовые идеи о «демократии», «элите», «государстве» и т.д. фактически представляли собой альтернативу как утверждавшемуся в Веймарской республике демократическому режиму, основанному на союзе либералов, демократов и большинства социал-демократов, так и концепциям переустройства общества, предлагаемых коммунистами с их диктатурой пролетариата или «консервативными революционерами» и правыми радикалами с их идеей национального Третьего рейха. Суть его идей весьма точно выразил В. Айхлер: «...все труды Нельсона ... выражают суть свободного социалистического представления об обществе и государстве, а именно, о государстве как о правовом институте, о такой форме организованного общества, которое должно позаботиться о правовом формировании жизни в обществе и сделать граждан государства способными и обладающими возможностью соблюдать в этом государстве свои права, выполнять свои обязанности и вести в рамках такого порядка достойную богатую в культурном отношении жизнь на основе свободного самоопределения».²¹

¹⁹ Миллер С. Слово о Вилли Айхлере // Айхлер В. Этический реализм и социальная демократия: Избранные труды. М., 1996. С. 17.

²⁰ Поттхоф Х., Миллер С. Краткая история СДПГ, 1848—2002. М., 2003. С. 146.

²¹ Айхлер В. В поиске нравственных основ общества // Айхлер В. Этический реализм и социальная демократия: Избранные труды. С. 28.

В условиях 1920-х гг., когда большинство граждан Веймарской Германии не было готово к восприятию программ этического социализма (или социального либерализма), когда характерной чертой немецкого самосознания оставалась более понятная харизматическая личность, идеи Нельсона оказывались мало востребованы. Более того, научная и практическая активность германского интеллектуала априори усугубляла идейный и организационный раскол в лагере либералов, демократов и социалистов, а также дискредитировала молодую парламентскую веймарскую систему в глазах многочисленных поклонников немецкого интеллектуала. Кроме того, призывы Нельсона к ограничению прав личности и идея о мудрецах-управленцах плохо гармонировали с идеями свободы человека и справедливости. Не случайно взгляды ученого на проблемы «лидерства» и «демократии» подняли волну критики еще при его жизни.²²

Отмеченные выше факты, однако, ставить Нельсону в вину вряд ли правомочно. Он, развивая свои теории, несомненно, желал своей стране лучшего, поэтому мы вполне солидарны со словами известного политика послевоенной Германии Сюзанны Миллер: «Как никакой философ своего времени, Нельсон стремился к тому, чтобы своими идеями свободы, справедливости и человеческого достоинства служить формированию государства и общества».²³ Правда, эти устремления ученого воплотились в жизнь лишь во второй половине XX века. И в этом смысле его научные изыскания не пропали. В подтверждение обратим внимание на преломление взглядов Леонарда Нельсона в контексте борьбы за утверждение демократического, социально-справедливого и открытого общества. Разговор начнем с Франца Оппенгеймера — одного из разработчиков теорий «социального либерализма» и «социального рыночного хозяйства». На этого экономиста и социолога Нельсон оказал воздействие через упоминавшийся выше кружок «Якоба Фридриха Фриза». Сам К. Оппенгеймер, в свою очередь, поспособствовал научному становлению одного из создателей послевоенного «германского чуда» христианского демократа Людвиг Эрхарда. Нельсон оказал огромное влияние также на немецкую послевоенную социал-демократию. Упоминавшийся выше В. Айхлер (в 1920-е гг. личный секретарь мыслителя, а затем руководитель МССБ²⁴) и обучавшийся в Геттингене Герхард Вайссер на основе нельсоновских идей разработали этическую модель демократического социализма, которая

²² Vorholt U. Die politische Theorie Leonard Nelsons: eine Fallstudie zum Verhältnis von philosophisch-politischer Theorie und konkret-politischer Praxis. Baden-Baden, 1998. S. 82, 92.

²³ Миллер С. Указ. соч. С. 16.

²⁴ Там же. С. 17—20.

легла в основание программы СДПГ, принятой на Бад-Годесбергском партийном съезде в 1956 г. Документ ориентировал партию на открытость, свободу, отказ от догматизма в идеологии. Вместе с Айхлером влияние Нельсона испытал Густав Гекман — другой авторитетный социал-демократ и один из создателей правозащитной организации «Международная амнистия». Кроме того, взгляды Нельсона оказали заметное воздействие на австрийско-британского философа и социолога Карла Поппера, а через него на либералов ФРГ, центром притяжения которых обычно считают СвДП. В 1960-е гг. попперовская концепция «открытого общества» была воспринята идеологом свободных демократов Ральфом Дарендорфом и включена в политическую дискуссию республиканцев.

Приведенные выше примеры убедительно свидетельствуют о громадной роли Нельсона в становлении и утверждении современной политической парламентской демократии и социально-рыночной экономической системы ФРГ. Остается лишь сожалеть о том, что в нашей стране творческое наследие немецкого интеллектуала недооценено. Отражением является следующий факт: последняя известная нам работа Леонарда Нельсона, переведенная на русский язык, вышла более 100 лет назад.²⁵

²⁵ *Нельсон Л.* Невозможность теории познания // Новые идеи в философии. СПб., 1913. Вып. 5.

Б.В. ПЕТЕЛИН

Особенности становления парламентаризма в оккупационных зонах Германии: 1945—1949 гг.

Последствия Второй мировой войны для Германии и переход страны от войны к миру по-прежнему привлекают исследователей.¹ Будущее немецкого народа зависело от победителей, оккупировавших Германию в соответствии с принятыми в ходе войны решениями. Однако сохранить прежние союзнические отношения СССР с США и Великобританией не удалось. Взятые обязательства за Германию в целом² в послевоенной жизни и политике оказались трудновыполнимыми. Вряд ли стоит приписывать великим державам коварные замыслы в решении германской проблемы. Прежние одиозные планы, как например, «план Morgентау»,³ были отброшены, но согласовать общие подходы, когда первоочередными становились собственные государственные цели, задачи и интересы, не удалось. Политикам, что Сталину, что Трумэну в той ситуации ближе и проще оказался язык конфронтации. На него, пусть и не сразу, перешло советское и американское общество, чему способствовали развязанные в странах внутривосточные кампании.⁴

То, что Германия, а вместе с ней и половина Европы, как пишет немецкий политолог Леонид Люкс, встали на путь коренных перемен в своей политической культуре, является закономерным. В конце концов, «стало понятно, что обожествление так называемого здорового

¹ См.: Победители и побежденные. От войны к миру: СССР, Франция, Великобритания, Германия, США (1941—1950). М., 2010.

² Тегеран. Ялта. Потсдам. Сборник документов. Изд-е 3-е. М., 1971. С. 386—397.

³ «План Morgентау» был назван по имени его разработчика министра финансов США Генри Morgентау и состоял из 14 пунктов, осуществление которых превращало Германию в «страну полей и пастбищ», но официальным документом «план» так и не стал (История Германии: в 3-х т. Кемерово, 2005. Т. 2. С. 287—289; См. также: *Невский С.И.* Социально-экономические реформы в послевоенной Западной Германии: 1945—1949. М., 2008. С. 111—115, док. 1. План Morgентау. 4 сент. 1944 г.

⁴ На синхронность и сходство «маккартизма» в США и «борьбы с космополитами» в СССР обратил внимание российский историк А.М. Филитов. Именно они посеяли семена взаимной враждебности, что использовалось в холодной войне (см.: *Филитов А.М.* Холодная война. Историографические дискуссии на Западе. М., 1991).

национального эгоизма, характерное для XIX в., ведет в тупик».⁵ Выход был в демократии. Но не возвращение к Веймарской республике, а в становлении и развитии новой политической системы, исключавшей сползание к тоталитаризму. В перечне «политических принципов», принятых победителями в Потсдаме, говорилось: «По всей Германии должны разрешаться и поощряться все демократические политические партии с предоставлением им права созыва собраний и публичного обсуждения».⁶

Оккупационные власти, ликвидируя остатки национал-социалистического режима, поддерживали в своих зонах тех немецких политиков, за которыми впоследствии закрепилось название «демократы первого часа».⁷ Несмотря на различия в оценках политических процессов 1945—1949 гг. на западе и востоке Германии, их сутью было утверждение парламентаризма. Да, с расколом Германии, что стало следствием начавшейся холодной войны, парламентские системы в ФРГ и ГДР существенно разошлись. Практика показала, что парламентаризм больше соотносится с капиталистической рыночной экономикой («социально-рыночное хозяйство» в ФРГ), чем с государственной плановой экономикой социализма. Тем не менее в ГДР до конца ее существования сохранилась самая представительная политическая система: пять партий, хотя реальная власть, конечно, была у СЕПГ.

Вернемся к ситуации 1945 года. Политическим центром на тот момент был Берлин. СССР имел определенное преимущество — Берлин победоносно штурмовала Красная Армия, и до 4 июля 1945 г. советские военные власти могли контролировать весь город, расставляя на важные места своих союзников из КПГ, включая учреждения городского управления. После передислокации в столицу союзнических войск, Берлин, разделенный на сектора, утратил внутреннее единство и надолго превратился в «поле битвы» между СССР и западными державами, прежде всего США.⁸

⁵ *Luks L.* Das Schneitern der «ersten» russischen und der «ersten» deutschen Demokratie und die daraus gezogenen Lehren nach 1945 // Германия и Россия: события, образы, люди: сборник российско-германских исследований. Воронеж, 2008. С. 66—67.

⁶ Тегеран. Ялта. Потсдам. С. 389.

⁷ См.: *Christliche Demokraten der ersten Stunde.* Bonn, 1966; *Петелин Б.В.* Христианские «демократы первого часа» о судьбах Германии в 1945—1949 гг. // Европа во Второй мировой войне: история, уроки, современность. Витебск. 2005. С. 207—210.

⁸ О противостоянии СССР и США, деятельности разведок и операциях спецслужб в послевоенном Берлине рассказали участники тех событий Джордж Бэйли, Сергей Кондрашев и Дэвид Мэрфи (см. подробнее: *Бейли Дж., Кондрашев С., Мэрфи Д.* Поле битвы — Берлин. М., 2002. С. 17.

Союзники не отказывались от выполнения взятых на себя обязательств по денацификации, демократизации, демилитаризации, по искоренению фашистских последствий во всех проявлениях. При этом ставка делалась на привлечение немцев в формировании новой государственности. 10 июня 1945 г. приказом № 2 главначальствующего СВАГ в советской зоне оккупации была разрешена («выдана лицензия») деятельность антифашистских партий и организаций, к которым относились КППГ, СДППГ, ХДС и ЛДП. 14 июля 1945 г. с разрешения советских оккупационных властей в Берлине был создан антифашистский блок четырех партий КППГ, СДППГ, ХДС и ЛДП. СВАГ раньше, чем это было сделано в американской и британской зонах, признал создание новых партий ХДС и ЛДП.

Интерес для исследователей представляет ХДС, крупнейшая партия в современной Германии, председатель которой Ангела Меркель с 2005 г. является федеральным канцлером.⁹ В воззвании к немецкому народу от 26 июня 1945 г., опубликованном в «Берлинер цайтунг», говорилось: «После тяжелейшей катастрофы, которая произошла с нашей страной, партия Христианско-демократический союз Германии обращается с горячей любовью к немецкому народу объединить все христианские, демократические и социальные силы к сотрудничеству и строительству новой Родины». Союз, говорилось в «воззвании», представляет все трудности и разрушения, в которых повинен гитлеровский режим, и готов преодолеть их вместе со всем немецким народом, обеспечив ему хлеб, кров и работу.¹⁰

В программном заявлении партий антифашистского блока, которое от ХДС подписали Андреас Гермес, Вальтер Шрайбер, Якоб Кайзер, Теодор Штельцер, Эрнст Леммер, говорилось об очищении Германии от пережитков гитлеризма и перестройке страны на антифашистско-демократических основах, обеспечении безопасности и свободы для всех граждан и религиозных конфессий, решении насущных социально-экономических проблем. Подписавшие «заявление» обязались поддерживать сотрудничество своих партий на всех организационных уровнях.¹¹

Схема зон оккупации Германии и Большого Берлина приводится в книге К.И. Коваля, являвшегося в 1945—1950 гг. первым заместителем главначальствующего СВАГ по экономическим вопросам (см.: *Коваль К.И.* Последний свидетель. «Германская карта» в холодной войне. М., 1997. С. 44—46).

⁹ См.: *Resing V.* Die Kanzler-Maschine. Wie die CDU funktioniert. Freiburg, 2013.

¹⁰ Gründungsaufwurf der Christlich-Demokratischen Union // *Dokumente der CDU.* Berlin, 1956. S. 19—22.

¹¹ *Kommunique über die Bildung des Blocks der antifaschistisch-demokratischen Parteien // DDR. Dokumente aus den Jahren 1945—1949.* Berlin, 1956. S. 91—93.

Опубликованные документы из российских архивов, прежде всего о деятельности СВАГ, свидетельствуют о значительной пропагандистской работе среди немецкого населения.¹² Проводником этой деятельности стали члены КПП. Исследователи справедливо отмечают существенный «вклад» в советизацию Восточной Германии Вальтера Ульбрихта, прибывшего в 1945 г. в Берлин из СССР. Будучи убежденным коммунистом, он считал полностью приемлемыми для Германии сталинскую плановую экономику и советскую политическую систему.¹³

Неудивительно, что между различными политическими силами развернулась острая борьба. Именно она разрушила надежды, а таковые все же были, на формирование общегерманской партийно-политической системы. И «старые» и «новые» партии не избежали раскола. Пример подали коммунисты, когда 21—22 апреля 1946 г. в Берлине состоялся объединительный съезд КПП и СДПП, и была создана СЕПП. Однако в западных зонах КПП и СДПП сохранили свою самостоятельность, что объективно ослабляло левые партии в отстаивании единства страны. Впрочем, раскола не избежал и ХДС. После того, когда в феврале 1946 г. в британской оккупационной зоне председателем ХДС стал Конрад Аденауэр, взаимопонимание и взаимодействие между христианскими демократами Рейнской провинции и Берлина быстро исчезло.¹⁴

Англо-американским оккупационным властям было проще: они не собирались строить новую экономическую модель в Западной Германии. Капиталистическая основа оставалась незыблемой, разве что ей придали большую социальную направленность. Сказалось и влияние идей «христианского социализма», что нашло отражение в первых программах ХДС. Даже Аденауэр, несмотря на неприятие «социализма», был вынужден вставлять эти идеи в свои публичные выступления.¹⁵ Тем самым ХДС в западных зонах смог получить поддержку от населения на коммунальных выборах и партия стала инициатором дальнейшего продвижения к оформлению государственности.

¹² См.: Советская военная администрация в Германии (СВАГ). Управление пропаганды (информации) и С.И. Тюльпанов. 1945—1949 гг. Сб. документов. Изд. 2-е, дополн. и измен. М.; СПб., 2006.

¹³ *Бетмакаев А.М.* В. Ульбрихт и экономическая политика в ГДР (1949—1971 гг.) // Власть, политика и идеология в истории Европы: сб. научн. ст., посвященный 30-летию кафедры ВИМО АлтГУ. Барнаул, 2005. С. 126—127.

¹⁴ Подробнее о руководстве ХДС см.: *Петелин Б.В.* Ранняя история Христианско-демократического союза: Конрад Аденауэр-Якоб Кайзер-Отто Нушке. 1945—1952 гг. Череповец, 2014. С. 57—60.

¹⁵ *Патрушев А.И.* Германия в XX веке. М., 2004. С. 302.

1 июля 1948 г., с началом советской блокады Западного Берлина, военные губернаторы вручили главам земельных правительств Западной Германии «приказ» созвать не позднее 1 сентября 1948 г. Учредительное национальное собрание. В ноте Советского правительства от 14 июля 1948 г. говорилось, что «после того как США, Великобритания и Франция своими сепаратными действиями в западных зонах Германии разрушили систему четырехстороннего управления Германией и стали создавать во Франкфурте-на-Майне столицу для правительства Западной Германии, они тем самым подорвали и ту правовую основу, которая обеспечивала их право на участие в управлении Берлином».¹⁶

Естественно, что все углубляющийся раскол между бывшими союзниками имел прямое отношение к политическим процессам в немецких землях, но на западе Германии возобладал все же парламентский подход, а не продавливание авторитарного режима. Западным союзникам пришлось даже изменить формулировку и содержание «приказа» (вместо «приказа» теперь значились «рекомендации»)¹⁷ 1 сентября 1948 г. в Бонне начал свою работу Парламентский совет, председателем которого был избран Конрад Аденауэр. На нем был разработан и принят «Основной закон» (конституция ФРГ), который был одобрен ландтагами западных земель, за исключением Баварии, которая, однако, обязалась его уважать. 24 мая 1949 г. Основной закон вступил в силу, что считается «днем рождения» парламентарно-демократической Федеративной Республики Германии.¹⁸

В СОЗ в 1947—1949 гг. политический процесс развивался в двух направлениях. СВАГ и СЕПГ официально не отказывались от объединения Германии. В этих целях упор делался на развертывание общегерманских действий в поддержку единого государства. 6 декабря 1947 г. в Берлине собрался Немецкий народный конгресс. Делегаты конгресса, а среди них были представители от западных зон, объявили о создании Немецкого народного совета и потребовали от оккупационных властей создания правительства «из представителей всех демократических партий».¹⁹

2-й Немецкий народный конгресс «За единство Германии и справедливый мир» состоялся 17—18 марта 1948 г. в советском секторе Берлина. Руководство СВАГ заблаговременно занялось фильтровани-

¹⁶ СССР и германский вопрос. 1941—1949: Документы из российских архивов. — Die UdSSR und deutsche Frage. 1941—1949: Dokumente aus russischen Archiven: в 4-х т. [М., 2012]. Т. IV. С. 175.

¹⁷ Рейман М. Решения 1945—1956. М., 1975. С. 126.

¹⁸ См.: Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland. После объединения Германии 3 октября 1990 г. Основной закон ФРГ был сохранен за исключением некоторых статей.

¹⁹ Патрушев А.И. Указ. соч. С. 312.

ем состава его участников.²⁰ Решено было направить больше представителей от рабочих и крестьян. Восточная ХДС была представлена на нем 191 делегатом (всего участвовало около 2 тыс. делегатов), но из западных зон прибыло только 4 члена партии (всего из западных зон участвовало 512 делегатов). Вступительную речь при открытии Конгресса произнес Отто Нушке (ХДС), который резко критиковал западные державы за политику раскола Германии. Было предложено сформировать постоянный орган Конгресса с названием «Демократическое собрание Германии» или «Национальный совет Германии». Делегатами был утвержден текст общегерманской конституции, в основу которой лег документ СЕПГ, подготовленный еще в ноябре 1946 г. До четверти делегатов были недовольны ходом Конгресса, а 300 делегатов отказались участвовать в выборах Народного совета.

Согласно решению Народного конгресса, с 23 мая по 13 июня 1948 г. был проведен опрос для выявления отношения к плебисциту о единстве Германии. В восточной части инициативу Народного конгресса поддержали до 90,2 % избирателей. В западной части Германии власти намеренно препятствовали работе активистов. Всего собрали около 15 млн подписей, что составило 37 % всех избирателей Германии. Основания для проведения плебисцита были, но западные державы отклонили просьбу Народного конгресса.²¹ Впрочем, советское руководство понимало, что провести плебисцит и получить желаемый результат не представляется возможным.

Следует отметить, что движение Народного конгресса не стало массовым на западе Германии. Более того, идея единой Германии быстро утратила свою актуальность. Для большинства немецкого населения, как на западе, так и на востоке первоочередными, насущными целями были работа, семья, материальный доход, восстановление во всех сферах нормальной жизни, а не «голая» политика противостояния Запада и Востока. Что касается общественно-политической жизни, то в ФРГ и ГДР с учетом их социально-экономических различий, сложились парламентские основы: многопартийность, избирательные кампании, выборы, массовые организации и союзы. Разумеется, со временем в ГДР многое исчезнет, или станет невозможным, особенно после возведения Берлинской стены, но говорить о приходе «второй диктатуры» в Германии и сравнивать «Der SED-Staat» с нацистским Рейхом²² вряд ли допустимо в объективном изложении немецкой истории.

²⁰ СССР и германский вопрос. 1941—1949: Документы из Архива внешней политики Российской Федерации. — Die UdSSR und die deutsche Frage. 1941—1949 Dokumente aus dem Archiv für Aussenpolitik der Russischen Föderation: в 3-х т. М., 2003. Т. III. С. 633—645.

²¹ История Германской Демократической Республики 1949—1979. М., 1979. С. 91.

²² См.: Lexikon des DDR-Sozialismus. München, 1997. Bd. 1. S. 5—14.

Сведения об авторах

Акульшин Петр Владимирович — доктор исторических наук, профессор, руководитель Научно-исследовательского центра историко-гуманитарных и социально-экономических исследований РГУ, Рязань, Россия;

Аронов Дмитрий Владимирович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Государственного университета — учебно-научно-производственного комплекса, Орел, Россия;

Гайда Федор Александрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России XIX века — начала XX века исторического факультета МГУ, Россия;

Гордеев Пётр Николаевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и докторант кафедры русской истории РГПУ, Санкт-Петербург, Россия;

Дёмин Вадим Александрович — доктор исторических наук, профессор кафедры философии и истории МГИУ, Краснознаменск, Московская область, Россия;

Егоров Андрей Николаевич — доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и философии ЧГУ, Череповец, Россия;

Жолудов Михаил Валентинович — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений РГУ, Рязань, Россия;

Землянский Вадим Леонидович — аспирант АГПГУ, Комсомольск-на-Амуре, Россия;

Златина Мария Александровна — кандидат исторических наук, доцент кафедры русской истории РГПУ, Санкт-Петербург, Россия;

Иванов Андрей Александрович — доктор исторических наук, доцент кафедры русской истории РГПУ, Санкт-Петербург, Россия;

Исмагулова Тамара Джакешевна — младший научный сотрудник сектора источниковедения Российского института истории искусств (Зубовского), Санкт-Петербург, Россия;

Кара-Мурза Владимир Владимирович — магистр истории Кембриджского университета, старший эксперт Института современной России, Вашингтон, США;

Кельнер Виктор Ефимович — доктор исторических наук, профессор кафедры еврейской культуры Института философии СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия;

Кирьянов Игорь Константинович — доктор исторических наук, доцент, декан историко-политологического факультета, заведующий кафедрой новейшей истории России ПГНИУ, Пермь, Россия;

Клименко Юлия Гавриловна — кандидат архитектуры, доцент кафедры истории архитектуры и градостроительства МАРХИ, старший научный сотрудник НИИТИАГ РААСН, Москва, Россия;

Кович Милош — PhD, доцент исторического отдела философского факультета Белградского университета, Белград, Республика Сербия;

Костогрызов Павел Игоревич — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета, Екатеринбург, Россия;

Костылев Александр Владимирович — кандидат исторических наук, доцент СПбГАУ, Санкт-Петербург, Россия;

Кретицин Сергей Владимирович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории средних веков и зарубежных славянских народов ВГУ, Воронеж, Россия;

Куликов Сергей Викторович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела новой истории России СПб ИИ РАН, член НМС при Центре истории парламентаризма, Санкт-Петербург, Россия;

Курьянович Александр Викторович — профессор, Международный университет «МИТСО», Минск, Республика Беларусь;

Лабутина Татьяна Леонидовна — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник ИВИ РАН, Москва, Россия;

Ландер Инга Георгиевна — кандидат искусствоведения, доцент Северо-западного института печати СПбГУТД, Санкт-Петербург, Россия;

Лукоянов Игорь Владимирович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела новой истории России СПб ИИ РАН, член НМС при Центре истории парламентаризма, Санкт-Петербург, Россия;

Малыгин Вадим Валерьевич — искусствовед, технический исполнитель ОАО ЦКБ МТ «Рубин», Санкт-Петербург, Россия;

Мичурин Алексей Николаевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории СПбПУ, Санкт-Петербург, Россия;

Моряхина Вера Николаевна — историк искусства, Санкт-Петербург, Россия;

Николаев Андрей Борисович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой русской истории РГПУ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, член НМС при Центре истории парламентаризма, Санкт-Петербург, Россия;

Николаева Тамара Ивановна — заслуженный работник культуры Российской Федерации, почетный реставратор Санкт-Петербурга, Санкт-Петербург, Россия;

Омельянчук Игорь Владимирович — доктор исторических наук, доцент кафедры социально-политических наук СПбГУТ, Санкт-Петербург, Россия;

Патрикеева Ольга Алексеевна — доктор исторических наук, профессор Института истории СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия;

Петелин Борис Валентинович — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и философии ЧГУ, Череповец, Россия;

Петрова Елена Евгеньевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры международного права РГПУ, Санкт-Петербург, Россия;

Портнягина Наталья Александровна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории для преподавания на естественных и гуманитарных факультетах Института истории СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия;

Разумовская Аида Геннадьевна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры литературы ПГУ, Псков, Россия;

Раскин Давид Иосифович — доктор исторических наук, профессор Института истории СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия;

Романенчук Кира Викторовна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики РГПУ, Санкт-Петербург, Россия;

Ростиславлева Наталья Васильевна — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, директор Российско-германского учебно-научного центра РГГУ, Москва, Россия;

Рыбакова Татьяна Ивановна — реставратор высшей категории, заведующая секцией реставрации графики Научно-исследовательского музея Российской академии художеств, Санкт-Петербург, Россия;

Седова Яна Анатольевна — кандидат технических наук, доцент АГТУ, Астрахань, Россия;

Селезнев Геннадий Николаевич — Председатель Государственной думы Федерального Собрания Российской Федерации второго и третьего созывов (1996 — 2003 гг.), Москва, Россия;

Селезнев Федор Александрович — доктор исторических наук, профессор, заведующий центром краеведческих исследований Института международных отношений и мировой истории ННГУ, Нижний Новгород, Россия;

Сергеев Алексей Иванович — Генеральный секретарь — руководитель Секретариата Совета МПА СНГ, Санкт-Петербург, Россия;

Сидоренко Надежда Семеновна — доктор исторических наук, доцент; профессор кафедры отечественной истории и права ЧГПУ, Челябинск, Россия;

Соколов Александр Станиславович — доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и философии РГРУ, Рязань, Россия;

Соловьев Кирилл Андреевич — доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник ИРИ РАН, Москва, Россия;

Тарасова Екатерина Александровна — кандидат исторических наук, доцент Института истории СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия;

Федоров Сергей Егорович — доктор исторических наук, профессор кафедры истории средних веков Института истории СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия;

Фруменкова Татьяна Георгиевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры русской истории РГПУ, Санкт-Петербург, Россия;

Холяев Сергей Владимирович — кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных наук ЯГТУ, Ярославль, Россия;

Циунчук Рустем Аркадьевич — доктор исторических наук, профессор КФУ, Казань, Россия;

Чемакин Антон Александрович — аспирант кафедры русской истории РГПУ, Санкт-Петербург, Россия;

Черноперов Василий Львович — доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений ИГУ, Иваново, Россия;

Шадрина Лидия Дмитриевна — аспирантка Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова, ведущий аналитик Аппарата Мэра и Правительства Москвы, Москва, Россия;

Щукин Денис Васильевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры российской истории и археологии ЕГУ, Елец, Россия;

Юрковский Роман Янович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Восточной Европы Института истории и меж-

дународных отношений Варминско-Мазурского университета, Ольштын, Польша.

Список сокращений и аббревиатур

АГПУ — Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет;

АГТУ — Астраханский государственный технический университет;

АК — Адрес-календарь;

АКВ — Амурское казачье войско;

АРО ГЦТМБ — Архивно-рукописный отдел Государственного центрального театрального музея имени А.А. Бахрушина;

б/г — без года;

бар. — барон;

БНФ — Белорусский народный фронт;

ВГУ — Воронежский государственный университет;

ВКГД — Временный комитет Государственной думы;

ВЗС — Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам;

ВПК — военно-промышленные комитеты;

ВСГ — Всероссийский союз городов;

ГА — Государственный архив;

ГАВО — Государственный архив Владимирской области;

ГААО — Государственный архив Архангельской области;

ГАРО — Государственный архив Рязанской области;

ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации;

ГАТО — Государственный архив Тамбовской области;

ГМУ — Государственный музей-усадьба;

ГПУ — Государственно-правовое управление Президента Российской Федерации;

ДРЗ — Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына;

ЕГУ — Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина;

ИВИ РАН — Институт всеобщей истории Российской академии наук;

ИГУ — Ивановский государственный университет;

ИРИ РАН — Институт российской истории Российской академии наук;

ИЧР — индекс человеческого развития;

КГИОП — Комитет по государственному контролю, использованию и охране памятников Правительства Санкт-Петербурга;

КДП — Конституционно-демократическая партия;

кн. — князь;

КПГ — Коммунистическая партия Германии;

КФУ — Казанский (Приволжский) федеральный университет;

ЛДП — Либерально-демократическая партия;
МАРХИ — Московский архитектурный институт (Государственная академия);
МГУ — Московский государственный гуманитарный университет имени М.А. Шолохова;
МГИУ — Московский государственный индустриальный университет;
МГОУ — Московский государственный областной университет;
МГУ — Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия;
МИД — Министерство иностранных дел;
МИТСО — Международный институт трудовых и социальных отношений;
МНП — Министерство народного просвещения;
МО — Московское отделение;
МПА СНГ — Межпарламентская Ассамблея Государств — участников Содружества Независимых Государств;
МСМ — Международный союз молодежи;
МССБ — Международный социалистический союз борьбы;
НА РБ — Национальный архив Республики Беларусь;
«НВ» — «Новое время»;
НИИТИАГ РААСН — Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства;
НМС — Научно-методический совет;
ННГУ — Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского;
НСДАП — Национал-социалистическая рабочая партия Германии (нем. National-Sozialistische Deutsche Arbeiterpartei; NSDAP);
ОАО ЦКБ МТ — Открытое акционерное общество Центральное конструкторское бюро морской техники;
ОРРК — Отдел рукописей и редких книг;
ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки;
Особез — Особое совещание по устройству беженцев;
Осопрод — Особое совещание для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу;
Осотоп — Особое совещание для обсуждения и объединения мероприятий по обеспечению топливом;
ПГНИУ — Пермский государственный национальный исследовательский университет;
ПГ — прогрессивная группа;
ПГУ — Псковский государственный университет;
ПДР — партия демократических реформ;
ПСЗ-3 — Полное собрание законов Российской империи. Собра-

ние третье;

ПСР — партия социалистов-революционеров;

ПСС — Полное собрание сочинение;

ПТА — Петроградское телеграфное агентство;

ПЦР — Падение царского режима;

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства;

РГАДА — Российский государственный архив древних актов

РГГУ — Российский государственный гуманитарный университет;

РГИА — Российский государственный исторический архив;

РГИА ДВ — Российский государственный исторический архив Дальнего Востока;

РГПУ — Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена;

РГРУ — Рязанский государственный радиотехнический университет;

РГУ — Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина;

РДР — Российское движение демократических реформ;

РМП — Русская монархическая партия;

РО ИРЛИ РАН — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской академии наук;

РО РГБ — Рукописный отдел Российской государственной библиотеки;

РСДРП — Российская социал-демократическая рабочая партия;

САПП РФ — Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации;

СВАГ — Советская военная администрация в Германии;

СвДП — Свободная демократическая партия (Германия);

СДПГ — Социал-демократическая партия Германии;

СЕПГ — Социалистическая единая партия Германии;

СОЗ — советская оккупационная зона;

СПбГАУ — Санкт-Петербургский государственный аграрный университет;

СПбГУ — Санкт-Петербургский государственный университет;

СПбГУТ — Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций имени профессора М.А. Бонч-Бруевича;

СПбГУТД — Санкт-Петербургский государственный университет технологии и дизайна;

СПб ИИ РАН — Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук;

СПбПУ — Санкт-Петербургский политехнический университет;

СРН — Союз русского народа;

СУ — Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. Отдел первый;

УКВ — Уссурийское казачье войско;

ФСН — факультет социальных наук;

ХДС — Христианско-демократический союз;

ЦГАКФФД СПб — Центральный государственный архив кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга;

ЦГА РСО-А — Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания;

ЦГИА СПб — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга;

ЧГПУ — Челябинский государственный педагогический университет;

ЧГУ — Череповецкий государственный университет;

ЧСГД — Частные совещания членов Государственной думы;

ЧСК — Чрезвычайная следственная комиссия для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и прочих высших должностных лиц как гражданского, так военного и морского ведомств Временного правительства;

ЯГТУ — Ярославский государственный технический университет.

Таврические чтения 2014

**Актуальные проблемы парламентаризма:
история и современность**

Международная научная конференция

Часть вторая

Компьютерная верстка *Поповой Н.В.*

Подписано к печати 14.10.15. Формат 70x100 1/16.
Печ. л. 14,5. Усл. печ. л. 18,9. Тираж 200 экз. Заказ 131

Отпечатано методом оперативной полиграфии
в ООО «Издательство «ЭлекСис», СПб, Новочеркасский пр., д. 1